

СОЧИНЕНІЯ
ДЖОНА РЁСКИНА.

ОРЛИНОЕ ГНѢЗДО

(10 лекцій объ отношеніи естествознанія къ искусству).

ПЕРЕВОДЪ

Л. П. Никифорова.

Москва.

Изданіе магазина „Книжное Дѣло“.

1903.

Дозволено цензурою. Москва, 17 мая 1903 г.

EESTI
RAHVUSRAAMATUKOGU

2-267634:2

Типографія Вильде, Малая Кисловка, собствен. домъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Прилагаемыя чтенія написаны были мною съ меньшей не тщательностью, а мучительностью, чѣмъ всѣ предыдущія лекціи, потому что никакая тщательность не могла сдѣлать утомительнымъ изложеніе ихъ предмета и я желалъ снять съ нихъ всякую тѣнь чего-либо подобнаго; но мои положенія вполне обдуманны, хотя ихъ термины и ненаучны; и то положеніе изъ числа ихъ, которое обычному читателю покажется наиболѣе поразительнымъ, а именно мое утвержденіе, что изученіе анатоміи губельно для искусства, крайне необходимо для объясненія системы, которой я руковожусь въ моихъ оксфордскихъ чтеніяхъ.

Въ тотъ періодъ, когда гравированіе могло имѣть для искусства такое же значеніе, какое книгопечатаніе имѣло для литературы, четыре величайшихъ изъ всѣхъ извѣстныхъ до сихъ поръ рисовальщиковъ пунктиромъ: Монтенья, Сандро Боттичелли, Дюреръ и Гольбейнъ занялись этой новой отраслью искусства. Всѣ эти четыре человѣка были такъ же богато одарены духовно и уметвенно, какъ и даровиты въ области искусства, и еслибъ они гравировали такъ же, какъ рисовалъ Джіотто въ его ненаучной и народной простотѣ, то оставили бы потомству безчисленную серію картинъ, восхительныхъ для простыхъ, невинныхъ душъ и глубокопоучительныхъ для самыхъ благородныхъ умовъ.

Но двое изъ нихъ, Монтенья и Дюреръ, были такъ извращены и обезсилены изученіемъ анатоміи, что лучшія произведенія перваго изъ нихъ (напримѣръ, прекрасная мифологія пороковъ въ Луврѣ) окончательно возмутительны для всѣхъ женщинъ и дѣтей; тогда

какъ Дюреръ никогда не былъ въ состояніи нарисовать прекрасной женской фигуры или красиваго лица; и изъ его самыхъ замѣчательныхъ картинъ только четыре: Меланхолія, Св. Іеронимъ въ своей кельѣ, Св. Губертъ и Рыцарь и Смерть, имѣютъ какое-нибудь значеніе для народа, такъ какъ только на нихъ фигуры или вполне задрапированы или въ полномъ вооруженіи, и потому онъ былъ въ состояніи правильно думать и чувствовать, будучи свободенъ отъ ужасной заботы объ изображеніи костяка.

Боттичелли и Гольбейнъ изучали сперва лицо, а затѣмъ члены тѣла; и потому труды, оставленные ими, безусловно драгоцѣнны, хотя и омрачены и извращены тѣмъ вліяніемъ, которое имѣли на нихъ современные имъ художественники, рисовавшіе тѣло; а затѣмъ таланты ихъ окончательно затмились подъ вліяніемъ ложной славы. Поэтому я предполагаю въ будущемъ моемъ курсѣ лекцій разъяснить отношеніе этихъ двухъ художниковъ къ другимъ мастерамъ, выдававшимся въ области рисованія и гравированія.

Брантвудъ, 2-го сентября, 1872 года.

Орлиное гнѣздо.

ЛЕКЦІЯ I.

О мудрости и безуміи въ искусствѣ.

8-го февраля 1872 года.

1. Хотя лекціи, читанныя мною до сихъ поръ, по своему содержанію и были вполне добросовѣстно приспособлены къ пониманію студентовъ, однако мнѣ приходилось значительно измѣнять методъ чтенія, такъ какъ я всегда чувствовалъ, что та аудиторія студентовъ, къ которой я желалъ бы обращаться со своей рѣчью, была въ сущности воображаемой, и что въ дѣйствительности мнѣ приходилось читать смѣшанной аудиторіи, состоявшей большей частью изъ преподавателей университета. Въ силу этого я обязанъ былъ болѣе излагать принципы, на основаніи которыхъ я надѣялся прокладывать или расчищать путь къ веденію моего курса, чѣмъ приступать къ непосредственному изложенію предмета моего преподаванія. Но въ настоящее время и впредь мы, я надѣюсь, приступимъ къ основательному и послѣдовательному изученію предмета, а потому я отнынѣ всецѣло буду обращаться исключительно къ студентамъ и желаю, чтобы мои лекціи были полезны имъ и интересны, насколько это допускается самымъ предметомъ.

2. Далѣе я долженъ просить даже самыхъ молодыхъ моихъ слушателей извинить меня за то, что я буду излагать мой предметъ просто и популярно. Имъ приходится много работать по другимъ лекціямъ, и да не подумаютъ они, что я слишкомъ невысокаго мнѣнія объ ихъ умственныхъ силахъ, если стараюсь по возможности все

облегчить имъ. Никакой предметъ, достойный изученія, не можетъ быть изученъ безъ усилій, но мы никогда не должны увеличивать эти трудности изъ желанія сохранить наше достоинство. Къ тому же я постараюсь, чтобы лекціи мои были короче, чѣмъ онѣ были до сихъ поръ. Я желалъ бы, чтобы вы запоминали все, что я буду вамъ говорить, а я не думаю, чтобы вамъ возможно было хорошо запомнить болѣе того, что я легко могу изложить вамъ въ полчаса, и обѣщаясь во всякомъ случаѣ, что вамъ будетъ достаточно времени, чтобы въ теченіе моего часа отдохнуть и не опоздать на слѣдующую лекцію. Вы, конечно, не припишете это моей лѣни, и я смѣло могу васъ увѣрить, что мнѣ иногда нужна бываетъ цѣлая недѣля, чтобы обдумать то, что я выскажу вамъ менѣе чѣмъ въ одну минуту, и къ тому же могу смѣло сказать, что въ здоровомъ преподаваніи какого бы то ни было искусства разговоры самое послѣднее дѣло. Мало того, изъ уваженія къ тому предмету, который мнѣ приходится излагать вамъ сегодня, а именно къ философіи искусства, преподаватели ея вплоть до настоящаго столѣтія меньше говорили и больше наблюдали; и было бы хорошо даже для людей нашего столѣтія при всей выдающейся точности въ искусствѣ ихъ наблюденія, если бъ они вполне усвоили себѣ старую привычку придавать больше значенія не тому, что можно сказать, а тому, что нужно узнать въ какой бы то ни было области.

3. Вы, вѣроятно, охотно признаете это по отношенію къ наукѣ и повѣрите мнѣ, что это примѣнимо и къ искусству. Въ обѣихъ этихъ областяхъ духовной жизни вы легко чувствуете дурныя послѣдствія желанія больше говорить, чѣмъ знать, и больше говорить, чѣмъ дѣлать. Но примѣнимо ли это и къ той третьей области, которая здѣсь въ Оксфордѣ, повидимому, такъ энергично примѣшалась къ наукѣ и искусству, подобно докучливымъ скаламъ, нарушающимъ не безъ сожалѣнія однообразіе издавна плодотворной равнины; я разумѣю ваше царство или княжество литературы. Можемъ ли мы это сравненіе примѣнить и къ ней. Мы говоримъ, что вредно для науки, если люди предпочитаютъ разговоры знанію, вредно для искусства, если люди желаютъ больше говорить, чѣмъ дѣлать; вредно для литературы, если люди предпочитаютъ слова... чему? Можетъ быть, вы думаете, что литература и состоитъ въ разговорахъ, что тройная сила науки, искусства и литературы и заключаются въ знаніи, дѣланіи и передачѣ на словахъ. Но это не вѣрно. Способность хо-

рошо выражать что бы то ни было на словахъ и въ письмѣ есть такое же искусство, какъ и всякое другое, и основано на столь же точномъ и опредѣленномъ изученіи. Профессоръ Максъ Мюллеръ преподаетъ вамъ науку языкознанія, и найдутся люди, которые скажутъ вамъ, что искусство языкознанія есть единственное, которое я въ состоянїи преподавать вамъ. Но постарайтесь еще разъ въ краткихъ словахъ провести вашу тройную параллель и посмотрите, не явится ли у васъ новая мысль, уясняющая вамъ ея значеніе? Въ наукѣ вы не должны говорить, прежде чѣмъ не приобретете достаточно знаній. Въ искусствѣ вы не должны говорить, прежде чѣмъ не сдѣлаете. Въ литературѣ вы не должны говорить, прежде чѣмъ не обдумаете.

Такова ваша третья область. Царство мысли или концепціи.

Вполнѣ желательно, чтобы вы опредѣлили для себя три великихъ сферы дѣятельностей людей въ слѣдующихъ выраженіяхъ.

Наука — есть познаніе предметовъ, какъ идеальныхъ, такъ и реальныхъ.

Искусство — есть видоизмѣненіе реальныхъ предметовъ реальной нашей силой.

Литература — есть видоизмѣненіе идеальныхъ предметовъ идеальной нашей силой.

4. Но теперь замѣтите. Если это подраздѣленіе вѣрно, то мы должны имѣть такое опредѣленіе для литературы, въ которомъ отсутствовало бы слово „литера“, т. е. буква. Вполнѣ справедливо, что въ большинствѣ случаевъ видоизмѣненіе идеальныхъ предметовъ при помощи нашей идеальной силы несовершенно, пока оно не выражено и не доставляетъ намъ восторга, пока не сообщено другимъ. Правильно выражать свою мысль письмомъ и чтеніемъ есть великая задача и составляетъ ту часть литературы, которая можетъ всего яснѣе быть преподаваема. Но это составляетъ только форму, тѣло мысли. А душа можетъ существовать и безъ тѣла, но не тѣло безъ души, такъ какъ и по отношенію къ литературѣ, какъ и ко всему остальному въ насъ и для насъ, справедливо то, что буква мертвитъ, а духъ животворитъ, „*litera occidit, spiritus autem vivificat*“.

Тѣмъ не менѣе я долженъ въ настоящее время удовольствоваться старымъ терминомъ. Мы не можемъ сказать „*спиритура—spiriture*“, или „*аниматура—animature*“ вмѣсто литературы, но мы не должны довольствоваться обычнымъ опредѣленіемъ значенія этого слова.

Помните всегда, что вы явились въ этотъ университетъ не для того, чтобъ научиться говорить, а для того, чтобъ научиться думать о разныхъ предметахъ; по крайней мѣрѣ, такова была цѣль, съ какою поступали въ него ваши отцы.

5. „Какъ! думать! Да вѣдь это только искусство логики“ можетъ быть, отвѣтите вы. И это не вѣрно: логика методъ, а не сила, а мы опредѣлили, что литература есть видоизмѣненіе идеальныхъ предметовъ при помощи идеальной силы, а не механическаго метода. И вы являетесь въ университетъ для пріобрѣтенія или развитія этой силы, а не для того, чтобы научиться только методу употребленія или примѣненія ея.

Я говорю, что вы являетесь для этого въ университетъ, и, можетъ быть, нѣкоторые изъ васъ крайне удивлены, услыхавъ это. Вы не знали, что поступили съ этой цѣлью въ университетъ, и даже многіе, можетъ быть, не уяснили себѣ, куда они вступили. Я вполне даже увѣренъ, что нѣкоторые изъ васъ и по сіе время не понимаютъ значенія университета. Можете ли вы тотчасъ же отвѣтить мнѣ, напр. на то, представляетъ ли университетъ такое мѣсто, куда всѣ являются, чтобы научиться чему-нибудь, или такое мѣсто, куда являются нѣкоторые, чтобъ научиться всему? Университету по крайней мѣрѣ стараются практически въ настоящее время придать первое значеніе, но теоретически онъ всегда значилъ второе, т. е. означалъ мѣсто, куда являются только извѣстныя лица, чтобы научиться всему, т. е. куда лица, желающія мыслить, поступаютъ, чтобъ научиться мыслить, мыслить правильно не только о математикѣ, о нравственности, о хирургіи или о химіи, но обо всемъ.

6. Я говорю, что не всѣ вы знаете это, и тѣмъ не менѣе, знаете ли вы это или нѣтъ, желаете ли вы этого или нѣтъ, но въ извѣстной степени въ силу непреложной силы вещей факты складываются сообразно съ этимъ. Мы въ настоящее время, замѣтите, имѣемъ три рода школъ, дѣйствующихъ по всей Англій. Мы имѣемъ—я называю его первымъ, хотя къ сожалѣнію долженъ признаться, что по своему влиянію оно играетъ послѣднюю роль—и такъ повторяю, мы имѣемъ, во-первыхъ, учрежденіе, называемое королевской академіей, съ институтомъ архитекторовъ и школами въ Кенсингтонѣ и ихъ отдѣленіями; здѣсь преподаются разные стили тонкаго и механическаго искусства. Во-вторыхъ, мы имѣемъ Королевское Общество, какъ центральное учрежденіе, и въ видѣ его отдѣленій различныя обще-

ства людей, посвятившихъ себя изученію различныхъ наукъ, изслѣдующихъ, классифицирующихъ, описывающихъ факты съ неутомимымъ стараніемъ. И наконецъ, и главнымъ образомъ, мы имѣемъ великіе университеты со всѣми подчиненными имъ общественными школами, опредѣленно занимающіеся не только упорядоченіемъ — съ чѣмъ вы охотно согласитесь — языка, или главнымъ образомъ языка, а и различныхъ способовъ развитія философской и научной мысли, въ которой вы желаете, чтобъ ваше юношество было дисциплинировано для славы и величія вашего вѣка. Методы языка и его стройность, всевозможныя его красоты, необходимая точность и опредѣленность — все это зависитъ отъ стройности и благородства тѣхъ способностей, пробуждать и развивать которыя и составляетъ задачу этихъ великихъ школъ.

7. Стройность и благородство способностей! Остановимся нѣсколько минутъ на этихъ словахъ и постараемся уяснить ихъ себѣ.

Во-первыхъ, что такое познавательная способность? Какое предметъ нашей дѣятельности, какъ студентовъ, въ отличіе отъ художниковъ и людей науки?

Мы лучше всего уяснимъ это себѣ на частномъ примѣрѣ.

Представьте себѣ, что вы находитесь на пестумской равнинѣ и слѣдите за приближеніемъ грозовой тучи, которую Тернеръ изобразилъ на своемъ рисункѣ. Если бъ вы главнымъ образомъ занимались въ школахъ наукъ, вы бы подумали о скопленіи электричества, о его вліяніи на форму и движеніе тучи, о силѣ и продолжительности блеска молніи и о другихъ столь же матеріальныхъ явленіяхъ. Если бъ вы были художникъ, то стали бы обсуждать возможность при помощи тѣхъ средствъ, которыя находятся въ вашемъ распоряженіи, изобразить яркость ея блеска и глубину ея мрака. Наконецъ, если бъ вы были студентомъ, то въ отличіе, какъ отъ ученыхъ, такъ и отъ художниковъ, вы стали бы воображать себѣ храмъ въ былыя времена; слѣдя за тѣмъ, какъ грозовая туча надвигается на его колонны и власть Бога небесъ раздражается гнѣвомъ того божества, которое по мнѣнію язычниковъ потрясло землю, настроеніе вашего ума было бы такое же, какъ и у псалмопѣвца, безразлично, выразили ли бы вы его словами или нѣтъ. „Облака и мракъ кругомъ Его — правота и судъ пребываютъ на престолѣ Его“.

Да ваши мысли невольно приняли бы это направление, и выразились ли бы онѣ въ этой формѣ или въ другой, тѣмъ не менѣе существенная черта вашего студенчества состояла бы не въ томъ, чтобы припомнить этотъ стихъ, и еще менѣе въ томъ, чтобы знать, что тронъ есть слово греческое, а въ томъ, чтобы, обладая достаточной силой воспріятія и достаточной возвышенностью характера, постичь значеніе справедливости, проникнувшись величіемъ господства Его.

8. Повторяю, вы являетесь въ университетъ для того, чтобъ поставить себѣ міровоззрѣніе надлежащей широты и величія или достоинства. Итакъ, въ отличіе отъ школы искусствъ, чему должны вы научиться въ школѣ, посвященной наукѣ? Въ школѣ искусствъ вы научились бы должному достоинству и порядку дѣлъ или дѣланій (я предпочитаю слово дѣланій, какъ болѣе общее); а въ школѣ науки вамъ предстоитъ научиться порядку и величію знаній.

Теперь вы должны вполне уяснить это себѣ, безразлично, согласны ли вы со мной или нѣтъ.

Вы являетесь въ школу литературы, чтобъ научиться, говорю я, стройности и величію воспріятій.

Въ школу искусства, чтобъ научиться стройности и величію дѣяній.

И въ школу науки, чтобъ научиться стройности и величію знаній.

Согласны ли вы съ этимъ? я предполагаю, что вы признаете мое тройственное раздѣленіе; но, въ противоположность мнѣ, не продолжаете ли вы считать, что школа науки остается школой науки, какого рода знанія она бы ни преподавала, что школа искусства остается школой искусства, какого рода дѣламъ она бы ни учила, и школа литературы все же школа литературы, какого рода познаніямъ она бы ни научала.

Думаете ли вы это? Высказанное мною положеніе безусловно отрицаетъ это. Я утверждаю, что истинная школа литературы учитъ васъ обладать извѣтнаго рода взглядами, а не другими, школа искусства производить опредѣленнаго рода дѣла, а не всякаго рода, а школа науки—обладать опредѣленнаго рода, а не всякаго рода, знаніями.

9. Я думаю, что мы съ вами не вполне согласны по этому вопросу и что нѣкоторые изъ васъ безусловно противъ меня. Въ такомъ случаѣ позвольте мнѣ сдѣлать шагъ назадъ. Вы согласитесь со мной, что, употребляя греческія слова—школа литературы

учить насъ имѣть νοῦς или понятія о предметахъ, вмѣсто ἀνοια или отсутствія понятій о предметахъ; что школа искусства учить насъ τέχνη предметовъ, вмѣсто ἀτεχνία; а школа науки, ἐπιστήμη вмѣсто ἀγνοία или „ignorantia“, невѣжеству. Но вы помните, что Аристотель рядомъ съ этими тремя способностями упоминаетъ еще двѣ: Φρόνησις и Σοφία. У него мы встрѣчаемъ пять τέχνη, ἐπιστήμη, φρόνησις, σοφία, νοῦς; т.-е., выражаясь на нашемъ языкѣ—искусство, науку, чувство, мудрость и умъ. Мы опредѣлили области искусства, науки и ума: и мы, старики, направляемъ васъ, молодежь, въ школы, посвященные имъ, чтобъ вы не оставались безискусственны, невѣжественны и неразумны. Но какъ по отношенію къ чувству и мудрости? Какія области принадлежатъ имъ? Не находите ли вы, что намъ необходимы еще двѣ добавочныя школы: школу философіи и филофронезіи? Если подраздѣленіе Аристотеля вѣрно, то очевидно, такъ. Но его подраздѣленіе ошибочно и онъ самъ указываетъ на это, такъ какъ на слѣдующей же страницѣ онъ говоритъ, что „достоинство искусства есть мудрость, заключающаяся въ разумѣніи того, что почтенно“. Это совершенно вѣрно, но этимъ самымъ опровергается его подраздѣленіе. Онъ дѣлитъ предметъ на а, b, с, d и е, и затѣмъ говоритъ намъ, что достоинство а заключается въ b, состоящемъ въ с. И вы всегда будете находить, что утвержденіе Аристотеля вполнѣ вѣрно, но его подраздѣленіе нелогично. Вполнѣ справедливо, что достоинство искусства есть мудрость, состоящая въ разумѣніи того, что достойно уваженія, но и достоинство науки заключается въ разумѣніи того, что достойно уваженія, и въ томъ же смыслѣ достоинство νοῦς, или самого разумѣнія, состоитъ въ разумѣніи или воспріятіи того, что достойно уваженія. Поэтому Σοφία не есть только ἀρετὴ τέχνης но точно такъ же и ἀρετὴ ἐπιστήμης и ἀρετὴ νόου. Неруководимая мудростью каждая школа научить порочнымъ сторонамъ своей специальной способности. Какъ Σοφία есть ἀρετὴ всѣхъ трехъ, такъ μωρία будетъ ихъ κακία.

10. Теперь согласны ли вы со мной или нѣтъ, но позвольте мнѣ по крайней мѣрѣ убѣдиться, что вы вполнѣ поняли меня. Σοφία мудрость, говорю я, есть добродѣтель, μωρία порокъ какъ въ искусствѣ, такъ и въ наукѣ и въ литературѣ. У всѣхъ у нихъ есть положительныя и отрицательныя стороны, какъ есть и безразличная точка, или нулевая. Незнаніе есть безразличная точка въ

наукѣ съ мудрымъ знаніемъ по одну сторону и съ безумнымъ по другую; ἀτεχνία есть нулевая точка для искусства, и мудрое искусство стоитъ по одну сторону ея, а безумное по другую, и наконецъ ἄνοια нулевая точка въ νοῦς съ мудрымъ νοῦς по одну и безумнымъ по другую.

11. Вы улыбнетесь при послѣднемъ выраженіи безумное νοῦς. А между тѣмъ изъ всѣхъ безумныхъ это наиболѣе обычное и пагубное явленіе. Мы постоянно жалуемся на мужчинъ, а еще чаще на женщинъ, за то, что они дурно рассуждаютъ. Но безразлично, какъ они рассуждаютъ, если правильно понимаютъ. Изъ сотни людей, можетъ, не найдется и одного, способнаго серьезно рассуждать; различіе между людьми въ быстротѣ и количествѣ его νοῦς, въ интенсивности воспріятія и въ чутѣ и разборчивости при выборѣ. Ястребиный взоръ устремляете вы на живое или на падаль? Что вы предпочитаете схватить вашимъ умомъ — вотъ главный вопросъ, а затѣмъ уже возникаетъ второй вопросъ о томъ, какъ вы съ этимъ обращаетесь. Что въ томъ, какъ вы строите, если матеріаломъ вамъ служатъ негодные кирпичи; или какъ вы рассуждаете, если каждая мысль, съ которой вы начинаете, негодна или ложна. И вообще всякое ложное рассужденіе роковымъ образомъ происходитъ отъ того, что люди принимаютъ близко къ сердцу ложныя понятія, согласовать съ которыми они и считаютъ нужнымъ все свои рассужденія.

Для лучшей иллюстраціи я перейду къ моему специальному предмету—къ технику. Я уже сказалъ, что нулевой точкой служить ἀτεχνία, или отсутствіе искусства, по латынѣ inertia въ противоположность „ars“—искусству. По одну сторону этой безразличной точки мы имѣемъ мудрое искусство, а по другую безумное; и чѣмъ тоньше искусство, тѣмъ оно болѣе способно подпасть какъ жизненному развитію, такъ и пагубному извращенію. Для примѣра я возьму сперва очень простое искусство, а затѣмъ болѣе тонкое; но оба они такого рода искусства, съ которыми большинство изъ васъ отлично знакомо.

12. Однимъ изъ самыхъ простыхъ совершенныхъ искусствъ есть правильный ударъ весла во время, практиковать что вамъ приходилось, вѣроятно, не разъ. Мы опредѣлили, что искусство есть мудрое видоизмѣненіе предметовъ при помощи нашего физическаго организма (реальныхъ предметовъ при помощи реальной силы § 3).

Добрымъ ударомъ весла вы перемѣщаете разумнымъ образомъ извѣстное количество воды. Предположимъ, что вы промахнулись ударомъ и поймали краба; въ такомъ случаѣ вы перемѣстили извѣстное количество воды неразумнымъ способомъ, не только въ направленіи безразличномъ, но и въ противоположномъ вашему намѣренію. Совершенство удара предполагаетъ не только абсолютно точное знаніе противодѣйствія воды лопасти весла, но и болѣе правильное умѣніе преодолѣвать это противодѣйствіе, получаемое практическимъ упражненіемъ съ цѣлью достигнуть намѣченной цѣли. Эта цѣль очень проста—наиболѣе быстрое передвиженіе лодки при данной затратѣ силъ—служить мѣриломъ степени вашего искусства, а противоположное—отсутствія его. Но чтобъ быть σοφός—мудрымъ гребцомъ, нужно нѣчто болѣе, чѣмъ это искусство, основанное на простомъ знаніи. Ваша способность отлично грести зависитъ не только отъ знанія силы сопротивленія воды или отъ повторной практики въ преодолѣваніи этого сопротивленія. Оно предполагаетъ практику этихъ движеній при сознательной дисциплинѣ тѣла, обусловленной упорядоченіемъ страстей. Оно означаетъ подчиненіе извѣстному авторитету и дружественное согласіе съ настроеніемъ другихъ лицъ; и такимъ образомъ умѣніе прекрасно грести указываетъ на нравственное и умственное благородство и въ извѣстной степени благотворно вліяетъ на характеръ. Въ этомъ заключается мудрость или разумность наиболѣе благородной стороны умѣнія грести; безъ чего вы не только не станете правильно грести, но и достигнете противоположнаго.

13. Теперь возьмемте примѣръ изъ той области искусства, которую вы, можетъ быть, считаете болѣе низкимъ, чѣмъ гребля, хотя оно въ дѣйствительности гораздо выше его,—я разумію искусство танцовать. Я выше (§ 11) сказалъ вамъ, какъ можно опредѣлить степень искусства по его способности къ извращенію, къ порчѣ, что служить также и мѣриломъ нѣжности органическихъ веществъ. Могія или безуміе гребли только потѣшно, но могія или безуміе танца хуже, чѣмъ потѣшно, и, судя по этому, вы можете заключить, что его σοφία или мудрость будетъ гораздо прекраснѣе мудрости въ греблѣ. Предположите, напр., минуетъ, танцующій двумя влюбленными, получившими высшее образованіе, отличающимися благородствомъ характера и сильно влюбленными другъ въ друга. Вы увидали бы тутъ образецъ искусства наиболѣе возвы-

шенно-лаконическаго, подъ управленіемъ мудрости, руководящей наиболѣ сильными страстями, и наиболѣ изысканнаго чувства красоты, возможной для человѣчества.

14. Какъ образецъ противоположнаго въ области того же искусства, я не могу привести вамъ ничего болѣ яркаго, чѣмъ то, что я видѣлъ года два тому назадъ въ Théâtre de Gaité и что можно пожалуй увидать теперь въ любомъ лондонскомъ театрѣ.

Сцена, на которой происходилъ этотъ танецъ, изображала адъ и на заднемъ планѣ нарисованы были огненные языки. Танцующіе изображали демоновъ съ красной фольгой вмѣсто глазъ, метающихъ огонь; тотъ же красный огонь какъ будто выходилъ у нихъ изъ ушей. Они начали свой танецъ на сценѣ съ того, что стали ходить по приспособленной опускной двери, которая отбрасывала ихъ на десять футовъ въ воздухъ, а все исполненіе состояло въ выраженіи всевозможныхъ дурныхъ страстей самымъ неистовымъ образомъ.

15. Вы, надѣюсь, безъ затрудненія поймете, въ какомъ смыслѣ слова *sophia* и *mogia* ¹⁾ правильно должны быть употребляемы по отношенію къ двумъ различнымъ методамъ одного и того же искусства. Но тѣ изъ васъ, которые привыкли къ точному мышленію, сразу замѣтятъ, что я ввелъ новый элементъ при разсматриваніи образца высшаго искусства. Безуміе гребца состояло просто въ томъ, что онъ неспособенъ былъ грести; но безуміе пляшущаго состоитъ не въ неумѣнн танцовать, а въ умѣнн хорошо танцовать съ дурной цѣлью; и чѣмъ лучше онъ танцуетъ, тѣмъ отвратительнѣе получаемые результаты.

И теперь я опасуюсь, что надоѣмъ вамъ, прося васъ обратить вниманіе на то, что вы вначалѣ можете счесть за праздную тонкость или мелочь анализа, но тонкость здѣсь существенна, и я надѣюсь, что въ теченіе моихъ лекцій я не буду болѣ надоѣдать вамъ.

16. Простое отрицаніе власти или силы искусства — его нулевая точка въ греблѣ только смѣшна. Оно не менѣ потѣшно, конечно, и въ танцахъ. Но что вы разумѣете подъ словомъ потѣшно? Вы разумѣете нѣчто до такой степени презрительное, что оно вызываетъ смѣхъ. Презрѣніе въ обоихъ случаяхъ однако

¹⁾ Я буду писать ихъ латинскими буквами.

слабо въ обыкновенномъ обществѣ, потому что хотя человѣкъ можетъ и не умѣть ни грести, ни танцовать, но онъ можетъ умѣть многое другое. Предположите теперь, что онъ живетъ тамъ, гдѣ не можетъ научиться многому другому: на бурливомъ морскомъ берегу, гдѣ нѣтъ никакихъ картинъ, въ бѣдной странѣ, гдѣ отсутствуютъ все тонкія искусства, сопряженныя съ благосостояніемъ, и въ простомъ, первобытномъ обществѣ, куда не проникла еще утонченность литературы, но гдѣ умѣніе хорошо грести необходимо для поддержанія существованія, а умѣніе хорошо танцовать является однимъ изъ наиболѣе жизненныхъ домашнихъ удовольствій. Въ такомъ случаѣ вы сказали бы, что его неумѣніе грести или танцовать болѣе чѣмъ потѣшно; что это признакъ человѣка, никуда негоднаго, заслуживающаго не только презрѣнія, но и негодованія.

Теперь припомните, что безразличная точка или инерція искусства всегда обуславливаетъ этого рода преступленіе или по крайней мѣрѣ всегда заслуживаетъ сожалѣніе. Правственной вины въ отсутствіи искусства можетъ и не быть, если человѣку не представляется возможности обучаться искусству; но отсутствіе возможности обучаться такимъ искусствамъ, которыя при данныхъ обстоятельствахъ необходимы въ обычной жизни, хотя и можетъ не быть поставлено въ вину отдѣльной личности, но для цѣлой націи не допускаетъ никакого оправданія. Національное невѣжество въ приличномъ, скромномъ искусствѣ всегда преступно, за исключеніемъ самыхъ раннихъ стадій общественнаго развитія, да и тогда оно грубо.

17. Въ этихъ предѣлахъ извѣстнаго рода *mania* или безуміе, преступное или нѣтъ, всегда выражается отсутствіемъ художественной силы; а истинное или безусловно преступное безуміе проявляется въ примѣненіи нашей художественной силы въ дурномъ направленіи. И здѣсь намъ необходима та тонкость различія, которая, я опасаясь, покажется вамъ оскорбительной. Замѣйте прежде всего, что обладаніе какой-бы то ни было силой искусства предполагаетъ извѣстнаго рода мудрость. Тѣ люди, танцовавшіе подобно дьяволу, о которыхъ я выше говорилъ, добывали свой хлѣбъ тяжелымъ и честнымъ трудомъ. Ловкость, пріобрѣтенная ими, могла быть достигнута только путемъ не малаго терпѣнія и рѣшительной самоотверженности; и та сила, благодаря которой они

способны были такъ вѣрно выражать различныя состоянія злыхъ страстей, указывала на то, что они воспитаны были въ обществѣ, умѣвшемъ до извѣстной степени отличать зло отъ добра и которое поэтому было отчасти не чуждо добру. Далѣе, еслибъ вы стали присматриваться къ жизни этихъ людей, то нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что вы нашли бы, что этотъ дьявольскій танецъ былъ изобрѣтенъ такимъ человѣкомъ изъ числа ихъ, который обладалъ сильнымъ воображеніемъ, и что они танцевали его совсѣмъ не изъ предпочтенія зла, а чтобъ удовлетворять запросу публики, удивленіе которой можно вызвать только рѣзкими жестами и порочными чувствами.

18. Поэтому замѣтите, что во всѣхъ случаяхъ, когда есть возможность научиться искусству, существованіе его указываетъ на *sophia*, а отсутствіе на *moria*. Этотъ великій фактъ я старался выяснитъ вамъ два года тому назадъ въ моей третьей вступительной лекціи. Въ настоящемъ курсѣ мнѣ предстоитъ показать вамъ вліяніе конечной высшей мудрости, направляющей ловкость искусства къ наилучшимъ цѣлямъ, и низшей *moria*, совращающей къ наихудшимъ. И для этого мнѣ прежде всего необходимо уяснитъ вамъ слѣдующіе два основныхъ пункта. Первый, что задача университетскаго преподаванія заключается въ томъ, чтобъ образовывать ваши взгляды, а не въ практическомъ ознакомленіи съ искусствами или науками. Оно должно дать вамъ понятіе о томъ, какова задача, напр., работы кузнеца, а не сдѣлать васъ кузнецами; дать понятіе о задачѣ медицины, а не сдѣлать васъ медиками. Надлежащая академія для кузнецовъ это кузница; надлежащая академія для медиковъ—больница. Здѣсь васъ отвлекаютъ отъ кузницы и больницы, отъ всякой специальной или ограниченной области труда и мысли въ „*universitas*“ труда и мысли, чтобъ предоставить вамъ возможность въ мирѣ и досугѣ, т.-е. при полномъ спокойствіи безкорыстной работы мысли, правильно понять законы природы и назначенія человѣка.

19. Затѣмъ, во-вторыхъ, я долженъ выяснитъ вамъ, что надъ этими тремя великими областями: воображенія, искусства и науки царитъ добродѣтель, или способность, которая во всѣ времена и всѣми великими народами признавалась законнымъ правителемъ и руководителемъ любого метода труда или страсти души; признавалась наиболѣе славной наградой за трудъ или наилучшимъ вѣн-

цомъ стремленій человѣка. „Она дороже драгоценныхъ камней, и ничто изъ желаемого тобою не сравнится съ нею. Крѣпко держись наставленій мудрости; не оставляй, храни его, потому что оно— жизнь твоя“.

Развѣ эти и безчисленные другія подобныя имъ изреченія, которыя вы вѣроятно припомнили, въ то время какъ я читалъ вамъ эти слова, не кажутся вамъ странными, если вѣрно утверждение Аристотеля относительно мудрости, что она никогда не имѣетъ въ виду того, что можетъ сдѣлать людей счастливыми: „*ἡ μὲν γὰρ σοφία οὐδὲν θεωρεῖ ἐξ ὧν ἔσται εὐδαιμόνιον ἀνθρώπου*“

Въ слѣдующей лекціи я поэтому намѣреваюсь рассмотретьъ, что по преимуществу имѣетъ въ виду мудрость, что она выбираетъ изъ числа мыслей и знаній, доступныхъ ей, и съ какой цѣлью она употребляетъ всѣ науки, обладаемая ею.

Теперь же я заранѣе въ немногихъ словахъ скажу вамъ, что въ результатъ нашего изслѣдованія мы увидимъ, что она вопреки утверженію, что ей будто бы чужды источники счастья, въ дѣйствительности только и заботится о нихъ; опредѣляетъ всякаго рода полезность только тѣмъ блаженствомъ, которое она даруетъ, и что даже позволительно считать ея источникомъ радости Бога: „я была радостью Его всякій день, веселясь передъ лицомъ Его во все время“, такъ что намъ повелѣно признавать ее какъ бы царицей этого міра людей, „веселясь на земномъ кругу Его, и радость моя была съ сынами человѣческими“.

ЛЕКЦІЯ II.

О мудрости и безуміи въ наукѣ.

10-го февраля, 1872 г.

20. Въ предъидущей лекціи я установилъ существованіе положительныхъ и отрицательныхъ силъ литературы, искусства и науки и старался выяснитъ вамъ нѣкоторыя отношенія мудраго искусства къ безумному. Въ настоящее время намъ предстоитъ рассмотретьъ свойства этихъ положительныхъ и отрицательныхъ силъ въ наукѣ; такъ какъ каждая истинная школа имѣетъ своей задачей научить положительной или зиждательной силъ и всѣми средствами устранить, отвергнуть и искоренить отрицательную.

Орлиное гнѣздо.

Очень возможно, что вы не часто вдумывались и не уяснили себѣ весь разрушительный или пагубный характер нѣкоторыхъ элементовъ науки. Вы, правда, могли, какъ и Попъ, признавать, что имѣть немного знаній вредно, и потому старались глубоко черпать изъ источника знанія; вы, вѣроятно, признаете вмѣстѣ съ Бкономъ, что знаніе можетъ отчасти стать ядовитымъ, и потому скромно и искренно искали противоядія отъ этого заразительнаго яда. Но мнѣ кажется, что изъ числа васъ найдется очень немного такихъ, которые въ своемъ ревностномъ стремленіи къ знанію подозрѣвали, а тѣмъ болѣе доводили свое подозрѣніе до того, чтобы признать или повѣрить въ существованіе руководящаго духа мудрости, подъ авторитетомъ котораго вы находитесь и который долженъ за васъ опредѣлить выборъ и затѣмъ пользу всякаго рода знанія, и которые, говоря я, сознаютъ, что если вы не обращаетесь къ этой руководительницѣ, а тѣмъ болѣе если не повинуетесь ей, то всякое знаніе становится для васъ губительно по мѣрѣ его накопленія и подобно тенетамъ тѣмъ пагубнѣе для вашей души, чѣмъ тоньше его нити.

21. Вѣроятно, почти всѣ изъ васъ слышали и многіе видѣли своеобразныя рисунки Вилліама Блэка и нѣкоторыя, надѣюсь, читали его поэмы. Впечатлѣніе производимое этими рисунками очень быстро и вполне справедливо изглаживается изъ памяти, хотя они и не лишены извѣстныхъ достоинствъ.

Но его поэмы заслуживаютъ гораздо большаго вниманія. Онѣ написаны съ полной искренностью и безконечной нѣжностью; ихъ тонъ болѣзненный и дикъ, но тѣмъ не менѣе слова этихъ поэмъ указываютъ на великій и мудрый умъ, страдающій, но не заблуждающійся, отъ болѣзни; доводимый ею почти до экзальтаціи, онъ часто въ страстныхъ афоризмахъ сообщаетъ нѣкоторыя самыя цѣнныя изреченія современной литературы. Одинъ изъ его отрывковъ я попрошу васъ запомнить; онъ часто пригодится намъ.

Знаетъ ли орелъ, что гайтается въ могилѣ,
И кроту задашь ли ты этотъ вопросъ?

Болѣе кратко невысказано выразить ту великую истину, что существуютъ различнаго рода знанія, пригодныя для различныхъ созданій, и что слава высшихъ тварей въ незнаніи того, что извѣстно низшимъ.

22. И въ особенности это справедливо по отношенію къ чело-
вѣку; всѣ созданія кромѣ него невольно должны инстинктивно за-
учить опредѣленный имъ урокъ и сосредоточить свое вниманіе на
своемъ собственномъ существованіи. Но челоѣку предоставлена
возможность спускаться въ наукѣ и ниже себя и стремиться по-
знать то, что выше его; такъ что „познай самого себя“ не является
для него закономъ, которому онъ долженъ въ мірѣ покориться, а
правиломъ, которое ему всего мучительнѣе постичь и всего труднѣе
примѣнять: постичь мучительнѣе и унизительнѣе всего; и это
одинаково по отношенію къ знанію предметовъ какъ выше, такъ и
ниже его стоящихъ. И странно, что люди всегда наиболѣе пристрастны
къ изученію предметовъ наиболѣе низкихъ:

Знаеть ли орель, что таится въ могилѣ,
И кроту задашь ли ты этотъ вопросъ?

А между тѣмъ именно тѣ люди, которые роются вмѣстѣ съ кро-
томъ и цѣпляются вмѣстѣ съ летучей мышью, наиболѣе и тщесла-
вятся своимъ зрѣніемъ и своими крыльями.

23. „Познай самого себя“; но можетъ ли мудрость, благородная
мудрость, предъявлять такое требованіе къ наукѣ? Не есть ли это
скорѣй, спросите вы, голосъ болѣе низменной добродѣтели, благо-
разумія, заботящагося о правильномъ образѣ жизни въ интересахъ
этой жизни или будущей? Мудрость развѣ не относится къ тому,
что надъ челоѣкомъ и выше его; и поскольку намъ возбраняется
рыться въ кучахъ съ кротами, постольку развѣ намъ не слѣдуетъ
стремиться къ небесамъ?

И дѣйствительно, съ перваго взгляда это кажется такъ; въ томъ
отрывкѣ изъ этики, который я предложилъ вамъ сегодня разсмо-
трѣть, вполне ясно говорится объ этомъ. Существуетъ много раз-
личнаго рода *phronesis*, при помощи которыхъ животное познаетъ
все нужное для его личнаго блага; и челоѣкъ подобно всѣмъ
остальнымъ созданіямъ имѣетъ свое отдѣльное *phronesis*, которое
подсказываетъ ему, чего искать и что дѣлать для сохраненія своей
жизни; но помимо всѣхъ этихъ формъ благоразумія греческій му-
дрецъ утверждаетъ, что существуетъ мудрость, задачи которой не-
измѣнны и вѣчны, методы непреклонны, а заключенія всеобщи; и
этой мудрости нѣтъ дѣла до вещей, составляющихъ счастье чело-
вѣка, такъ какъ она исключительно занята предметами болѣе воз-

вышними. Такъ что мы называемъ Анаксагора, Галеса и подобныхъ имъ людей мудрыми, но не благоразумными, такъ какъ они ничего не знаютъ изъ того, что выгодно лично имъ, но вѣдаютъ предметы возвышенные, дивные, трудные и божественные.

24. Теперь перейдемъ къ вопросу, очевидно, близко касающемуся васъ. Мы по настоящее время считаемъ себя особенно благоразумной націей, такъ какъ заботимся только о предметахъ, выгодныхъ для насъ, предоставляя другимъ народамъ познавать предметы возвышенные, дивные, божественные или прекрасные; въ нашемъ чрезмѣрномъ благоразуміи мы въ настоящій моментъ отказываемся отъ покупки, можетъ быть, даже самой интересной въ мірѣ картины Рафаэля и безусловно одного изъ самыхъ дивныхъ произведеній, когда-либо созданныхъ мудрымъ искусствомъ человѣка, отказываемся купить за двѣсти пятьдесятъ тысячъ рублей и въ то же время дебатирруемъ вопросъ о томъ, не должны-ли мы уплатить три миллиарда штрафа американцамъ за то, что продали небольшой фрегатъ капитану Семмесу. Позвольте мнѣ вмѣсто миллионъ и сотенъ тысячъ свести это на десятки рублей; тогда факты яснѣе представляются вамъ.

Изъ миллиона людей едва ли найдется одинъ понимающій значеніе миллиона; и въ этомъ кроется одна изъ причинъ, почему нація всегда готова позволить своимъ министрамъ потратить миллионъ или два на пушку, если они могутъ доказать, что сберегли десять съ половиной копеекъ на веревкахъ. Итакъ, вотъ въ какомъ отношеніи представляются намъ эти факты, если мы замѣнимъ тысячи—рублями; вамъ предлагаютъ „Рождество“ Рафаэля за 250 рублей и вы не соглашаетесь дать этой суммы; и въ то же время предполагается, что вы вынуждены будете заплатить три миллиона рублей за то, что вы въ качествѣ забіяки продали корабль капитану Семмесу. Я не говорю, что вы ихъ заплатите. Тѣмъ не менѣе ваше теперешнее положеніе унижительно, вы просите прощеніе, и вотъ тотъ результатъ, къ которому вы пришли, поступая согласно не съ божественной мудростью, а съ, такъ называемымъ вами, практическимъ благоразуміемъ.

25. Вы, можетъ быть, подумаете, что я искажаю понятіе Аристотеля о здоровомъ смыслѣ или благоразуміи, смѣшивая его съ обычнымъ англійскимъ понятіемъ, и что Аристотель не считалъ бы *phronetic* или благоразумнымъ поступкомъ продажу кораблей или

оружія людямъ, съ которыми или противъ которыхъ у насъ не хватаетъ смѣлости воевать.

Пускай вы правы; но въ такомъ случаѣ намъ необходимо ясно опредѣлить то значеніе, какое Аристотель придаетъ этому понятію. Возьмите тотъ примѣръ, который я привелъ въ прошлой лекціи относительно того, какъ представители литературы, науки и искусства съ различныхъ точекъ зрѣнія отнесутся къ грозѣ, разразившейся у храмовъ Пестума.

Человѣкъ науки подумаетъ, говорили мы, о происхожденіи электричества; художникъ объ освѣщеніи тучъ блескомъ молніи, а мыслитель объ ея отношеніи ко могуществу Зевса и Посейдона. И вотъ передъ вами *episteme*, *techné* и *poiesis*, а какова же роль *phronesis*'а?

Phronesis распускаетъ свой зонтикъ и спѣшитъ домой. По крайней мѣрѣ такъ поступаетъ *phronesis* Аристотеля, не имѣя никакого отношенія къ дивнымъ вещамъ. Но увѣрены ли вы, что *phronesis* Аристотеля истинный? Развѣ не можетъ быть здраваго смысла, который какъ и искусства и науки, руководимъ былъ бы мудростью? Возьмите примѣръ болѣе обыденный.

26. Предположимъ, что двѣ молодыхъ лэди (я предполагаю, что ихъ нѣтъ на моей лекціи и что мы можемъ между собой говорить о нихъ все, что хотимъ; а хотимъ мы всегда думать, что молодыя лэди благоразумнѣе, но не мудрѣ насъ) и такъ предположимъ, что двѣ молодыхъ дѣвушки въ зимнюю ночь отправляются на обсерваторію и что одной изъ нихъ такъ хочется посмотрѣть на звѣзды, что она несколько не беспокоится тѣмъ: простудится ли она или нѣтъ; но другая благоразумна, заботится о своемъ здоровьи и смотреть на звѣзды, лишь поскольку ей не грозитъ опасность простудиться. По мнѣнію Аристотеля только первая изъ нихъ, собственно говоря, заслуживала бы названія мудрой, а вторая была бы лишь благоразумной. Но, чтобъ правильно судить, мы должны предположить, что обѣ онѣ дѣйствовали при совершенно одинаковыхъ условіяхъ. Предположите, что обѣ онѣ одинаково желаютъ любоваться звѣздами; въ такомъ случаѣ тотъ фактъ, что одна изъ нихъ останавливается когда дольше любоваться опасно для ея здоровья—указываетъ не на то, что она менѣе мудра, т. е. менѣе заинтересована въ превосходныхъ и дивныхъ вещахъ, а что она больше владѣетъ собой и потому способна помнить о томъ, что другая упускаетъ изъ виду. Она такъ же мудра и болѣе чутка. Но представьте себѣ, что двѣ

дѣвушки эти различны по своимъ природнымъ склонностямъ, что одна изъ нихъ обладаетъ болѣе пылкимъ воображеніемъ и сильнѣе увлекается этими превосходными и дивными вещами, такъ что самообладаніе вполнѣ достаточное, чтобъ заставить ея подругу, менѣе заинтересованную звѣздами, перестать любоваться ими, не въ состояніи заставить ее, сильно заинтересованную звѣздами, оторваться отъ созерцанія ихъ; и вы бы сказали, что обѣ дѣвушки одинаково разумны, но простудившаяся болѣе мудра.

27. Пойдемъ дальше въ нашемъ примѣрѣ и вернемся къ первому случаю, когда обѣ дѣвушки одинаково желаютъ любоваться звѣздами; предположимъ, что обѣ одинаково умѣютъ сдерживаться и, если бъ не было у нихъ другихъ побудительныхъ причинъ, онѣ одинаково любовались бы звѣздами и одновременно перестали наслаждаться ихъ зрѣлищемъ; но вотъ одна изъ нихъ болѣе внимательна къ своимъ близкимъ и, хотя лично она не побоялась бы простудиться, однако не рѣшилась бы на это изъ опасенія доставить лишнія безпокойства матери. Въ силу этого чувства она первая покинетъ обсерваторію; но въ правѣ ли мы сказать, что она только болѣе благоразумна, а не болѣе мудра, чѣмъ ея подруга? Это уваженіе къ чувствамъ другихъ, это пониманіе своихъ обязанностей по отношенію къ нимъ гораздо выше любви къ звѣздамъ. Это умѣніе постичь путемъ нашего воображенія не огненныхъ шаровъ и пространственныхъ разстояній, а чувствъ живыхъ существъ, это пониманіе ею нашихъ обязанностей и побуждаютъ ее правильно поступать; но вѣдь это есть знаніе и воспріятіе такихъ вещей, которыя болѣе дивны и превосходны, чѣмъ сами звѣзды, уловить и чувствовать которыя можно только при помощи болѣе возвышенной мудрости.

28. Не злоупотреблю ли я вашимъ терпѣніемъ, если сдѣлаю еще одно предположеніе? Мы можемъ допустить, что зрѣлище небесныхъ свѣтилъ въ равной степени плѣняютъ обѣихъ дѣвушекъ, но производятъ на нихъ различнаго рода впечатлѣнія. Предположимъ, что одна изъ нихъ занимается отвлеченными науками и болѣе или менѣе знакома съ законами, объясняющими то, что она теперь видитъ; она по всемъ вѣроятіямъ будетъ главнымъ образомъ заинтересована вопросами о разстояніи, о величинѣ, о разнообразіи орбитъ и силы свѣта. Другая же дѣвушка, предположимъ, незнакома ни съ одной изъ этихъ наукъ, но знаетъ, какое значе-

ніе эти звѣзды имѣли для религій вымершихъ народовъ; она очень мало будетъ заинтересована ариметическими и геометрическими вопросами, но, вѣроятно, получить болѣе глубокое впечатлѣніе, ясно увидавъ то, что служило предметомъ восторженнаго удивленія для многихъ давно сомкнувшихся очей, и сквозь тотъ же мракъ созерцая тѣ же свѣтила, какія созерцали и простодушные пастухи и земледѣльцы, знавшіе только восходившіе и заходившіе надъ ихъ полями и горами огоньки необъятнаго небеснаго свода, но тѣмъ не менѣе видѣвшіе въ нихъ настоящее чудо и проникавшіеся чувствомъ глубокой благодарности за то, что только Верховный Руководитель могъ соединить Плеяды въ ихъ отрадномъ вліяніи или расторгнуть узы Оріона. Мнѣ, конечно, излишне говорить вамъ, что въ этой дѣятельности ума и сердца сказывается гораздо болѣе благородная мудрость, чѣмъ при всевозможныхъ работахъ, относящихся до анализа матеріи или измѣренія пространства.

29. Я больше не стану утомлять васъ различными вопросами, но просто скажу вамъ то, что и вы въ концѣ-концовъ сочтете вполне вѣрнымъ, а именно, что мудрость—*sophia*—есть та форма мысли, въ силу которой благоразуміе становится безкорыстнымъ, знаніе безкорыстнымъ, искусство безкорыстнымъ, умъ и воображеніе безкорыстными. Благоразуміе, знаніе, искусство, умъ и воображеніе сами по себѣ являются отчасти ядовитыми; какъ знаніе, такъ и благоразуміе и искусство придаютъ извѣстную напыщенность; но если къ нимъ присоединяется мудрость, то все становится полно любви и милосердія, и это милосердіе можетъ быть синонимомъ мудрости.

30. Замѣьте это слово; оно созидаетъ или довершаетъ созданіе и строить безопасно, такъ какъ воздвигаетъ на скромной, но прочной основѣ, широкой, хотя бы и низкой, естественной и живой скалѣ.

Мудрость есть та способность, которая во всѣхъ предметахъ признаетъ ихъ отношеніе къ жизни, къ общей суммѣ извѣстной намъ жизни, какъ животной, такъ и человѣческой; но она, понимая опредѣленные задачи этой жизни, сосредоточиваетъ свой интересъ и свои силы на человѣчности въ противоположность съ одной стороны животности, которую она должна руководить, а съ другой Божественности, которая руководитъ человѣчностью и которую послѣдняя постичь не можетъ.

Не вполне свойственно мудрому человеку много рассуждать о природѣ существъ, какъ выше, такъ и ниже его стоящихъ. Не скромно предполагать, что онъ можетъ постичь первыя, и унижительно предполагать, что вся забота его должна быть сосредоточена на послѣднихъ. Признавать и свое вѣчное относительное ничтожество и свое вѣчное относительное величiе, познать самого себя и свое мѣсто; быть вполне довольнымъ своею подчиненностью Богу, не постигая Его, управлять низшими созданiями съ симпатiей и добротой, не раздѣляя злобы дикихъ животныхъ и не подражая знанiю насѣкомыхъ—вотъ что значить быть скромнымъ по отношенiю къ Богу, добрымъ къ Его созданiямъ и мудрымъ къ себѣ.

31. Я думаю, что вы въ состоянiи теперь уяснить себѣ, во-первыхъ, идею о безкорыстii и, во-вторыхъ, о скромности, какъ составныхъ элементахъ мудрости; и, достигнувъ этого, мы сразу воспользуемся этимъ приобрѣтениемъ, чтобъ уяснить себѣ два или три пункта относительно ея воздѣйствiя на искусство, а въ послѣдствii съ большей увѣренностью ея болѣе скрытую роль въ наукѣ.

Безусловно она безкорыстна не въ смыслѣ отсутствiя всякихъ желанiй или усилiй для удовлетворенiя этихъ желанiй, а наоборотъ она страстно желаетъ видѣть и познать предметы, въ которыхъ она правильно заинтересована. Но она специально не сосредоточиваетъ всего интереса на себѣ. Поскольку художникъ мудръ, постольку ему безразлична его работа, какъ лично его; онъ заинтересованъ ею какъ будто это работа другого и вполне безпристрастно оцѣниваетъ ея достоинство и недостатки. Я думаю, что, только внимательно заглянувъ въ свою душу, вы поймете, какъ трудно достигнуть этого. Абсолютное достиженiе такого безпристрастiя даже невозможно, такъ какъ все мы по самой природѣ своей немножко немудры и больше получаемъ наслажденiя отъ нашего личнаго успѣха, чѣмъ отъ успѣха другихъ. Но величину этого различiя мы обыкновенно не стараемся опредѣлить. Приготовляя для васъ рисунки, которые могутъ служить образцами въ этихъ школахъ, мой помощникъ и я часто сидимъ рядомъ и онъ обыкновенно занятъ болѣе важной работой. Я до такой степени признаю большее значенiе за его работойъ, когда это дѣйствительно имѣетъ мѣсто, что еслибъ я обладалъ возможностью своимъ рѣшенiемъ повлiять на успѣхъ кого-либо изъ насъ двухъ, то былъ бы настолько мудръ, что предпочелъ бы его успѣхъ моему. Но то, что я испытываю

при его неудачѣ и при моей, вполне различно. Въ случаѣ его неудачи я огорченъ, но отнюдь не чувствую униженія, а испытываю даже нѣкотораго рода удовольствіе. Я снисходительно замѣчаю ему, „что онъ въ другой разъ сдѣлаетъ лучше“, и спокойно отправляюсь завтракать. Но если мнѣ что-нибудь не удастся, то, хотя я и сознаю, что въ интересахъ обѣихъ работъ моя неудача не имѣетъ такого значенія, тѣмъ не менѣе я испытываю далеко не такое настроеніе духа. Разумъ твердитъ мнѣ, что моя неудача не имѣетъ такого значенія, но никакой завтракъ не идетъ мнѣ на умъ.

32. Теперь представьте себѣ, во что эта, по существу своему эгоистическая, страсть,—непобѣдимая, какъ вы это увидите даже при самыхъ сознательныхъ и упорныхъ усиліяхъ,—можетъ обратиться, если всѣми имѣющими у насъ средствами мы стараемся не подавить, а усилить и поощрить ее, и если всѣ окружающія насъ условія соперничаютъ въ развитіи ея смертельно пагубнаго вліянія. Во всѣхъ низшихъ школахъ искусства мастеръ можетъ добывать свой хлѣбъ оригинальностью, т.-е. тѣмъ, что онъ раскрываетъ въ себѣ какую-нибудь частичку отдѣльной способности, по которой его работа можетъ быть признана отличной отъ произведеній всѣхъ остальныхъ людей. Мы всегда склонны восхищаться нашими мелкими дѣлами даже безъ всякаго такого стимула; и каково же должно быть вліяніе всеобщаго одобренія, постоянно внушающаго, что та ничтожная вещь, которую только мы одни можемъ сдѣлать настолько и хороша, насколько она единственна въ своемъ родѣ; а это въ теченіе всей жизни подъ угрозой гибели подкупаетъ насъ создать нѣчто отличное отъ того, что производятъ наши сосѣди. Во всѣхъ великихъ школахъ искусства условія какъ разъ противоположны этому. Художникъ цѣнится въ нихъ не за то, что въ немъ есть особеннаго отъ остальныхъ, и не за особенное выполненіе какой-нибудь своеобразной работы, а за болѣе мощное выполненіе того, къ чему стремятся всѣ, и за содѣйствіе по мѣрѣ своихъ силъ какому-нибудь великому труду, совершаемому совокупностью всѣхъ силъ и всѣхъ столѣтій.

33. И теперь, переходя отъ искусства къ наукѣ, ясно, что самоотверженность мудрости проявляется въ томъ значеніи, какое она придаетъ каждой отрасли знанія, древней и новой, соответственно ея дѣйствительной пользѣ чловѣчеству или широтѣ роли въ тво-

реніи. Эгоизмъ, дѣлающій мудрость немислимою и расширяющій эластичность и надутость пустаго царства безумія, сказывается въ томъ, что мы заботимся о знаніи лишь поскольку заинтересованы въ его открытіяхъ или можемъ отличиться ловкостью и стяжать удивленіе при передачѣ ихъ. Если существуетъ надутое искусство, не смотря на то, что мы окружены дивными произведеніями прошлыхъ вѣковъ, соперничать съ которыми мы безспорно не въ силахъ, то тѣмъ болѣе можетъ—увы—существовать надутая наука, такъ какъ по самымъ своимъ условіямъ наука должна всегда идти далѣе пріобрѣтеній, достигнутыхъ въ предыдущія эпохи, и какъ бы слабъ и медленъ ни былъ ея прогрессъ, онъ всегда напоминаетъ листъ отрадной весны сравнительно съ сухими вѣтвями прошедшихъ лѣтъ. И двойное бѣдствіе того вѣка, въ которомъ мы живемъ, состоитъ въ томъ, что запросъ тупой и пошлой публики на оригинальность въ искусствѣ сопряженъ съ требованіемъ экономики, чувственной на оригинальность въ наукѣ; а восхваленія, такъ охотно всегда расточаемыя всѣмъ новымъ открытіямъ, усиливаются той наградой, которую быстрота сообщеній обезпечиваетъ за выгодными открытіями. Что удивительнаго въ томъ, если будущія столѣтія станутъ упрекать насъ за то, что мы уничтожили труды и измѣнили знанію величайшихъ народовъ и величайшихъ людей, забавляясь фантазіями въ искусствѣ и теоріями въ наукѣ; при чемъ мы можемъ даже считать за счастье, если первыя были праздны, а не порочны, а вторыя ошибочны, но не злонамѣренны. Да, въ самомъ дѣлѣ, успѣхъ часто для насъ пагубнѣе заблужденія. Едва ли въ какой-либо наукѣ можно считать прогрессъ болѣе побѣдоноснымъ, чѣмъ въ химіи, а между тѣмъ практически неоспоримъ тотъ фактъ, который и послужитъ предметомъ удивленія для будущихъ поколѣній, что мы отвыкли отъ искусства рисовать на стеклѣ и изобрѣли хлопчато-бумажный порохъ и нитроглицеринъ. Представьте себѣ, скажутъ люди будущаго, эти безумные англичане девятнадцатаго столѣтія хотѣли увѣковѣчить себя памятниками изъ стекла, которые они не умѣли разрисовать, и разрывали на куски женщины и дѣтей картушами¹⁾, которыми не хотѣли бороться.

34. Вы, господа, можетъ быть, думаете, что я несправедливо и

1) Здѣсь непереводаемая игра словъ: cartouch—патронъ ружейный и вмѣстѣ съ тѣмъ украшеніе въ живописи и архитектурѣ.

предубѣжденно, говорю это, и воображаете, что когда всѣ наши злополучныя изобрѣтенія сдѣлають все худшее, и войны, вызванныя малодушіемъ, будутъ забыты въ безчестіи, то имена нашихъ великихъ изобрѣтателей сохранятся въ памяти потомства, какъ людей, положившихъ первыя основы плодотворнаго знанія и поддерживавшихъ величіе ненарушаемаго закона. Но нѣтъ, господа, ошибаюсь не я, а вы. Въ недалекомъ будущемъ открытія, которыми мы такъ гордимся, станутъ чѣмъ-то давно извѣстнымъ для всѣхъ, и будущія поколѣнія будутъ удивляться не тому, что мы ихъ открыли, а тому, что наши предки не знали ихъ. Намъ могутъ завидовать, но не станутъ насъ прославлять за то, что намъ первымъ дано было узрѣть и провозгласить истины, скрывать которыя долѣе не было возможности. Но тѣ злоупотребленія, которыя мы сдѣлали изъ нашихъ изобрѣтеній, останутся въ исторіи позорнымъ пятномъ на памяти объ насъ; наше искусство въ защитѣ или опроверженіи происхожденія видовъ будетъ презираться въ виду того факта, что мы, въ цивилизованной Европѣ, уничтожили всѣхъ рѣдкихъ птицъ и всѣ цвѣты; наша химія земледѣлія будетъ вызывать только негодованіе при воспоминаніи о нашемъ безсиліи въ голодные годы, а наши механическія выдумки сдѣлають вѣкъ митральезы еще болѣе позорнымъ, чѣмъ вѣкъ гильотины.

35. Да, повѣрьте мнѣ, что не взирая на нашъ политическій либерализмъ и на нашу поэтическую филантропію; не взирая на наши богадѣльни, больницы и воскресныя школы; не взирая на наши миссіонерскія усилія проповѣдовать чужимъ народамъ то, чему мы не въ силахъ заставить вѣровать у себя дома; не взирая на нашу борьбу противъ рабства, выражаемую представленіемъ остроумныхъ биллей—исторія все-таки занесетъ насъ на свои страницы, какъ наиболѣе жестокое, а стало быть и наиболѣе немудрое поколѣніе людей, когда-либо утруждавшихъ нашъ земной шаръ, наиболѣе жестокое въ виду его сравнительной чуткости и наиболѣе немудрое въ виду его научныхъ знаній. Ни одинъ народъ, понимавшій мученія, не причинялъ столько жестокостей; никто, понимающій значеніе фактовъ, не дѣйствовалъ такъ вопреки имъ. Вамъ ненавистно имя Эцелина падуанскаго за то, что онъ умертвилъ двѣ тысячи невинныхъ людей для поддержанія своей власти; и Данте возмущается противъ Пизы, желая ей быть затопленной моремъ, такъ какъ она въ отмщеніе за измѣну осудила на смерть не только

самого измѣнника, но и его дѣтей. Но мы жители Лондона, этой современной Пизы, умертвили недавно пятьсотъ тысячъ людей вмѣсто двухъ тысячъ (я употребляю официальные термины и знаю точно цифры) и осудили все невинныхъ; умертвили не въ порывѣ самозащиты, не изъ мести, а буквально съ полнѣйшимъ хладнокровіемъ, умертвили отцовъ и дѣтей медленной голодной смертью просто потому, что въ то время какъ мы, соперничая, убиваемъ своихъ собственныхъ дѣтей, грызаясь изъ-за мѣсть для нихъ на гражданской службѣ, мы, когда они добьются этихъ мѣсть, никогда не задаемъ себѣ вопроса о томъ, насколько выполняется ими гражданская ихъ служба.

36. Такова была наша миссіонерская дѣятельность въ Ориссѣ три или четыре года тому назадъ, это наше христіанское чудо съ пятью хлѣбами, при совершеніи котораго намъ помогали паровыя молотилки, а для доставки ихъ желѣзныя дороги; приэтомъ англійскіе джентльмены предлагали въ довершеніе всего срубить всѣ деревья Англіи, чтобъ было больше мѣста для произрастанія этихъ хлѣбовъ. Вотъ, повторяю, что мы сдѣлали года два или три тому назадъ; а что дѣлаемъ мы теперь? Случалось ли кому-нибудь изъ васъ слышать о голодѣ въ Персіи? Здѣсь при помощи всѣхъ научныхъ данныхъ мы разводимъ розы въ нашихъ ботаническихъ садахъ, нисколько не заботясь о странѣ розъ.

Съ должнымъ искусствомъ по части плодоводства мы подготовляемъ нашъ сборъ персиковъ и можемъ серьезно придти въ ужасъ при извѣстіи, что будущей осенью намъ грозитъ неурожай ихъ. Но объ неурожаѣ всего въ родинѣ персиковаго дерева знаете ли вы, заботитесь ли вы объ этомъ страшномъ голодѣ въ самой плодородной, роскошной, богатой странѣ на всемъ земномъ шарѣ, откуда волхвы принесли свои дары къ ногамъ младенца Христа?

Сколько своего времени, научнаго знанія, популярной литературы съ начала этого года удѣлили вы опредѣленію того, что Англія можетъ сдѣлать для великихъ странъ, находящихся подъ ея управленіемъ, или для націи, ожидающей отъ нея помощи; и сколько посвящено было разбору шансовъ какого-нибудь единичнаго самованца, получающаго нѣсколько тысячъ въ годъ?

Господа, если ваша литература, популярная и всякая другая, ваше искусство, популярное и всякое другое, или ваша наука, популярная и всякая другая, должны обладать орлинымъ зоромъ, то

помните вопросъ, который я сегодня торжественно ставлю вамъ: будете ли вы гоняться за дичью или за падалью? Будутъ ли слова „гдѣ падаль, туда и слетаются орлы“ примѣнимы только къ помысламъ сердца Англіи.

ЛЕКЦІЯ Ш.

Отношеніе мудраго искусства къ мудрой наукѣ.

Читано въ день, слѣдующій за празднованіемъ св. Валентина, 1882 г.

37. Наша задача сегодня состоитъ въ томъ, чтобъ разсмотрѣть отношеніе, существующее между наукой и искусствомъ, управляемыми мудростью и способными потому находиться въ согласномъ и опредѣленномъ отношеніи другъ къ другу. Между безумнымъ искусствомъ и безумной наукой могутъ дѣйствительно существовать всякаго рода злополучныя взаимодѣйствія, но между мудрымъ искусствомъ и мудрой наукой есть одна существенная связь для взаимной помощи и поддержанія взаимнаго достоинства.

Вы замѣтили, надѣюсь, что я всегда употребляю терминъ наука почти какъ синонимъ „знанія“: я предпочитаю латинское слово „science“ англійскому, чтобъ отмѣтить, что это есть знаніе постоянныхъ вещей, а не мимолетныхъ явленій, но лучше, если вы упустите изъ виду это различіе и примите слово „scientia“ просто, какъ равнозначашее слову „знаніе“, а не впадете въ противоположное заблужденіе, предположивъ, что наука означаетъ систематизацію или открытіе. Не упорядоченіе новыхъ системъ и не открытіе новыхъ фактовъ являются задачей человѣка науки, а подчиненіе себя вѣчной системѣ и надлежащее пониманіе уже извѣстныхъ фактовъ.

38. И прежде всего я сегодня употребляю слово „искусство“ только по отношенію къ той отрасли, обучать которой есть моя специальная задача, т. е. по отношенію къ графическому подражанію или, какъ его принято называть, къ тонкому искусству. (Fine art). Безспорно, что искусства строительныя изъ дерева, камня и т. п. непосредственно зависятъ отъ многихъ наукъ, но эта зависимость такъ понятна и опредѣленна, что мы можемъ и не касаться ея въ нашемъ изслѣдованіи, и потому я въ настоящее

время подъ искусствомъ разумѣю только подражательное искусство, а подъ наукой знаніе не общихъ законовъ, а существующихъ фактовъ. Подъ наукой я разумѣю, на примѣръ, знаніе не того, что трехугольники съ равными основаніями, заключенными между параллельными сторонами, равны между собою, а знаніе того, что звѣзды въ созвѣздіи Кассіоны имѣютъ форму буквы W.

Принимая слова „наука“ и „искусство“ въ этомъ ограниченномъ смыслѣ, я скажу, что мудрое искусство есть только отраженіе или тѣнь мудрой науки. Все, что дѣйствительно желательно, что благородно знать, желательно и благородно знать насколько возможно совершеннѣе и дольше, а стало быть желательно увѣковѣчить или изобразить въ наиболѣе неизмѣнной формѣ, снова и снова воскрешая это не только въ мысляхъ, но и передъ глазами; описывая не общими смутными словами, но ясно опредѣленными линиями и въ истинныхъ краскахъ, такъ чтобъ приблизить по возможности больше къ сходству съ самимъ предметомъ.

39. Можетъ ли что-нибудь быть болѣе очевидно и безспорно, болѣе естественно и справедливо, чѣмъ такое соотношеніе двухъ силъ? Желать знать должное, достойное вашей природы и полезное для вашей жизни; ни болѣе ни менѣе; знать это и сохранить отчетъ и картину такого знанія при себѣ въ самой живой и ясной формѣ?

Безспорно, что ничто не можетъ быть проще этого, а между тѣмъ въ этомъ заключается вся суть и сужденія и практики искусства. Вамъ слѣдуетъ признать или познать прекрасныя и дивныя вещи и затѣмъ дать возможно лучшій отчетъ о нихъ или ради блага другихъ, или для своего забывчиваго и апатичнаго я, въ будущемъ.

Подобно тому, какъ я далъ вамъ и просилъ васъ непремѣнно запомнить афоризмъ, выражающій законъ мудраго знанія, такъ сегодня я попрошу васъ непремѣнно запомнить другой афоризмъ, абсолютно опредѣляющій отношеніе къ нему мудраго искусства. Я уже приводилъ этотъ афоризмъ вамъ въ заключеніи моей четвертой лекціи о скульптурѣ.

Прочтите нѣсколько изреченій въ концѣ этой лекціи вплоть до словъ:

„Лучшее въ этомъ родѣ есть лишь тѣнь“.

Таково сужденіе Шекспира о своемъ искусствѣ. И по странному совпаденію онъ вложилъ эти слова въ уста героя, тѣнь котораго или мраморное изваяніе принято считать самымъ идеальнымъ и героическимъ типомъ изъ всѣхъ существовавшихъ людей; и если бъ вамъ даровано было увидать статую Фидія или самого героя Тезея, то кажется излишне спрашивать, кого вы предпочли бы, т. е. мраморное ли изваяніе или живого царя? Помните ли вы, какъ во „Снѣ въ майскую ночь“ Тезей у Шекспира заканчиваетъ свою рѣчь объ искусствѣ бѣднаго ремесленника?

„И лучшее въ этомъ родѣ лишь тѣни; а худшее не хуже, если воображеніе приходитъ имъ на помощь“.

Надѣюсь, что не особенно утомится ваша память, хотя матеріально вы нисколько не выдвинетесь въ списокъ курса, если вы на память заучите все это изреченіе, какъ безукоризненно полное и вѣрное выраженіе въ немногихъ словахъ законовъ мимического искусства.

40. „Только лишь тѣни!“ Пусть будутъ онѣ по возможности прекрасны и пользуйтесь ими, чтобъ вспоминать и любить то, чего онѣ являются отраженіемъ. Если вы когда-нибудь предпочтете ихъ искусство простотѣ правды или наслажденіе, доставляемое ими силѣ правды, то вы впадете въ тотъ порокъ безумія (назовете ли вы его *χαχία* или *μωρία*), описаніе котораго мы встрѣчаемъ у Продика, гдѣ оно постоянно *εἰς τὴν ἑαυτῆς σκιάν ἀποβλέπειν*, съ любовью и исключительнымъ удивленіемъ любитъ на свою собственную тѣнь.

41. Изъ всего высказываемаго вамъ мною, нѣтъ ничего, чему я бы такъ горячо желалъ, чтобы вы повѣрили, ничего, на что я по опыту имѣю больше основанія требовать вашего довѣрія, чѣмъ та безспорная для меня истина, что вы никогда не полюбите искусство, какъ слѣдуетъ, пока не будете сильнѣе любить то, что оно собою отражаетъ.

Это самый широкій и ясный выводъ, который я могу сдѣлать изъ всего моего опыта; такъ какъ начало моей собственной правильной работы въ искусствѣ (и высказать вамъ это я считаю далеко не бесполезнымъ) зависѣло отъ моей любви не искусства, а горъ и моря. Всѣ мальчики, сколько-нибудь неиспорченные, любить лодки, и я конечно больше любилъ горы, окаймляющія озера, и имѣлъ обыкновеніе всегда ходить по срединѣ самаго сыпучаго граделя, какой я могъ встрѣтить по дорогамъ внутреннихъ графствъ,

чтобъ слышать подъ ногами нѣчто вродѣ звука голишей на прибрежьяхъ морей. Въ теченіе нѣкотораго времени мнѣ не представлялось никакого случая развить тѣ дарованія къ рисованію, какія были у меня, но я охотно готовъ былъ проводить цѣлые дни шляясь по откосамъ холмовъ въ Кумберландѣ или любуясь слѣдами, оставляемыми прибоемъ на прибрежномъ пескѣ; и когда меня ежегодно водили на выставку акварелей, я всегда бралъ предварительно каталогъ и отмѣчалъ всѣ картины Робсона, которыя, какъ я зналъ, изображаютъ пурпуровыя горы, и всѣ картины Коппле-Фильдинга, на которыхъ надѣялся встрѣтить моря или озера, и затѣмъ прямо направлялся къ нимъ; отнюдь не изъ любви къ картинамъ, а къ тѣмъ предметамъ, которые онѣ изображали.

И во всей моей послѣдующей жизни, вся пріобрѣтенная мною сила пониманія въ искусствѣ, которую я къ счастью могу смѣло примѣнять и сообщать, зависела отъ моей непреклонной привычки всегда главнымъ образомъ интересоваться предметомъ, а искусствомъ только какъ средствомъ изобразить его.

42. Правда, какъ всегда почти въ юности, такъ и я заходилъ тогда слишкомъ далеко въ моей увѣренности въ справедливость этого принципа а къ крайностямъ его признанія подстрекало меня то упорство, съ какимъ другіе писатели отрицали его, такъ что въ первомъ томѣ современныхъ живописцевъ мнѣ случалось во многихъ мѣстахъ настолько отдавать предпочтеніе сюжету или мотиву картины надъ способомъ ея выполнения, что нѣкоторые изъ моихъ болѣе слабо одаренныхъ учениковъ думали исполнить мое желаніе, выбирая такіе сюжеты для своихъ картинъ, которые они менѣе всего способны были выполнить. Но на самомъ принципѣ я и теперь, достигнувъ почтенныхъ лѣтъ, настаиваю съ еще большей увѣренностью, съ еще большимъ почтеніемъ, чѣмъ въ дни ранней юности; и хотя я думаю, что среди учителей, возстававшихъ противъ него, немногіе могутъ соперничать со мной въ искусствѣ композиціи или въ умѣломъ обращеніи съ кистью и карандашемъ, тѣмъ не менѣе время, потраченное мною на пріобрѣтеніе ихъ, еще сильнѣе убѣдило меня, что тѣ картины были наиболѣе благородны, которыя заставляли меня забывать о нихъ.

43. Теперь, основываясь на этой простой теоріи, вамъ остается только спросить себя, каковы должны быть предметы мудрой науки; и поскольку они могутъ быть изображены, они и составятъ пред-

меты мудраго искусства; и мудрость какъ науки, такъ и искусства будетъ оцѣнена по возвышенности замысла и простотѣ исполненія, по ясности фантазіи и еще большей ясности передачи, по строгости вкуса и прелести въ проявленіи его.

44. Такъ какъ мы сейчасъ слышали слова Шекспира, какъ учителя науки и искусства, то для примѣра возьмемъ его за предметъ науки и искусства.

Предположите, что намъ предстоитъ изучить и дать неизгладимый отчетъ о существованіи и существенныхъ сторонахъ Шекспира; мы увидимъ, что по мѣрѣ того какъ цѣль и направленіе науки становятся все благороднѣе, и искусство становится все большей помощникомъ ея; пока наконецъ на высшей ступени оно даже необходимо ей, но все же въ качествѣ служителя.

Мы разсматриваемъ сперва Шекспира съ точки зрѣнія его химическаго состава и узнаемъ, что онъ состоялъ изъ 75 процентовъ воды, около пятнадцати или двѣнадцати процентовъ азота, и кромѣ того изъ извести, фосфора и другихъ солей.

Затѣмъ мы переходимъ къ наукѣ, называемой анатоміей, которая сообщаетъ намъ, между прочимъ, что у Шекспира было семь шейныхъ, двѣнадцать спинныхъ и пять поясничныхъ позвонковъ, что его предплечье имѣло широкій радіусъ вращенія и что онъ отличался отъ другихъ животныхъ вида обезьянъ тѣмъ, что пальцы его рукъ были болѣе приспособлены къ иѣжному осязанію, а пальцы ногъ менѣе пригодны для обращенія съ самыми тонкими предметами.

Вслѣдъ за анатоміей мы разсматриваемъ Шекспира съ точки зрѣнія зоологіи и узнаемъ, каковы были цвѣтъ его глазъ и волосъ, образъ жизни, характеръ и пристрастіе къ браконьерству.

Этимъ оканчивается наше возможное знаніе внѣшнихъ его свойствъ. Затѣмъ является наше знаніе идеальныхъ предметовъ: чувствъ и духовныхъ способностей, благодаря чему мы можемъ сказать, что Шекспиръ способенъ проявлять такія-то чувства и наклонности и сдерживать и управлять ими въ такихъ-то предѣлахъ. Въ заключеніе мы беремъ нашу богословскую науку и утверждаемъ, что онъ находился въ сношеніи или въ воображаемомъ сношеніи съ такимъ-то и такимъ-то, высшимъ чѣмъ онъ, существомъ.

45. Теперь на всѣхъ этихъ послѣдовательныхъ ступеняхъ научнаго описанія мы видимъ, что искусство становится все могуще-
Орлиное гнѣздо.

ственно въ своей помощи или передачѣ соотвѣтственно важности изслѣдованія. Для химіи оно едва ли можетъ что-нибудь сдѣлать, развѣ отмѣтить цвѣтъ или форму кристалла. Для анатоміи оно можетъ сдѣлать нѣсколько больше, а для зоологіи почти все; въ передачѣ же страсти и духовныхъ сторонъ оно идетъ рука объ руку съ высшей наукой и въ теологіи оказываетъ болѣе благородную помощь, чѣмъ даже словесная или литературная передача.

46. Разсматривая эту силу искусства, припомните, что теологія искусства только за послѣднее время признана заслуживающей вниманія: лордъ Линдсей, лѣтъ тридцать тому назадъ, первый призналъ ея важное значеніе и когда я, въ 1845 году, приступилъ къ изученію школъ Тосканы, то его „Христіанская міеологія“ была единственнымъ руководствомъ, которому я могъ довѣрять. Даже въ 1860 году мнѣ пришлось въ христіанской наукѣ защищать истинное значеніе Луини, этого пренебрегаемаго ученика Леонардо ди-Винчи. Но только предполагая, а это съ общаго согласія я могу предположить, что таинственная вечеря Рафаэля или его Теологія (какъ эта картина рѣже, но вѣрнѣе, называется) есть самое совершенное усиліе, когда-либо сдѣланное для иллюстраціи божественной науки, я подготовляю себѣ возможность впослѣдствіи показать вамъ, что самыя законченныя усилія богословской литературы сравнительно съ этимъ картиннымъ объясненіемъ выразили менѣе полно условія мудрой религіозной мысли и были болѣе пагубно вовлечены въ немудрую религіозную спекуляцію.

47. Въ эти высшія области изслѣдованія намъ не предстоитъ еще вступитъ. Я въ теченіе нѣкотораго времени постараюсь только показать вамъ задачу скромнаго искусства, какъ слуги естественной исторіи и показателя, во-первыхъ, красоты созданій, подчиненныхъ вашей собственной человѣческой жизни, а затѣмъ исторіи этой жизни въ прошломъ, одинъ изъ главныхъ источниковъ иллюстраціи для которой находится въ наиболѣе блестящей и по своему вліянію на характеръ наиболѣе практически могущественной отрасли искусства—въ геральдикѣ. Въ естественной исторіи я сперва намѣревался начать съ низшихъ типовъ животныхъ, но такъ какъ расширенные курсы даютъ мнѣ возможность больше воспользоваться нашими образцами, то мы сразу перейдемъ къ орнитологіи, о значеніи которой для общей культуры я долженъ сдѣлать нѣсколько серьезныхъ замѣчаній.

48. Можетъ быть, въ началѣ моей сегодняшней лекціи вы подумали, что я слишкомъ кратко коснулся искусствъ архитектуры и мимики. Но это не въ силу моего неуваженія къ нимъ; и я долженъ дѣйствительно попросить васъ тщательно отмѣтить два или три пункта относительно тѣхъ искусствъ, образцы которыхъ даютъ намъ птицы въ своихъ гнѣздахъ и въ своемъ пѣніи.

На-дняхъ, посѣтивъ одного орнитолога, коллекція птицъ котораго не имѣетъ себѣ соперницъ во всей Европѣ (являясь одновременно и памятникомъ неустанной любви къ наукѣ и образцомъ самаго нѣжнаго и терпѣливаго искусства),—Г. Гульда,—я увидаль у него гнѣздо самой обыкновенной англійской птицы; и это гнѣздо, несмотря на его знакомство съ искусными постройками, дѣлаемыми птицами всего земного шара, не лишено было интереса и для него, а меня приводило въ восторгъ и въ удивленіе. Это было гнѣздо снигиря, насаженное на вилкообразное развѣтвленіе молодого деревца и потому требовавшее болѣе широкаго основанія. И вотъ птичка построила первый этажъ своего гнѣзда изъ сухихъ стеблей цвѣтка ломоноса и не изъ чего больше. Эти стебельки она слегка переплела, оставивъ развѣтвленныя головки всѣ снаружи и образуя сложную выпуклую готическую фигуру, крайне изящную и причудливую, повидимому устроенную какъ съ торжествующимъ наслажденіемъ въ искусствѣ плетенія корзинокъ, такъ и съ опредѣленной цѣлью достигнуть формы орнамента.

49. Я опасуюсь, что мнѣ незачѣмъ говорить вамъ, что у птицы нѣтъ никакой подобной цѣли. Я говорю, что опасуюсь, потому что мнѣ гораздо больше хотѣлось бы ввести васъ въ заблужденіе, приписывая низшимъ животнымъ слишкомъ много, чѣмъ слишкомъ мало, ума. Но я предполагаю, что единственная ошибка, въ которую вы при современныхъ условіяхъ естествознанія склонны впасть, состоитъ въ предположеніи, что снигирь есть просто механической агломератъ нервныхъ нитей, прикрытый перьями въ силу хронической назожной сыпи и побуждаемый гальваническимъ стимуломъ къ собранію ломоноса.

50. Предполагая это, вы, повторяю, впали бы въ гораздо большее и болѣе постыдное заблужденіе, чѣмъ еслибъ приписали снигирю самое сознательное соперничество съ самыми красивыми готическими рисунками Г. Стрита. Птица обладаетъ такой степенью эмоціи, такимъ размѣромъ знаній и такою силою искусства, какіе

необходимы для ея счастья; она, вѣроятно, нашла, что стебли ломноса болѣе легки и гибки, чѣмъ все другіе, какіе она могла добыть, а вилообразное развѣтвленіе ихъ вполне пригодно для сѣтчатого плетенія. Она естественно расположила эти развѣтвленія снаружи, потому что нуждалась въ мягкой поверхности для основанія или для дна гнѣзда; и красота результата зависѣла больше отъ цвѣтовъ, чѣмъ отъ птицы.

51. Тѣмъ не менѣе я увѣренъ, что еслибъ вы видѣли гнѣздо, а тѣмъ болѣе, еслибъ вы присутствовали при постройкѣ гнѣзда, то у васъ явилось бы сильное желаніе выразить ваше удивленіе архитектору; и если Вордсвортъ или какая-нибудь другая простая и добрая личность могла желать даже изъ любви къ маленькому цвѣточку:

Чтобъ этой горѣ вѣдомы были маргаритки
И красота ихъ звѣздоподобной тѣни, отбрасываемой
На гладкую поверхность этого голаго камня

то тѣмъ болѣе вамъ захотѣлось бы сообщить вашу симпатію блестящему маленькому строителю гнѣзда и пояснить ему на основаніи принциповъ искусства, какую красивую вещь онъ строитъ.

52. Развѣ вамъ никогда не случалось не быть въ состояніи разьяснить нѣкоторымъ изъ лучшихъ и наиболѣе мудрыхъ художниковъ, какія красивыя вещицы они дѣлають, и развѣ вы при этомъ не замѣчали, что самое совершенство ихъ искусства состоитъ въ томъ, что они такъ мало знаютъ объ этомъ?

Случалось ли это съ вами или нѣтъ, но увѣряю васъ, что это такъ. Величайшіе художники, правда, иногда снисходятъ до научнаго обоснованія, работаютъ отчасти систематически надъ своими произведеніями, подобно обыкновеннымъ людямъ, и пользуются даже преимуществомъ больше чѣмъ птицы наслаждаться своими произведеніями; но рѣдко, замѣтите, тѣмъ, что оно красиво сдѣлано, а очень часто тѣмъ чувствомъ, которое мы можемъ приписать и снигирю, а именно, сознаниемъ, что вещь, сдѣланная ими, красиво или безобразно, не могла быть иначе сдѣлана; что они не могли иначе сдѣлать ее и благодарны за то, что она вышла не хуже. И, навѣрное, они въ своихъ произведеніяхъ не находятъ того восторга, который доставляютъ другимъ.

53. Но, оставляя спеціальную наивность хорошихъ художниковъ

въ сторонѣ, позвольте спросить васъ, нельзя ли пожелать, чтобы этого рода наивность была обща всему роду человѣческому и чтобы всѣ мы дѣлали то человѣческое дѣло, которое казалось бы существамъ, выше насъ стоящимъ, гораздо лучше, чѣмъ намъ самимъ. Почему бы наши гнѣзда не казались бы ангеламъ такими же интересными вещами, какими гнѣзда снигирей кажутся намъ?

Вы, вѣроятно, ухмыльнетесь и содрогнетесь при такомъ дерзкомъ предположеніи. Но мнѣ оно кажется единственно скромнымъ. Чтобы мы способны были восхищаться дѣлами ангеловъ, кажется мнѣ дерзостью, но совсѣмъ не дерзко кажется мнѣ предположеніе, что они способны восхищаться нашими дѣлами.

54. При существующихъ обстоятельствахъ сознаю, что такой восторгъ съ ихъ стороны кажется мнѣ довольно невѣроятнымъ. Немыслимо представить себѣ, чтобы отдѣльныя улицы нашихъ мануфактурныхъ городовъ или видъ нашихъ подгороднихъ виллъ были такими вещами, которыя могли бы доставлять ангеламъ пріятное зрѣлище, но мнѣ кажется, что неизбежно мы логически должны прійти къ тому заключенію, что если мы дѣйствительно высшія животныя существа то должны обладать по крайней мѣрѣ такимъ же инстинктивнымъ искусствомъ, какъ и низшія животныя, и строить гнѣзда, вполне для насъ подходящія; гнѣзда, которыя можетъ быть въ глазахъ высшихъ существъ будутъ казаться прекраснѣе, чѣмъ намъ.

55. „Вполнѣ для насъ подходящія“. Замѣйте это выраженіе, т.-е. приличныя, пристойныя, удобныя, удовлетворительныя. Мы можемъ не быть въ состояніи воздвигнуть чего-нибудь величественнаго, но во всякомъ случаѣ, подобно другимъ тѣлеснымъ существамъ, должны быть способны устроить что-нибудь приличное, и наше человѣческое преимущество состоитъ въ томъ, что мы можемъ предполагать, что на небесахъ дивятся нашимъ намѣреніямъ.

Мнѣ довольно трудно продолжать то, что я хотѣлъ бы высказать, потому что знаю, что вы отчасти думаете, будто я шучу съ вами. Дѣйствительно, мнѣ самому хочется отчасти улыбнуться, но не потому, что я шучу, а надъ тѣмъ контрастомъ, который существуетъ между тѣмъ, что логически должно быть, и тѣмъ, что мы, не шутя, должны признать за дѣйствительность. И какъ велика, какъ странна та путаница понятій, которая въ этомъ отношеніи существуетъ въ нашемъ умѣ! Мы постоянно говоримъ, что воздвиг-

гаемъ зданія во славу Божию и, однако, не смѣемъ открыто сказать, что мы хоть мало-мальски надѣемся прославить себя ими въ очахъ Его. И даже допуская, хотя я нисколько не склоненъ допустить этого, что мы въ настоящее время можемъ прославлять Его дѣлами, соотвѣтствующими той человѣческой природѣ, которую Онъ далъ намъ, тѣмъ не менѣе сколькоими дѣлами противными этой самой природѣ мы оскорбляемъ Его?

56. Позвольте мнѣ на мгновеніе вернуться къ моей птицѣ и ея гнѣзду. Даже не восхищаясь и не восторгаясь ея архитектурой, мы можемъ, однако, вообразить себѣ, что она и ея супругъ и тотъ хоръ, къ которому они присоединяютъ свои голоса, могутъ только вызывать восторгъ и наслажденіе ихъ пѣніемъ. Въ одной изъ предыдущихъ лекцій я привелъ жаворонка, какъ образецъ художника въ области пѣнія, и вспоминая—чего нѣкоторые изъ васъ, надѣюсь, не склонны легко забыть—того святого, которому посвященъ вчерашній день, я позволю себѣ прочесть вамъ дивный отрывокъ, выражающій то естественное чувство, которое вызываетъ въ насъ такое пѣніе.

„И тотчасъ же, какъ только насталъ день, мнѣ не захотѣлось нѣжитья въ постели, и я смѣло отправился одинъ въ ближащій лѣсъ; я шель по тропинкѣ, пролежавшей вдоль ручья, пока не дошелъ до поляны, бѣлой и зеленой. Такой дивной лужайки я никогда еще не видалъ. Она была вся зеленая и усѣяна маргаритками. Тутъ сѣлъ я среди прелестныхъ цвѣтовъ и видѣлъ, какъ птички подымались изъ своихъ гнѣздышекъ, гдѣ покоились всю ночь, и какъ онѣ радовались дневному свѣту и принимались воздавать хвалу маю. Онѣ могли выполнить все это наизусть, и много можно было уловить у нихъ пріятныхъ нотъ. Однѣ пѣли громко, улетаая подъ небеса, другія подтягивали, а нѣкоторыя прославляли во все горло. И онѣ такъ радовались и веселились, перепархивая съ вѣтки на вѣтку всегда парочками, словно хотѣли излить всю свою любовь въ день св. Валентина“.

Вы, можетъ быть, помните споръ, который затѣмъ слѣдуетъ между кукушкой и соловьемъ, и общаніе, которое прелестный пѣвецъ даетъ Чаусеру за то, что онъ освободилъ его.

„И затѣмъ подлетѣлъ ко мнѣ соловей и сказалъ: другъ, благодарю тебя за то, что тебѣ захотѣлось освободить меня. И теперь я сдѣлаю одно признаніе любви, что буду весь май твоимъ пѣвцомъ.“

„Я поблагодарилъ его и былъ вполне вознагражденъ. Но, замѣтилъ онъ, не будь смущенъ тѣмъ, что услышалъ кукушку раньше меня; если я буду живъ, то исправлю свою вину въ будущемъ маѣ, если ничто не спугнетъ меня.

„Если ничто не спугнетъ меня“. Не поставилъ ли бы онъ это условіе болѣе скромно теперь, дѣлая то же обѣщаніе любому изъ васъ или прося васъ быть судьями между имъ и его врагомъ, что должно было произойти, какъ вы помните, въ этотъ самый день много-много лѣтъ тому назадъ въ мѣстности, находящейся отъ насъ въ восьми миляхъ.

„И это будетъ непременно на другой день послѣ чествованія св. Валентина на пышномъ и зеленомъ кленѣ подъ окномъ королевы въ Вудстокѣ на зеленой лужайкѣ“.

„Онъ поблагодарилъ его и затѣмъ скрылся въ изгороди изъ боярышника и, тамъ усѣвшись, запѣлъ: „пора жизненной любви задержала меня“ и такъ громко, что я при звукахъ этой пѣсни проснулся“.

57. „Пора жизненной любви задержала меня!“ Увы, какъ ужасно мы люди исказили эту пѣсню соловья, такъ что у насъ эти слова пришлось бы замѣнить другими и сказать: „пора жизненной ненависти задержала меня“.

Таково было знаніе древнихъ англичанъ о пѣсни птицъ, и можетъ быть вы негодуете на меня за то, что я напомнилъ вамъ эти слова? Вы сами, я не сомнѣваюсь, обладаете новыми знаніями о пѣсни и объ устройствѣ гнѣздъ; и я радуюсь при мысли, что вы можете или по крайней мѣрѣ будете въ состояніи объяснить мнѣ, прежде чѣмъ сдадите ваши экзамены по естествознанію, какимъ образомъ въ силу правильной связи гортани съ клювомъ и вліянія теплоты, — первоисточникомъ которой служить солнце — на мускульныя волокна, происходитъ волнообразное движеніе въ гортани и раскрытіе и замыканіе клюва, неизбѣжно сопровождаемыя свистящимъ звукомъ.

58. Я не стану опровергать ваши утвержденія; еще менѣе желаю я ручаться за абсолютную истину Чаусеровъ словъ. Вы найдете, что полная истина заключается значительно въ томъ и другомъ; и что вы можете выбирать по своему вкусу въ поющей птицѣ изученіе какъ вліянія всеобщей теплоты на дивный механизмъ, такъ и личной жизни въ существѣ, способномъ къ изысканной страсти. Но тотъ пунктъ, на который я желалъ бы обратить ваше вниманіе,

заключается въ отношеніи къ моши этой низшаго существа вашихъ собственныхъ человѣческихъ средствъ въ созданіи звуковъ, при которыхъ вы наилучшимъ образомъ можете гармонично слиться съ нимъ.

59. Мнѣ на-дняхъ пришлось прождать съ полчаса въ центрѣ Леджетъ Гилля. Стоя по возможности въ сторонѣ отъ дороги въ тѣни желѣзнодорожнаго моста, я слѣдилъ за лицами сгѣшшихъ прохожихъ: всѣ они куда-то торопились, многіе были озабочены, нѣкоторые особенно мрачны; я прислушивался къ непрерывно грохочущимъ, свистящимъ и шипящимъ звукамъ ихъ шаговъ и голосовъ. И среди этого постоянного шума, отличавшагося отъ рева самаго дикаго моря въ бурю только своею сложностью и безсвязностью, я дивился тому, къ чему свелось бы все, что дѣлали или пытались сдѣлать въ теченіе дня эти люди, если бъ это стало имъ ясно.

60. Въ итогѣ оказалось бы, я думаю, что всѣ они стремились прожить этотъ день самымъ непріятнымъ образомъ, и что ничего серьезнаго не случилось, что могло бы помѣшать имъ точно также провести и слѣдующіе дни. Мало того, я зналъ, что то, что въ ихъ жизни казалось мнѣ мучительнымъ, могло имъ быть пріятно; и дѣйствительно, вскорѣ послѣ того одинъ дѣятельный и благоденствующій дѣловой человѣкъ, говоря съ моимъ пріателемъ о томъ разочарованіи, которое онъ испыталъ во время путешествія по Италіи, замѣтилъ, что онъ не въ силахъ прожить болѣе трехъ дней въ Венеціи, такъ какъ тамъ не было никакого шума.

61. Но, допустивъ даже, что эти звуки происходятъ постоянно отъ удовольствія обитателей Лондона, тѣмъ не менѣе невольно задаешь себѣ вопросъ, какъ ихъ вокальное и инструментальное искусство можетъ въ схемѣ природы быть сравнено съ вокальнымъ искусствомъ низшихъ животныхъ? Мы дѣйствительно можемъ свистки нашихъ машинъ, предупреждающіе объ опасности на мосту, какъ мучительное человѣческое изобрѣтеніе, сопоставить со свистомъ сурка, а топотъ ногъ и скрипъ колесъ считать человѣческимъ усиленіемъ звуковъ, производимыхъ насѣкомыми при треніи крыльевъ или лапокъ о бока; но даже и при этомъ сравненіи мы можемъ почувствовать нѣкоторое униженіе, замѣчая, что цикады и сверчки, находя удовольствіе въ такомъ дрожащемъ пѣніи, имѣютъ и свободное время, чтобъ отдыхать на радость себѣ, и что полетъ свѣтляковъ тихъ и беззвученъ. Но каковы эти звуки, производимые нами въ

сравненіи съ пѣніемъ птицъ? Этотъ Лондонъ есть главное гнѣздо людей въ мірѣ; и я стоялъ въ центрѣ его. Въ лавкахъ Флитъ Стрита и Леджетъ Гилля по обѣимъ сторонамъ я могъ безъ всякаго сомнѣнія купить сколько угодно дѣтскихъ книгъ, въ которыхъ, съ цѣлью религіознаго образованія, считаемаго противоположнымъ свѣтскому, сообщается имъ, что птицы въ своемъ пѣніи славословятъ Бога. Но, хотя съ одной стороны вы можете быть вполне увѣрены, что птицы не поющія машины, тѣмъ не менѣе съ другой стороны также безспорно, что онѣ не имѣютъ ни малѣйшаго намѣренія славословить Бога своимъ пѣніемъ, и что мы ничѣмъ не можемъ больше вредить религіозному воспитанію нашихъ дѣтей, какъ начавъ его со лжи. Однако можно было бы надѣяться, что хоть мы, люди, станемъ славословить Бога въ тѣхъ пѣсняхъ, которыя возносимъ къ Нему изъ нашихъ главныхъ гнѣздъ. И хотя на вершинѣ Леджетъ Гилля въ соборѣ попытки этого рода и дѣлаются разъ въ недѣлю ограниченнымъ количествомъ лицъ, однако, снова къ нашему стыду, мы должны признать, что птицы хуже или лучше, но поютъ все и каждый день. И я, стараясь прослѣдить чувства и занятія проходившихъ мимо меня лицъ, не могъ съ ежеминутно все болѣе возрастающимъ любопытствомъ не задать себѣ вопроса о томъ, какое впечатлѣніе произвело бы на этихъ прохожихъ и проѣзжихъ появленіе среди нихъ какихъ-нибудь высшихъ существъ съ такой же вѣстью мира и радости, съ какой они нѣкогда явились, знаменуя и возвѣщая рожденіе Христа?

62. Можетъ быть, вы припомните, какъ я въ моихъ весеннихъ лекціяхъ въ этомъ году обращалъ ваше вниманіе на одну картину Монтеня на выставкѣ, изображающую полетъ двѣнадцати ангеловъ по голубому небу, ангеловъ, воспѣвающихъ гимнъ Рождеству. Я долженъ замѣтить вамъ, однако, что одинъ изъ нашихъ англійскихъ художниковъ, занимающихъ видное положеніе, не разделяетъ моего мнѣнія относительно этой картины и высказалъ, что „мы въ Англии нуждаемся въ хорошемъ, а не въ забавномъ искусствѣ“. Мнѣ же кажется забавнымъ это вокальное и архитектурное искусство Леджетъ Гилля, а не картина Монтеня. Но я принужденъ допустить, что еслибъ сцена, изображенная на картинѣ, осуществилась въ дѣйствительности, то результатъ въ глазахъ большинства людей показался бы еще забавнѣе. Въ самомъ дѣлѣ, представьте себѣ, что надъ Леджетъ Гиллемъ небо въ дѣй-

ствительности мгновенно стало бы голубымъ, а не чернымъ, и что на немъ явилось бы двѣнадцать ангеловъ „съ серебряными крыльями и золотыми перьями“, которые опустились бы на карнизъ желѣзно-дорожнаго моста, подобно тому какъ голуби опускаются на карнизъ Св. Марка въ Венеціи; далѣе, что эти ангелы пригласили бы жадныхъ дѣловыхъ людей, стоящихъ тамъ внизу, въ центрѣ города, признаваемого самымъ цвѣтущимъ во всемъ мірѣ, примкнуть къ нимъ на пять минутъ и прочѣть съ ними пять первыхъ стиховъ псалма 102: „Благослови, душе моя, Господа и вся внутренность (очень удобный случай для выраженія ихъ самыхъ затаенныхъ чувствъ) имя святое Его. Благослови, душе моя, Господа, и не забывай всѣхъ благодѣяній Его“.

Развѣ при одномъ даже такомъ предположеніи вы не чувствуете, что произнесеніе этихъ словъ является кощунствомъ? И развѣ вы не можете вообразить себѣ, что толпа, при такомъ странномъ нарушеніи торговли, почувствовала бы нѣчто, сходное съ тѣмъ, о чемъ я имѣлъ случай напомнить вамъ въ моей первой лекціи о скульптурѣ, а именно съ чувствомъ, которое испытываетъ Мефистофель у Гёте при пѣніи ангеловъ: „я слышу какое-то разногласіе и невыносимо громкія фразы?“

63. Но мало того, еслибъ въ дѣйствительности всѣ выгоды, доставляемыя этимъ великимъ городомъ не были эфемерны и не подлежали забвенію и еслибъ по всѣмъ его окрестностямъ произведены были разслѣдованія результатовъ его богатствъ, то несоотвѣтствіе значенія самыхъ словъ развѣ не чувствовалось бы сильнѣе, чѣмъ несоотвѣтствіе въ звукахъ ихъ?

Я имѣю здѣсь въ рукѣ вырѣзку изъ газеты, которую я захватилъ съ собой три года тому назадъ на митингъ въ пользу „общества поощренія соціальныхъ наукъ“, происходившій въ залахъ общества искусствъ подъ предсѣдательствомъ перваго министра Англіи. Подъ такъ называемыми классическими картинами Барри, изображающими философію и поэзію древнихъ, мистеръ Гладстонъ возсѣдалъ на предсѣдательскомъ креслѣ; и въ его присутствіи одинъ изъ членовъ общества покровительства соціальной науки высказалъ и поддерживалъ положеніе, не чуждое нашему теперешнему изслѣдованію, а именно, что существенная черта природы человѣка обща у него съ хищнымъ звѣремъ. Хотя я въ то время (внезапно побуждаемый авторомъ „Тома Брауна въ Оксфордѣ“) и пытался противо-

рѣчить этой личности, являвшейся представителемъ соціальной науки, но въ настоящее время я отнюдь не желалъ бы дѣлать этого. Я далъ вамъ хищную птицу для сравненія вашего знанія.

„Вѣдаетъ ли орелъ то, что таится въ могилѣ?“

И въ этомъ обширномъ нашемъ гнѣздѣ, называемомъ Лондономъ, было бы хорошо, если бѣ всехъ нашихъ дѣтей осѣняла бы добродѣтель хищнаго этого звѣря, и волненіе и суета этого города были бы подобны „суетѣ орла надъ своимъ гнѣздомъ и трепету его надъ своими дѣтенышами“. Но вырѣзка изъ газеты, которую я имѣлъ тогда и имѣю теперь въ рукѣ*), заключаетъ въ себѣ сообщеніе о такомъ состояніи этого гнѣзда, которое не имѣетъ ничего общаго съ этимъ сравненіемъ. Я не отвѣтственъ за тѣ противопоставленія, которыя встрѣчаются въ приводимыхъ ею сообщеніяхъ. Въ первомъ сообщеніи мы читаемъ приглашеніе пожертвовать на постройку новой церкви въ Оксфордѣ, которая должна стоить двѣсти тысячъ рублей; во второмъ же передается отчетъ о дознаніи относительно одной женщины, которая вмѣстѣ съ своимъ ребенкомъ умерла отъ голода на Собачьемъ островѣ. Трупы были найдены на кучѣ лохмотьевъ, ничѣмъ не прикрытые; въ комнатѣ не было никакой мебели, кромѣ одного деревяннаго стула, на которомъ лежала брошюрка подъ заглавіемъ „Благость Божія“; мужъ этой женщины, полгода не находившій работы, сошелъ черезъ два дня съ ума, и такъ какъ его не приняли въ рабочій домъ, и безъ того переполненный сумасшедшими, то его отвезли; куда именно, газета не сообщаетъ.

64. Теперь, господа, вопросъ, который я желалъ бы запечатлѣть въ вашей памяти сегодня, состоитъ въ томъ, можно ли предположить, чтобы мудрость, которая „веселится на земномъ кругу и радость которой съ сынами человѣческими“, могла при такихъ условіяхъ радоваться на томъ наиболѣе скученномъ и населенномъ уголкѣ земнаго шара, гдѣ мы теперь живемъ? И если она не можетъ даровать намъ возможности превзойти искусство ласточки или орла, то можетъ ли требовать, чтобы мы, по крайней мѣрѣ, достигли уровня ихъ счастья? Или, можетъ быть, вы серьезно думаете, что въ жизни на Леджеть-Гиллѣ или въ смерти на Собачьемъ островѣ, въ искусствѣ Леджеть-Гилля или въ праздности Собачья-

*) Pall Mall Gazette. Январь 29, 1869 года.

го острова, въ наукѣ и благоразуміи Леджеть-Гилля или въ невѣжествѣ и безмысленности Собачьяго острова, при современномъ порядкѣ вещей, мы можемъ найти какое-нибудь ясное поощреніе для повторенія въ этомъ 102-мъ псалмѣ тѣхъ трехъ стиховъ, которые слѣдуютъ за пятью вышеприведенными, и чувствовать сердцемъ, когда произносимъ устами, что попрежнему среди насъ, и неоскорбляемый нами, обитаетъ Богъ, „прощающій всѣ беззаконія наши и исцѣляющій всѣ недуги наши, избавляющій отъ могилы жизнь нашу, вѣнчающій насъ милостью и щедротами, насыщающій благами желаніе наше, обновляя, подобно орлу, юность нашу“.

ЛЕКЦІЯ IV.

Могущество скромности въ наукѣ и искусствѣ.

17-го февраля, 1872 года.

65. Я увѣренъ, господа, что нѣкоторыхъ изъ васъ удивила, а если мнѣ удалось сдѣлать мою послѣднюю лекцію вполне понятной, то и должна была удивить мысль объ ограниченіи, которую я предлагалъ вамъ принять по отношенію къ идеи о наукѣ, и къ тому положенію, которое я просилъ васъ установить для нея. Мы такъ сильно привыкли думать о наукѣ, какъ о процессѣ открытій, что нѣкоторые изъ васъ, я увѣренъ, были серьезно смущены моимъ предложеніемъ и еще болѣе смутятся, если я и сегодня настойчиво повторю, что понимать слово наука и употреблять его нужно въ смыслѣ знакомства съ вещами давно уже открытыми и признанными за истины. Мы имѣемъ несчастье жить въ эпоху перехода отъ неразумнаго оцѣненія къ неразумному возбужденію; и если раньше изслѣдованіе чего-нибудь являлось для науки актомъ величайшаго мужества, то въ настоящее время неизслѣдованіе чего-бы то ни было для нея равносильно агоніи. Такъ что намъ, непредвидѣнно, приходится измѣрять достоинство человѣка науки новизной его утвержденій и искусствомъ его метода разсужденій, положительно забывая, что наука не можетъ быть совершенной, ни какъ занятіе разума, пока что-нибудь остается неоткрытымъ, ни какъ полезное орудіе воспитанія, пока хоть что-нибудь подлежитъ сомнѣнію.

66. Вамъ, навѣрное, покажется праздною мысль о томъ, что

открытія могутъ быть когда-нибудь доведены до конца, но вспомните, что невозможность этого означаетъ только одно, что смертная наука должна оставаться несовершенной. Тѣмъ не менѣе, во многихъ отношеніяхъ предѣлъ практически полезныхъ открытій быстро приближается, и вы, какъ студенты, хорошо сдѣлали бы, признавъ, что онъ уже достигнутъ. Возьмемъ, на примѣръ, науку орнитологію: надѣюсь, что вы имѣете мало вѣроятій застрѣлить въ Англіи птицу, которая была бы неизвѣстна человѣку науки, или застрѣлить въ другомъ какомъ-либо мѣстѣ такой экземпляръ, который не принадлежалъ бы къ виду, уже описанному. И хотя многіе изъ васъ, рискуя даже жизнью и посвящая долгіе годы наблюденію, могутъ надѣяться принести въ свои музеи синицу съ никогда еще невиданнымъ пятномъ на крылѣ, я серьезно совѣтую вамъ не допускать, чтобы такія радужныя надежды мѣшали вашимъ научнымъ занятіямъ, и не посвящать исключительно вашу жизнь даже такому важному предмету. Въ астрономіи небесныя пространства все еще недостаточно изслѣдованы самыми дорогими инструментами, и, можетъ быть, кому-нибудь изъ васъ придется возвѣстить существованіе или даже проанализировать составныя части нѣкоторыхъ свѣтлыхъ точекъ, которыя могутъ увидать только два или три раза въ теченіе столѣтія тѣ, кто поѣдутъ для этой цѣли въ Индію и кому погода тамъ въ это время будетъ благоприятствовать. Но для практическихъ цѣлей всѣхъ извѣстныхъ и перечисленныхъ звѣздъ вполне для насъ достаточно; и если вы основательно знакомы съ ихъ видимымъ движеніемъ и ясно понимаете установленныя отношенія даже тѣхъ звѣздъ, которыя видимы невооруженнымъ глазомъ, то у васъ достаточно астрономическихъ свѣдѣній, какъ для занятій вашего ума, такъ и для направленія вашего мореплаванія.

67. Но если вы недовольны границей, предложенной мною для вашей науки, то тѣмъ съ бѣльшимъ сомнѣніемъ отнеслись вы, вѣроятно, къ мѣсту, которое я ей отвожу. Я знаю, что по нашей современной системѣ не принято считать химію, науку объ атомахъ, низшей, а теологію, науку о Божествѣ, высшей; нѣтъ, многіе изъ насъ считаютъ теологію даже не наукой, а спекулятивнымъ стремленіемъ, чуждымъ наукѣ и по духу ей противоположнымъ.

Однако мнѣ, можетъ быть, необходимо отмѣтить для васъ, въ нѣсколькихъ словахъ, что то, что мы называемъ теологіей, если

истинно, то наука; если же лживо, то не теологія; даже различіе между естественной наукой и теологіей не логично; дѣйствительно, вы можете дѣлать различіе между естественной и неестественной наукой, но не между естественной и духовной, не доказавъ предварительно, что духъ не имѣетъ естества. Вы найдете несомнѣннымъ, что вполне истинное знаніе одинаково возможно и необходимо, какъ относительно фактовъ, касающихся матеріи, такъ и силъ и страстей, дѣйствующихъ на матерію и въ матеріи;—и что самая благородная изъ всѣхъ доступныхъ нашему пониманію силъ есть сила, которая или представляетъ себѣ, или постигаетъ существованіе жизненной силы высшей, чѣмъ наша собственная; и что изученіе отношеній, существующихъ между этой силой и вытекающихъ изъ нея человѣческихъ поступковъ, настолько же составляетъ предметъ истинной науки, насколько и кривизна метательнаго снаряда. Вліяніе, напримѣръ, вашего посѣщенія церкви, съ вѣрой или безъ вѣры въ силу молитвы, на вашъ характеръ, умъ и поведеніе въ теченіе дня, настолько же подлежитъ вѣдѣнію точной науки, насколько и вліяніе вашего завтрака на вашъ желудокъ. Какое изъ этихъ знаній выше, я съ увѣренностью уже указалъ вамъ и не боюсь никакихъ испытаній, которымъ вы пожелали бы подвергнуть мое утвержденіе.

68. Предположивъ такую границу и такую роль для нашего знанія; предположивъ также, какъ я сдѣлалъ, быть можетъ, къ вашему неудовольствію, что графическое искусство есть тѣнь или образъ знанія,—я хочу показать вамъ сегодня, въ какомъ отношеніи къ нимъ находится добродѣтель, называемая греками „σωφροσύνη“ „здравомысліе“—соотвѣтствующая латинскому „salus“ или „sanitas mentis“, и англійскому „health of heart“; если мы возьмемъ слова „mens“ „μῆνις“ или „φρήν“, за выраженіе страстной душевной мощи человѣческаго существа, въ отличіе отъ интеллектуальной, то „mens sana“ будетъ возможенъ для всѣхъ насъ, между тѣмъ какъ созерцательная ступень высшаго разума можетъ быть и не доступна намъ; такъ что для каждаго изъ насъ небеса только позволяютъ помогатье быть σοφός, но требуютъ рѣшимости быть σωφρων.

69. Не входя въ обсужденіе употребленія этого слова различными писателями, я скажу вамъ, что самое ясное и здоровое понятіе объ этомъ духовномъ состояніи даютъ выраженія древней христіанской религіей и даже въ томъ, что вы, можетъ

быть, считаете ея суевѣриемъ. Не входя въ обсужденіе личнаго существованія и традиціоннаго характера злыхъ духовъ, вы на практикѣ увидите, что высшія искушенія и неизбѣжныя испытанія характера имѣютъ надъ вами власть, такъ что и здоровье и добродѣтель ваша зависятъ отъ силы вашего противодѣйствія имъ; что, не встрѣчая сопротивленія, злая энергія ихъ перейдетъ въ ваше собственное сердце φρήν или μῆνις; и что обычная, вошедшая во все общее употребленіе, фраза: „въ немъ дьяволъ или злой духъ“, есть наиболѣе научное и точное опредѣленіе настроенія подобной личности. Вы найдете также, что изгнаніе его или очищеніе отъ него лучше всего символизируется въ литературѣ для васъ во образѣ челоуѣка, бродившаго раньше одичалымъ и нагимъ среди могилъ и сидящаго потомъ смирно, одѣтымъ и въ здоровомъ умѣ; и что въ какомъ бы смыслѣ, буквально или иносказательно, вы ни принимали библейское сказаніе о послѣдующемъ, абсолютно вѣрно однако то, что стадо свиней, бросающееся на свою погибель, даетъ вполне ясное понятіе о всякаго рода бѣшенствѣ и является наиболѣе вѣрнымъ символомъ полного челоуѣческаго ἀφροσύνη, когда-либо даннымъ литературой.

Различные виды безумія *)), восхищающіеся сценами смерти, которыми такъ заражены въ наше время искусства революціонной Европы, будутъ разъяснены въ продолженіе этой лекціи; но я не намѣренъ ни дѣлать опредѣленныхъ замѣчаній о только что упомянутыхъ мною примѣрахъ, ни печатать какого-нибудь отдѣла изъ всего сказаннаго мною, пока не проанализирую полнѣе элементы злой страсти, которая всегда искажала и оскверняла даже самыя высшія искусства Греціи и истинной христіанской религіи, и всецѣло занимаетъ въ настоящее время воображеніе, опустошенное и лишенное радости нечестіемъ и непокорностью.

Что касается мрачности сѣраго цвѣта, характерной главнымъ образомъ для современной французской революціонной школы, то я входилъ до нѣкоторой степени въ разсмотрѣніе условій дѣйствительной умѣренности и сдержанности ея въ окраскѣ, указывая, что вся сила не въ томъ, чтобы избѣгать ея, а чтобы умѣть ею распоряжаться; и что самыя чистые и самыя яркіе цвѣта превосходно могутъ быть

*) Я всегда употребляю это слово, желая, чтобы оно было понято буквально, во всей его силѣ.

умѣренно расположены, тогда какъ наиболѣе темныя являются и наиболѣе рѣзкими и наиболѣе неумѣстными. Но было бы бесполезно печатать эту часть лекціи безъ пояснительныхъ иллюстрацій.

Переходя къ разсмотрѣнію неумѣренности и скромности при выборѣ даже сюжетовъ для ландшафта, я для контраста ссылаюсь на спокойствіе Тернеровской „Greta and Tees“.

70. Если вы хотите почувствовать всю сдержанность этого рисунка, зайдите сначала въ мастерскія и посмотрите на выставленные тамъ обыкновенныя хромо-литографіи; взгляните, какъ онѣ искусственны съ ихъ Маттеръ-Горнами, Монте-Розами, голубыми ледниками, зелеными озерами, бѣлыми башнями, великолѣпными бандитами, романтическими крестьянами, или всегда искусными спортсменами и рыбаками въ голландскихъ костюмахъ, и посмотрите затѣмъ, чѣмъ довольствуется Тернеръ. Ему не нужны и не особенно нравятся Маттеръ-Горны. Ему достаточно глинистаго іоркширскаго берега въ восемь или десять футовъ высоты. Онъ не поблагодарилъ бы васъ, если бы вы ему дали всѣ гигантскіе лѣса Калифорніи; онъ не заинтересовался бы ими, не былъ бы среди нихъ и на половину настолько счастливъ, какъ здѣсь съ прутикомъ дубка, который Грета пригнула между камней и который теперь, когда вода стала глубже, снова пытается выпрямиться и ускользнуть изъ засады.

Онъ не нуждается ни въ башняхъ, ни въ городахъ и довольствуется трехконнымъ деревенскимъ помѣщичьимъ домомъ. Не нужны ему и блестящіе бандиты. Смотрите! вотъ черная, а вотъ и бѣлая корова: чего же вамъ еще больше? И эта неторопливо падающая быстрина, тутъ прерывающаяся, чтобы обогнуть прудокъ, тамъ цѣпящаяся, низвергаясь по рифу въ шесть или семь дюймовъ вышины, неизмѣримо важнѣе для него, чѣмъ колоссальное паденіе озера Эріо въ озеро Онтарио, справедливо взятое Карлэемъ за образецъ Ніагары нашего національнаго стремительнаго *ἀφροσύνη*.

71. Мнѣ нѣтъ необходимости указывать вамъ здѣсь на истинную умѣренность краски въ этомъ рисункѣ, на то до какой степени здѣсь блѣдна зелень деревьевъ и мягка лазурь неба.

Теперь я ставлю рядомъ хромо-литографію.

Но почему же то хорошо, а это дурно? Просто потому, что если вы будете размышлять, работать и воспитывать себя благородно, то полюбите Грегу и Тизу, если же нѣтъ, вамъ понравится хромо-

литографія. Одно нравится мужественнымъ людямъ, другое слабымъ; то скромно, полно истинной αἰδώς, благородной сдержанности и благороднаго благоговѣнія, а въ этомъ нѣтъ ни αἰδώς'а, ни страха, ни мѣры, ни даже цѣли, а только собрано все, что можно было схватить, чтобъ расшевелить гнусную апатію общественнаго ἀφροσύνη.

72. Апатія ἀφροσύνη—замѣтьте это выраженіе! Вы можете подумать, что апатично σωφροσύνη, а невоздержанность полна страсти. Но, нѣтъ; какъ разъ на оборотъ. Внутренняя безжизненность въ насъ ищетъ рѣзкихъ внѣшнихъ стимуловъ. Я долженъ вернуться не надолго къ искусству современной Франціи. Наиболѣе полный отдых и освѣженіе, послѣ переутомленія въ Лондонѣ, можетъ дать мнѣ французская игра. (Если же я пытаюсь отдохнуть въ поляхъ, то оказывается, что они уже за недѣлю до меня превращены всѣ въ дачи). Но французы играютъ такъ хорошо, что я заранѣе могу быть увѣренъ, что все кончится прекрасно или настолько дурно, что вы какъ бы беспомощно присутствуете при какомъ-нибудь дѣйствительномъ бѣдствіи. Но, на-дняхъ, я былъ обманутъ словомъ „комедія“ въ публикаціи о Фру-Фру, когда отправился смотрѣть ее. Большинству изъ васъ, вѣроятно, извѣстно, что первые три дѣйствія этой пятиактной пьесы — чистая комедія или, по крайней мѣрѣ, игривая драма, кончающаяся въ двухъ послѣднихъ актахъ печальнѣйшей изъ всевозможныхъ катастрофъ, хотя и слишкомъ часто случающихся въ повседневной жизни. Здѣсь минутная страсть является источникомъ неисправимаго горя и потерю всего, что героиня любила въ жизни, и это вслѣдствіе героическаго заблужденія вполнѣ хорошей и не эгоистичной личности. Я совсѣмъ заболѣлъ послѣ этого спектакля и не могъ оправиться цѣлую недѣлю.

Но спустя нѣкоторое время мнѣ пришлось говорить объ этой пьесѣ съ одной лэди, хорошо знакомой съ характеромъ французовъ. Я спросилъ ее, какимъ образомъ этотъ впечатлительный народъ выносить изображеніе такой потрясающей скорби. „А потому, сказала она, что французы недостаточно обладаютъ симпатіей: они интересуются только внѣшностью сцены и въ дѣйствительности, въ настоящее время, совсѣмъ тупы, а не впечатлительны. Моя горничная-француженка тоже ходила на-дняхъ смотрѣть эту пьесу, и когда, по ея возвращеніи домой, я спросила, какъ она ее находить,

то дѣвушка отвѣтила, что пѣса восхитительна и что она очень весело провела время. „Весело! Но вѣдь исторія очень печальная“. „О, да, мадемуазель, сказала она, исторія очень печальна, но и очаровательна; къ тому же какъ прекрасна была Фру-Фру въ своемъ шелковомъ платьѣ!“

73. Джентльмены, если вы вникнете въ образъ мыслей французской горничной о трагедіи, то увидите, что онъ является самымъ вѣрнымъ выраженіемъ взгляда высшаго общества на міровыя страданія, среди которыхъ, пока оно можетъ веселиться, все кажется ему прекраснымъ. Если балныя залы ярко освѣщены и туалеты прекрасны, то кому какое дѣло до того, сколько ужасовъ тутъ рядомъ и кругомъ? Нѣтъ, эта апатія заставляетъ насъ застывать на самыхъ высшихъ сферахъ нашихъ мыслей и охлаждаетъ самыя важныя наши стремленія. Вы знаете, что я никогда не присоединялся къ общему крику противъ обрядности, но мнѣ слишкомъ мучительно ясно, что сама англиканская церковь отвратила свои взоры отъ трагедіи всѣхъ церквей, чтобы снова разукраситься пышными оконницами и одѣянiями и любезно сказать себѣ въ своемъ священномъ *ποικιλία*: „О, какъ хороша Фру-Фру въ своемъ шелковомъ платьѣ!“

74. Мы признаемъ, однако, безъ затрудненія пагубность ненасытности и нескромности въ наслажденiяхъ искусствомъ. Менѣе признанныя, но влѣдствіе этого и болѣе пагубныя, ненасытность и нескромность науки отвлекаютъ насъ отъ нашихъ истинныхъ добродѣтелей. Роковыя неистовства научнаго *ἀφροσύνη* совмѣстимы съ самыми благородными свойствами самоограниченія и самопожертвованія. Не низкія страсти, но высокія надежды и самыя благородныя желанія становятся наиболѣе пагубными, когда обаяніе ихъ превозносится тщеславіемъ науки. Терпѣніе мудрѣйшихъ греческихъ героевъ никогда не ослабѣвало, когда испытаніе являлось въ видѣ опасности или страданія; но помните, что передъ искушеніями пѣснью сиренъ море утихаетъ. И въ немногихъ словахъ, сказанныхъ вамъ Гомеромъ о ихъ пѣнiи, чего вы, можетъ быть, еще недостаточно ясно замѣтили, выражена именно та форма искушенія, которой легче всего поддается человѣкъ, выходящій побѣдителемъ изъ всевозможныхъ тѣлесныхъ испытаній. Тутъ обѣщано не тѣлесное удовлетвореніе, но духовный подъемъ до восторга; человѣкъ не понуждается, какъ понуждается вкрадчивостью Комусса, пренебрегать правилами мудрости, а призывается, напротивъ,—какъ вы

всѣ призываетесь въ настоящее время ἀφροσύνη вашего вѣка, — научиться лучшей мудрости отъ мудреца.

„Потому, что мы знаемъ все“, — говорятъ они, — „что дѣлалось въ Троѣ по волѣ боговъ и знаемъ все, что совершается на все плодоносной землѣ“.

Тутъ, какъ видите, всѣ небесныя и всѣ земныя знанія. Я прочту вамъ это въ переводѣ Попа, потому что Попъ не допускаетъ бесполезныхъ передѣлокъ, но всегда иллюстрируетъ то, что выражаетъ.

О, остановись гордость Греціи,
(Вы видите, что онѣ начинаютъ съ лести)

Улиссъ остановись!

Прекрати свое плаваніе и прислушайся къ нашей плѣсни. Благословенъ тотъ человѣкъ, которому удастся услышать нашъ голосъ. Эта плѣнь поучаетъ душу и чаруетъ слухъ. Приблизься! плѣняясь, душа твоя возвысится. Приблизься! и научись новой мудрости отъ мудрыхъ. Мы знаемъ царей со славными именами, одержавшихъ побѣду при Иліонѣ на полѣ славы, и все, что совершается подъ яркимъ солнечнымъ блескомъ. О, побудь съ нами и научись новой мудрости отъ мудрыхъ“.

Не удивительно ли, что опасность отъ этого новой мудрости была уже давно вполне распознана? Не страннѣе ли еще то, что прошли уже три тысячи лѣтъ, а мы до сихъ поръ еще не способны воспользоваться этимъ урокомъ и все еще больше склонны увеличивать массу нашихъ знаній, чѣмъ пользоваться ими; мы съ каждымъ днемъ все горячѣе и горячѣе стремимся къ открытіямъ и увеличиваемъ соперничество, и съ каждымъ днемъ все холоднѣе становится нашъ восторгъ и все слабѣетъ наше благоговѣніе.

75. Но, господа, Улиссъ Гомера, привязанный къ мачтѣ, продолжаетъ жить. Улиссъ Данта привязанъ къ мачтѣ другимъ образомъ. Онъ, несмотря на покровительство Аеины, и послѣ всѣхъ своихъ побѣдъ надъ судьбой, все еще не можетъ избавиться отъ искушенія и ищетъ новой мудрости. Онъ появляется за столбами Геркулеса, ободряетъ свою команду въ необъятныхъ пустыняхъ Атлантики и погибаетъ въ быстрой Харибдѣ безпредѣльнаго моря. Въ аду, то неустанное пламя, которое постоянно окружаетъ его, стоящаго среди подстрекателей ко злу, виднѣется съ высотъ скалъ и кажется свѣтлякомъ, порхающимъ и туда и сюда; а развѣвающее одѣяніе пытки, которое дрожитъ, когда онъ говоритъ, и раз-

дувается, когда онъ движется, осуждаетъ его на вѣчное искушеніе и на полную невозможность когда-либо освободиться отъ зла.

ЛЕКЦІЯ V.

Могущество удовлетворенности въ наукѣ и искусствѣ.

22 февраля 1872.

76. Съ цѣлью дать основательное примѣненіе этимъ лекціямъ, я долженъ просить васъ обращать тщательное вниманіе на главные выводы, къ которымъ мы приходимъ въ заключеніе каждой изъ нихъ, и на послѣдствія этихъ выводовъ. Въ первой лекціи я старался показать вамъ, что искусство тогда только было разумно, когда оно было безкорыстно въ своемъ творчествѣ; во второй, что наука была тогда только мудра, когда была безкорыстна въ своихъ положеніяхъ; въ третьей, что разумное искусство было тѣнью, или видимымъ отраженіемъ мудрой науки; и въ четвертой, что всѣ эти условія блага должны быть преслѣдуемы умѣренно и спокойно. Далѣе мнѣ предстоитъ еще показать вамъ, что они должны быть преслѣдуемы независимо.

77. Я не часто употреблялъ слово „независимость“. А въ томъ смыслѣ, въ какомъ принято его понимать за послѣднее время, я употреблялъ его только съ величайшимъ пренебреженіемъ; такъ какъ истинная мощь человѣческой души должна быть зависима отъ всего наиболѣе благороднаго, что она можетъ постичь, и имѣть въ зависимости отъ себя все ниже ея стоящее, насколько она можетъ это охватить.

Но теперь я употребляю это слово въ совершенно иномъ смыслѣ. Думаю, что вы почувствовали, какое широкое понятіе я далъ вамъ о мудрости, въ смыслѣ безкорыстнаго вліянія въ искусствѣ и наукѣ, и поняли что величайшее дарованіе и знаніе имѣютъ въ основѣ своей человѣческую нѣжность, и что благотворная мудрость искусства, торжествующая на земномъ кругу, является только видоизмѣненной формой высочайшаго научнаго милосердія, находящаго радость въ истинѣ. И какъ первое правило мудрости состоитъ въ познаніи самого себя— хотя это есть и послѣднее изъ всего, что мы можемъ познать, — такъ

и первое правило милосердія состоитъ въ самоудовлетвореніи, хотя человѣкъ менѣе всего можетъ найти удовлетвореніе въ себѣ; и только, такимъ образомъ удовлетворенный и обузданный, онъ является опоясаннымъ и мужественнымъ для управленія другими. Если долѣетъ днѣви злоба его, то насколько больше добро его!

78. Я васъ просилъ запомнить афоризмъ относительно науки и другой относительно искусства; позвольте мнѣ—и я не буду больше просить васъ—сверхъ того предложить вамъ выучить наизусть эти строки пѣсни сиренъ: шесть строчекъ Гомера, надѣюсь, не будутъ для васъ обременительны.

„Никто никогда не проплывалъ мимо на своемъ черномъ кораблѣ, не прослушавъ медово-сладостной пѣсни изъ нашихъ устъ. Каждый останавливался очарованный, хотя бы онъ и зналъ много; потому что мы знаемъ все, что дѣлали греки и троянцы по волѣ боговъ, на обширной троянской равнинѣ, и знаемъ все, что дѣлается на плодоносной землѣ“. И это, замѣьте, абсолютно вѣрно. Ни одинъ человѣкъ никогда не проплывалъ мимо на черномъ кораблѣ; повинуюсь грозному и печальному закону жизни, предназначающему смертнымъ быть побѣдителями на океанѣ, онъ, однако, какъ бы ни былъ мудръ, все же, приближаясь къ этому смертоносному острову, соблазняется голосами тѣхъ, которыя говорятъ ему, что знаютъ все, что дѣлается по волѣ боговъ и все, что происходитъ на землѣ для удовлетворенія человѣческихъ нуждъ.

79. Теперь, замѣьте, эти два великихъ искушенія. Вамъ слѣдуетъ знать все, что было сдѣлано по волѣ Бога, и знать все, что жизнено на землѣ. Попытайтесь также представить себѣ хотя бы не на долго тотъ способъ, которымъ эти два обѣщанія сиренъ смущали до сихъ поръ образъ дѣйствія людей. Подумайте о книгахъ, ложно истолковывающихъ Божественное Провидѣніе, подумайте, какъ много употреблено было усилій, чтобы показать, что личное поведеніе, которое мы одобряемъ въ другихъ или которому желаемъ подражать сами, вполне согласно съ волею Бога. Подумайте, какое страшное смятеніе въ мысляхъ и какая низость въ поступкахъ происходили въ сектахъ, считавшихъ, что онѣ однѣ вполне постигли божественныя цѣли и руководятся ими. Подумайте о тщетныхъ изслѣдованіяхъ, о бесполезно потраченномъ времени тѣхъ, кто пытался проникнуть въ тайны жизни или въ ея опоры. Жизненный эликсиръ, философскій камень, зародышевыя клѣточки въ

метеорическомъ желѣзѣ, ἐπὶ χρονὶ πουλυβοτείρῃ. Но въ настоящее время, когда мы распустили послѣднія закрѣпы мачтъ чернаго корабля и когда мы, вмѣсто того чтобы пустить всѣ весла въ ходъ и спастись подобно экипажу Гомерова Улисса, гребемъ подобно экипажу Дантовскаго Улисса и изъ нашихъ веселъ дѣлаемъ крылья для нашего безумнаго бѣга

E, volta nostra poppe nel mattino
De' remi facemmo ale al folle volo—

пѣснь сиренъ становится болѣе роковой, чѣмъ когда-либо. Мы считаемъ себя людьми избранными, первыми познавшими тайны неба и выполняющими задачу человечества на землѣ; и въ результатѣ получается то, что изъ всѣхъ народовъ, когда-либо опозоренныхъ ложной мудростью и ложнымъ искусствомъ,—вложившихъ трудъ свой въ то, что не есть хлѣбъ, и свои усилія въ то, что не даетъ удовлетворенія,—мы, говорю я, изъ всѣхъ этихъ народовъ самымъ безумнымъ образомъ отбросили милосердіе, которое само по себѣ, доставляя удовлетвореніе, служить вмѣстѣ съ тѣмъ и на пользу людямъ, и стали изъ всѣхъ созданий наиболѣе неудовлетворенными и наиболѣе недоброжелательными и завистливыми по отношенію къ своимъ ближнимъ. При данной степени знанія, при данной степени „καὶ πλείονα εἰδώς“ въ наукѣ, искусствѣ и въ литературѣ, существующія отношенія между Франціей и Германіей, между Англійей и Америкой являются, какъ по ихъ тупоумію, такъ и недоброжелательству, самыми ужасными изъ всѣхъ когда-либо существовавшихъ на обитаемомъ нами земномъ шарѣ, несмотря даже на то, что всѣ великія историческія повѣствованія не болѣе, какъ повѣствованія о грѣхѣ, а всѣ великія пѣсни только пѣсни смерти.

80. Господа, я самымъ торжественнымъ образомъ прошу васъ выбросить изъ сердца и изъ головы мысль о познаніи всѣхъ вещей на небѣ и на землѣ. Мы можемъ очень немного познать какъ о путяхъ Провидѣнія, такъ и о законахъ существованія. Но и этого немногаго достаточно, вполне достаточно, насколько это намъ нужно; стремиться къ большему—зло для насъ; будьте увѣрены, что, увеличивая свои усилія въ познаніи того, что за предѣлами нашего ограниченаго существованія, за предѣлами того царства, управлять которымъ въ спокойной αὐτάρχεια и въ самообладаніи намъ повелѣно, мы только усиливаемъ безуміе, а увеличивая знаніе, плодимъ горе.

81. Поэтому мои усилія сегодня будутъ направлены на то, чтобы выяснитъ вамъ, что при наилучшей мудрости для счастливаго преуспѣянiя необходимо предварительно обладать счастливымъ довольствомъ; что въ извѣстномъ смыслѣ мы должны всегда быть причастны царству Его, какъ маленькiя дѣти, и довольны на время тѣмъ, чтобъ не отпихиваемъ отъ себя дѣтскiя вещи. Я до сихъ поръ старался показать вамъ, какъ скромность и благородство духа очищаютъ искусство и науку, дозволяя намъ признать превосходство работы другихъ сравнительно съ нашей; сегодня же я, наоборотъ, желаю указать вамъ на пользу дѣтскаго самодовольства и выяснитъ вамъ, что не въ силу недостатка или ненасытности нашей природы, не въ силу извращения или искаженiя нашего существа, мы расположены больше находить наслажденiя въ тѣхъ малыхъ вещахъ, которыя мы можемъ сами дѣлать, чѣмъ въ великихъ вещахъ, совершаемыхъ другими. Если мы, дѣйствительно, умѣемъ отличать величiе отъ ничтожества, то способность находить наслажденiе въ томъ немногомъ, что мы знаемъ и что можемъ сдѣлать, составляетъ такую же отчасти долю истинной умѣренности, какъ и довольство тѣмъ, что мы имѣемъ. Съ одной стороны безпечность, а съ другой жадность одинаково заслуживаютъ презрѣнiя какъ относительно нашихъ искусствъ, такъ и относительно обладаемыхъ нами предметовъ, и каждому человѣку слѣдуетъ находить изысканное личное счастье въ той незначительной долѣ умѣнiя, которымъ онъ обладаетъ, такъ же точно какъ и въ своемъ небольшомъ домикѣ или садикѣ, умѣя въ то же время безъ зависти цѣнить величiе болѣе обширныхъ владѣнiй.

82. Мало того, самѣй мудрой природѣ указано намъ находить больше удовольствiя въ малыхъ вещахъ, чѣмъ въ большихъ, и въ грубомъ, чѣмъ въ самомъ тонкомъ искусствѣ. Въ противномъ случаѣ мы были бы расположены сѣтовать на тѣ тѣсныя границы, которыя опредѣлены усовершенствованiю человѣческаго искусства.

Въ одной изъ предыдущихъ лекцiй я указывалъ вамъ на то, что въ прошломъ наивысшая архитектура достигнута была Аонiянами и Этруссками, безусловное превосходство въ рисованiи только жителями одного города во всемъ мiрѣ, а безошибочный способъ духовной архитектуры за все шесть тысячъ лѣтъ существовалъ только въ теченiе полстолѣтiя. Мы въ настоящее мучимся тщетными усилiями научить повсюду людей превзойти Венецiю и Аонины, и въ ре-

зультатъ лишились даже способности наслаждаться вообще искусствомъ вмѣсто того, чтобы находить удовлетвореніе въ томъ, чтобы наслаждаться тѣмъ искусствомъ рисованія и гравированія, которое было нѣкогда возможно и всегда было бы приятно и въ Парижѣ, и въ Лондонѣ, и въ Страсбургѣ, и въ Йоркѣ.

Я не сомнѣваюсь, что вы сильно удивились, услышавъ отъ меня, что низшее искусство доставляетъ больше удовольствія, чѣмъ самое тонкое. Но что по вашему мнѣнію заставляетъ всѣхъ людей съ такимъ сожалѣніемъ оглядываться назадъ на время ихъ дѣтства, если только это дѣтство было хоть сколько-нибудь здоровое и мирное? Мы съ такой любовью вспоминаемъ о нашемъ дѣтствѣ благодаря тому очарованію, которое малѣйшая вещь производила на насъ, вслѣдствіе, конечно, скудости нашихъ сокровищницъ. Окружающая природа имѣла дивный видъ въ нашихъ глазахъ, потому что мы мало видѣли и знали еще меньше. Каждое увеличивающееся обладаніе ложится на насъ новой тяжестью; каждый отрывокъ новаго знанія уменьшаетъ въ насъ способность удивляться, и смерть ниспосылается наконецъ, чтобы удалить насъ съ зрѣлища, на которомъ еслибъ мы еще дольше присутствовали, никакое дарованіе уже не удовлетворяло бы и никакое чудо не удивляло бы насъ.

83. При всей скудости моихъ знаній и дарованій, сравнительно съ любимъ выдающимся человѣкомъ, моя жизнь, однако, была постепеннымъ прогрессомъ въ тѣхъ вещахъ, которыми я началъ заниматься въ дѣтствѣ по собственному влеченію; такъ что я почти съ математической точностью могу измѣрить степень того чувства, какое испытывалъ при меньшихъ и большихъ степеняхъ богатства и умѣнія.

Я отлично помню тотъ восторгъ, который я въ началѣ моихъ занятій минералогіей испыталъ, получивъ отъ друга, совершившаго путешествіе въ Перу, маленькій кусочекъ известняка, величиной въ орѣхъ, съ тоненькой жилкой самороднаго серебра, приставшей къ его поверхности. Мнѣ никогда не надоѣдало любоваться моимъ сокровищемъ и я нисколько не чувствовалъ бы себя богаче, еслибъ сталъ владѣльцемъ всѣхъ копій въ Кошиапо.

Въ настоящее время я намѣренъ предложить вамъ, какъ образцы рисованія скалъ, камни, на покупку которыхъ не хватило бы моего годового состоянія въ дѣтствѣ. Но обладаніе ими уже давно не до-

ставляетъ мнѣ удовольствія, и я теперь только думаю о томъ, кому они могутъ быть полезны, такъ какъ мнѣ они уже не нужны.

84. Но уменьшеніе удовольствія при дальнѣйшихъ успѣхахъ въ искусствѣ рисованія было еще гораздо значительнѣе, чѣмъ при приобрѣтеніи большихъ минералогическихъ богатствъ.

Я помѣстилъ въ вашей образцовой серіи одинъ или два рисунка архитектуры, сдѣланные мною, когда я былъ двадцатилѣтнимъ юношей; и сдѣлалъ я ихъ съ полнѣйшимъ удобствомъ для себя и съ нѣкоторымъ удовольствіемъ для другихъ. День потраченный мною на набрасываніе ихъ нисколько не утомлялъ меня, а, напротивъ, доставлялъ мнѣ безконечную отраду. Я теперь лучше знаю, чѣмъ долженъ быть рисунокъ; но усилія, употребляемая мною, чтобъ правильно выполнить мою работу въ теченіе часа, такъ утомляютъ, что послѣ я уже никогда не забочусь о томъ, чтобъ взглянуть на этотъ рисунокъ.

85. Правда, люди, обладающіе большой и дѣйствительной силой, выполняютъ самыя лучшія дѣла сравнительно легко; но вы никогда не услышите, чтобъ они говорили о той отрадѣ, какую простые художники испытываютъ при частичномъ успѣхѣ. Тутъ не о чемъ сожалѣть; всѣмъ людямъ опредѣлено наслаждаться, но очень немногимъ одержать побѣду.

Я не думаю, что заставляю васъ бесполезно тратить время, останавливаясь на этихъ простыхъ нравоученіяхъ. Изъ тѣхъ фактовъ, которые я установилъ, мы должны извлечь слѣдующій великій принципъ для всякаго рода усилія; а именно, что мы должны стараться дѣлать не абсолютно лучшее, а то, что легко въ предѣлахъ нашихъ дарованій и что соответствуетъ нашему темпераменту и окружающимъ насъ условіямъ.

86. Въ вашихъ образовательныхъ серіяхъ имѣется литографическій рисунокъ стараго дома въ Страсбургѣ, сдѣланный Праутомъ. Деревянная рѣзба на немъ въ стилѣ хотя и мѣстномъ, но начало котораго очень отдаленно. Деликатная архитектура Италіи въ эпоху возрожденія была даже въ лучшіе періоды нѣсколько извращена тенденціей, въ силу которой выпуклыя массы находились у основанія колоннъ; рѣзчики по дереву въ 16-мъ столѣтіи взяли эту выпуклую форму за основной элементъ для орнамента, и эти страсбургскія окна являются только подражаніемъ со стороны нѣмецкаго

крестьянства тому, что въ самыхъ тонкихъ образцахъ нужно искать у Дуомо де-Бергамо.

Но альзасскій бюргеръ или крестьянинъ болѣе наслаждался этимъ грубымъ своимъ подражаніемъ и примѣнялъ его смѣло и открыто къ размѣрамъ своего дома и къ прожилкамъ толстыхъ бревенъ, изъ которыхъ онъ его строилъ, чѣмъ изысканный итальянецъ наслаждался разноцвѣтной роскошью мраморовъ; и всѣ сокровища обширной выставки не доставили бы ему и десятой доли того упоенія, съ какимъ онъ смотрѣлъ на то, какъ остроконечная его кровля завершала выпуклости его лѣнныхъ украшеній; а на грубыхъ скульптурныхъ завитушкахъ цвѣтистыми черными буквами писалось, что „онъ и его жена построили этотъ ихъ домъ съ Божьей помощью и просятъ Создателя, да дастъ Онъ имъ и ихъ дѣтямъ возможность долгіе годы прожить въ немъ“.

87. Но на этомъ рисункѣ я желалъ бы, чтобъ вы замѣтили не только деревенскій методъ архитектуры, но и деревенскій методъ рисованія. Та манера, съ какой нарисованы эти грубые бревенчатые изгибы, носить на себѣ такой же деревенскій отпечатокъ, какъ и сами изгибы. Прауть родился въ одномъ изъ отдаленнѣйшихъ уголковъ Англіи и самостоятельно, безъ всякой посторонней помощи, научился рисовать, взявъ себѣ за образецъ лодки рыбаковъ; онъ инстинктивно пробилъ себѣ дорогу, пока не научился настолько владѣть карандашомъ, что могъ литографіями добывать себѣ средства къ существованію. Онъ находилъ своего рода живописную красоту въ постройкахъ, всѣ наиболѣе тонкія черты изгибовъ у которыхъ были стерты временемъ, и, обладая извѣстнымъ даромъ своеобразно изображать эти предметы, даромъ, доставившимъ ему не только извѣстную популярность, но, что еще лучше и важнѣе, возможность извлекать постоянное для себя наслажденіе изъ деревенскихъ поселковъ и тихихъ улицъ безлюдныхъ городовъ, онъ никогда не находилъ побудительныхъ причинъ, чтобъ ознакомиться съ изысканностями или бороться съ трудностями болѣе совершеннаго искусства. Вполнѣ чуждый послѣднему, его способъ рисованія по самому своему несовершенству находился въ полнѣйшемъ соотвѣтствіи съ тѣми предметами, которые доставляли ему наслажденіе. Крупные штрихи карандаша, при помощи которыхъ онъ изображаетъ этотъ страсбургскій домъ, вполнѣ достаточны, чтобъ дать намъ истинное понятіе о томъ впечатлѣніи, какое онъ производитъ. Еслибъ

онъ вздумалъ рисовать ихъ украшенія съ тонкостью линій Леонарда, то только выставилъ бы ихъ недостатки и сдѣлалъ бы смѣшнымъ ихъ деревенскую грубость. Этотъ рисунокъ произвелъ бы на васъ мучительное впечатлѣніе, такъ какъ вы ясно почувствовали бы, сколько времени потрачено было на изображеніе того, что не стоило труда, и чтобъ направлять ваше вниманіе на то, что при тщательномъ разсмотрѣніи было бы лишь поводомъ къ насмѣшкѣ. Но здѣсь передъ вами простой деревенскій художникъ, удачно и гармонично изображающій простую, деревенскую архитектуру; и никакой строитель, никакой художникъ не могъ бы поступить мудрѣе, не рискуя погибнуть.

88. Неужели же, спросите вы, можно серьезно совѣтовать, чтобъ люди довольствовались достиженіемъ того, что они сами отлично признаютъ несовершеннымъ, чтобы и теперь, какъ въ былыя времена, обширныя области, страны и цѣлыя поколѣнія людей обогащались или наслаждались продуктами грубаго невѣдѣнія? Я не знаю, насколько это возможно, но знаю, что это необходимо всюду, гдѣ вы желаете имѣть истинное искусство. Невѣдѣніе довольное и грубое произведетъ нѣчто несовершенное, но не обидное. Невѣжество же недовольное и ловкое, изучающее то, что оно не въ силахъ постичь, и подражающее тому, чѣмъ оно не можетъ наслаждаться, порождаетъ наиболѣе отвратительныя формы промышленности, унижающія и извращающія человѣчество. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, просматривая современную галерею мирной деревенской нѣмецкой школы въ Дюсельдорфѣ, я готовъ былъ оставить всѣ ея эпическіе и религіозные рисунки, чтобъ подольше любоваться небольшой картинкой пастушка, вырѣзывающаго свою собаку изъ куска еловаго дерева. Собака сидѣла тутъ же рядомъ съ самодовольнымъ и важнымъ видомъ особы, которая въ первый разъ въ своей жизни будетъ достойнымъ образомъ, наконецъ, увѣковѣчена въ скульптурномъ изображеніи, а ея хозяину, очевидно, казалось, что ему удастся выразить фигуру его друга. Эта маленькая сцена была одна изъ тѣхъ, которыя, какъ вы знаете, должны постоянно встрѣчаться среди деревенскихъ художниковъ, доставляющихъ игрушки на рынокъ Нюрнберга и Берна. Счастливые люди! не смущаемые пока честолюбіемъ, они употребляютъ свое свободное время на работу, которая имѣетъ въ виду только забавлять, но вмѣстѣ съ тѣмъ и способна по-своему выразить довольно совершенную ловкость и живое пониманіе

природы. Мы, въ надеждѣ совершить великія дѣла, окружили нашихъ рабочихъ итальянскими образцами и всевозможными наградами соблазнили ихъ вступить на путь соревнованія въ дѣлѣ подражанія всему лучшему въ произведеніяхъ всеѣхъ народовъ міра или, по крайней мѣрѣ, въ подражаніи тому, что мы считаемъ таковымъ. И въ результатѣ нашего обученія является то, что мы способны производить — я приведу слова изъ моей лекціи, читанной въ прошломъ маѣ мѣсяцѣ, — „наиболѣе совершенно и безусловно ложно сдѣланныя вещи, когда-либо выходившія изъ человѣческихъ рукъ“. Я съ большимъ удовольствіемъ поставилъ бы у себя на каминѣ деревяную собачонку, вырѣзанную пастушкомъ, но охотно пожертвовалъ бы большую сумму, чтобъ только не имѣть въ своей комнатѣ номера перваго Кенсингтонскаго музея, такъ описаннаго въ каталогѣ: „Статуя изъ чернаго и бѣлаго мрамора ньюфаундлендской собаки, стоящей на змѣѣ, покоящейся на мраморной подушкѣ; — пьедесталь украшенъ рельефами фруктовъ Піетра Дура“.

89. Я опасаюсь, однако, что вы вообразите, будто я вдаюсь въ обычные мнѣ парадоксы, если стану увѣрять васъ, что все усилія, какія мы употребляли съ цѣлью окружить себя различными средствами обученія, будутъ имѣть какъ разъ противоположное вліяніе тому, какое мы имѣемъ въ виду, и что въ началѣ мы умѣли дѣлать очень немного, но хорошо, а теперь отличаемся тѣмъ, что умѣемъ дѣлать все, что угодно, но дурно. И такой результатъ не ограничивается только одними нашими мастерами. Заимствованіе французской ловкости и нѣмецкой эрудиціи имѣло вредное вліяніе главнымъ образомъ на нашихъ самыхъ совершенныхъ художниковъ, и на послѣдней выставкѣ Королевской Академіи не нашлось, думается мнѣ, ни одного исключенія изъ того очевиднаго факта, что онѣ извѣстные художники рисовали хуже, чѣмъ лѣтъ десять тому назадъ.

90. Допустивъ, однако (я не думаю, чтобъ вы съ этимъ согласились, но въ видѣ довода, надѣюсь, допустите), что это вѣрно, намъ предстоитъ затѣмъ задать себѣ вопросъ: что можемъ мы сдѣлать, чтобъ избавиться отъ злосчастнаго соперничества и отвлечь нашихъ рабочихъ отъ зрѣлища того, что слишкомъ хорошо, чтобъ быть полезнымъ для нихъ?

Но вопросъ этотъ не изъ тѣхъ, которые могутъ быть опредѣлены нуждами или ограничены условіями искусства. Вести вообще болѣе

скромную и довольную жизнь, извлекать возможно больше удовольствий изъ самыхъ ничтожныхъ вещей; дѣлать то, что, можетъ быть, полезно нашимъ непосредственнымъ сосѣдямъ, кажется ли это намъ плѣнительнымъ или нѣтъ; не притворяться, будто мы восхищаемся тѣмъ, что въ дѣйствительности нисколько не задѣваетъ насъ за сердце; рѣшительно отказаться отъ увеличенія нашего обученія, пока мы не привели въ полный порядокъ и строй то знаніе, какое мы уже приобрѣли—таковы безспорныя условія и законы истинной σοφία или σοφροσύνη, которая приведетъ насъ и къ тонкому искусству, если мы рѣшились имѣть его; но мы вмѣстѣ съ тѣмъ достигнемъ и нѣчто лучшаго: мы сдѣлаемъ грубое искусство драгоценнымъ и достойнымъ высокаго уваженія.

91. Нѣтъ, однако, никакой необходимости въ томъ, чтобы деревенское искусство было грубо, хотя оно и можетъ быть своеобразно. Часто оно такъ же тонко, какъ и изящно, и не менѣе очаровательно, чѣмъ оригинально. И это всегда бываетъ, когда люди, обладающіе тонкимъ артистическимъ темпераментомъ, работаютъ съ уваженіемъ, которое, какъ я старался показать вамъ въ одномъ изъ предыдущихъ писемъ, мы всегда должны питать къ мѣстнымъ условіямъ и обстоятельствамъ.

Я помѣстилъ въ вашихъ образовательныхъ серіяхъ фотографическій снимокъ съ двери деревяннаго дома въ Аббевиллѣ и витой лѣстницы надъ ней; и дверь и лѣстница отличаются такой прелестной скульптурой, что живые виноградные листья, переплетающіе ихъ столбики, нельзя на фотографіи сразу отличить отъ рѣзной деревянной листвы. Последняя вполне хороша и можетъ быть доступна искусству только при правильной его постановкѣ.

Но эта скульптурная школа вмѣстѣ съ тѣмъ и деревенская. Она могла возникнуть только въ лѣсистой странѣ богатой известнякомъ, гдѣ молодыя деревца, окаймляющія ручьи, служили рабочимъ образцомъ сложной кружевной каменной работы, а бѣлыя мѣловыя скалы, возвышающіяся надъ лугами, доставляли удобный матеріалъ для ручной работы.

92. Я, къ сожалѣнію, научился презирать заученную запутанность и игривыя выполненія норманскихъ рисовальщиковъ, и могу только быть доволенъ сдержанной и гордой фантазіей главныхъ классическихъ школъ. Но и величайшее удовольствіе, какое я въ нихъ нахожу, вполне ничтожно сравнительно съ той радостью, ка-

кую я, когда не зналъ ничего лучшаго, испытывалъ при видѣ рѣшетчатыхъ спицовъ Руанай каменныхъ издѣлій часовень Реу и Амбуаза, болѣе похожихъ на бѣлое кружево.

Но при этомъ замѣтите, что первое условіе этой дѣйствительно драгоценной деревенской работы заключается въ томъ, что она представляетъ изъ себя то наилучшее, что можетъ быть сдѣлано при данныхъ обстоятельствахъ, и во-вторыхъ, что, хотя она и деревенская, но тѣмъ не менѣе нисколько не легкомысленна и не эфемерна, а такъ же вполне гражданственна или общественна по своему рисунку и такъ же долговѣчна по манерѣ рисовать, какъ и произведенія наиболѣе ученыхъ академій; и выполненіе ихъ обнаруживаетъ энергію всѣхъ маленькихъ областей, не неизбѣжно соперничающихъ, но своеобразно совершенствующихся въ тѣхъ стиляхъ, въ которыхъ, по самой природѣ своей, ихъ сосѣдки не въ силахъ имъ подражать.

93. Гражданское единство и сознаніе работающаго, что онъ выполняетъ свою роль на великой аренѣ, которая просуществуетъ цѣлыя столѣтія, и въ то же время теперь въ предѣлахъ его города составляетъ частицу его частной жизни, отдѣляющей его отъ всего остального міра, развиваетъ въ немъ одновременно и тотъ долгъ, который онъ сознаетъ, какъ патріотъ, и то удовольствіе, которое онъ испытываетъ, какъ художникъ.

Въ настоящее время мы въ нашихъ деревняхъ строимъ по правиламъ лондонской академіи; и если у нашего деревенскаго художника окажется извѣстная доля оригинальной живости и таланта, то онъ можетъ быть увѣренъ, что употребить ее на то, чтобы создать какую-нибудь смѣшную игрушку. Ничто не кажется мнѣ болѣе трагичнымъ, какъ то, что эти художники, презираемые нами, такъ бесполезно тратятъ свою жизнь. На-дняхъ, гуляя по хрустальному дворцу, я наткнулся на игрушку, сдѣлать которую художникъ могъ, употребивъ на нее все свое свободное время за цѣлыя пять лѣтъ. Вы опускаете пени въ отверстіе ея и немедленно небольшой мѣдный паровозъ, находящійся посрединѣ, приходитъ въ нервно-суетливое движеніе, нѣсколько звонарей начинаютъ дергать за веревки у основанія церковной колокольни безъ крыши; два отряда кавалеріи выступаютъ сбоку и маневрируютъ по срединѣ; и двѣ хорошо одѣтыя особы, помѣщенные въ нѣчто вродѣ ложъ, выражаютъ свое удовольствіе одобрительными аплодисментами.

Въ старомъ Гентѣ или Брюгсѣ или Горкѣ такой человѣкъ, какъ тотъ, который произвелъ эту игрушку, съ товарищами одинаковаго съ нимъ духовнаго настроенія, зналъ бы, какъ употребить свои силы не для меньшей забавы, а для лучшей цѣли. Въ свободные свои часы за пять лѣтъ они бы высѣкли лучезарную корону для колоколни и вставили бы въ нихъ куранты, которые за цѣлыя мили указывали бы время съ пріятнымъ боемъ часовъ и варіаціями для четвертей и которые не стоили бы всѣмъ, проходящимъ мимо какъ по городу такъ и по равнинѣ, и того пенни, который теперь опускается каждымъ въ отверстіе игрушки.

94. Не думайте, что я меньше любого изъ васъ сознаю всю невозможность вернуть въ настоящее время деревенскую простоту нашимъ провинціальнымъ городамъ.

Мое отчаяніе какъ въ этомъ отношеніи, такъ и почти по всѣмъ вопросамъ, которые я считаю необходимыми, по крайней мѣрѣ такъ же велико, какъ и любого изъ моихъ болѣе молодыхъ слушателей, и только болѣе мучительно, такъ какъ я на закатѣ моихъ дней. Но то, что мнѣ слѣдуетъ высказать вамъ относительно неизмѣнныхъ принциповъ природы и искусства, не должно быть подчинено вліянію ни надежды, ни страха. И если мнѣ удастся убѣдить васъ относительно этихъ принциповъ, то вы выведете изъ нихъ много практическихъ послѣдствій, если когда-нибудь, какъ это часто выпадаетъ на долю молодыхъ англичанъ, окажетесь имѣющими власть надъ иноземными племенами съ своеобразными или ограниченными дарованіями.

Будьте увѣрены, что насильно принуждать совершенствоваться ни людей, ни растений вы не въ состояніи. Если когда-нибудь въ руки ваши попадетъ власть и вамъ ввѣрено будетъ опредѣлять способы обученія, опредѣлите прежде всего, что привыкли дѣлать тѣ люди, которыхъ вы намѣрены обучать, и поощряйте ихъ дѣлать это возможно лучше. Не выставляйте передъ ихъ глазами никакихъ другихъ превосходствъ, не нарушайте никакой ихъ почтительности къ прошлому; не думайте, что вы обязаны разсѣять ихъ невѣжество или искоренить ихъ предрасудки; наставляйте ихъ только въ благородствѣ и истинѣ, отучайте ихъ примѣромъ отъ привычекъ, которыя вы считаете нездоровыми или унижительными; но дорожите больше всего мѣстными союзами и наслѣдственными дарованіями.

Проклятіе, такъ называемой, цивилизаціи заключается въ пре-

тензіи на оригинальность; при чемъ добровольно придумываются новые методы заблужденія, которые заглушаютъ всюду, гдѣ могутъ, благородную оригинальность націи, возникающую вследствие чистоты ея расы и любви къ родной странѣ.

95. Я могъ бы сказать еще многое, но думаю, что и сказаннаго достаточно, чтобъ въ данное время оправдать то, что вы безъ этого могли бы счесть страннымъ въ тѣхъ методахъ, которые я буду примѣнять при вашихъ упражненіяхъ въ школахъ рисованія. Я, дѣйствительно, стану излагать вамъ законы искусства, существенно наилучшаго и выставлять передъ вами извѣстное количество его безспорныхъ образцовъ, но ваша дѣйствительная практика ограничится предметами, которые выяснятъ вамъ значеніе и пробудятъ въ васъ пониманіе красотъ искусства вашей родной страны.

Первыя серіи моихъ лекцій по скульптурѣ доказали вамъ, что я не презираю ни работу нашихъ художниковъ, ни миѳологию Греціи; но я долженъ съ еще большей увѣренностью, чѣмъ даже въ моихъ наиболѣе раннихъ произведеніяхъ, подтвердить всю непригодность всѣхъ ихъ стать руководителями англійскихъ студентовъ или художниковъ.

Каждая нація можетъ съ благоразуміемъ или съ успѣхомъ изображать только тѣ реальныя явленія, которыми она восхищается. То, что съ вами и передъ вами ежедневно изъ наиболѣе дорогого для вашего зрѣнія и сердца, то волшебнымъ даромъ вашей руки или вашихъ устъ вы и можете дивнымъ образомъ передавать другимъ; наиболѣе же дорогимъ для вашего зрѣнія и сердца—и безъ чего ничто не можетъ быть истинно ни видимо, ни любимо—можетъ быть только человѣческая жизнь вашего родного народа, понимаемая въ ея прошломъ и въ томъ, что вызываетъ восхищеніе въ настоящемъ.

И если вы прежде всего не стараетесь сдѣлать это прекраснымъ, то идеализмъ вашъ является ложнымъ, а фантазія чудовищной.

Ваше вліяніе на существующій міръ должно въ вашихъ студіяхъ здѣсь быть предметомъ конечнаго вашего наблюденія и, хотя руководить вами въ этомъ вліяніи и не составляетъ моей задачи, тѣмъ не менѣе, я надѣюсь, вы безъ неудовольствія, узнаете, что я не требую отъ вашего художественнаго дарованія никакихъ усилій выше тѣхъ, какія необходимы для рациональнаго содѣйствія всему, что мы можемъ со временемъ видѣть дѣйствительно осуществлен-

нымъ здѣсь въ Англии, какъ въ прелести ея живописныхъ видовъ, такъ и въ доблести ея народа.

Въ связи съ предметомъ настоящей лекціи я могу сообщить вамъ, что получилъ интересное письмо, приглашающее меня содѣйствовать поощренію нѣкоторыхъ улучшеній, предполагаемыхъ для города Оксфорда.

Но такъ какъ все очарованіе и все воспитательное значеніе города Оксфорда, поскольку это воспитательное значеніе зависитъ отъ почтенныхъ союзовъ или отъ видимаго величія и прелести архитектуры, были уничтожены, у насъ на глазахъ промышленными пригородами, громоздящими цѣлыя кучи пепла съ одной стороны и пригородными дешевыми квартирами, наваливающимися тоже кучу черепковъ съ другой, постольку я, какъ любитель древности или художникъ, безусловно равнодушенъ ко всему, что можетъ случиться дальше, кромѣ условій возможно большаго здоровья, чистоты и приличія, могущихъ быть добытыми для все болѣе возрастающаго населенія.

Поскольку чистота и приличіе опираются на искусства и науки или на измѣняющія вліянія университета на толпу современныхъ студентовъ, я отчасти рассмотрю въ связи съ предметомъ моей слѣдующей лекціи, и потому всякія подробности объ этихъ предполагаемыхъ улучшеніяхъ въ городѣ я отложу до слѣдующей моей встрѣчи съ вами.

Л Е К Ц І Я VI.

Отношеніе къ искусству науки о свѣтѣ.

24-го февраля, 1872 года.

96. Я, до полного, можетъ быть, истощенія вашего терпѣнія, но, какъ вы увидите, не безъ дѣйствительной необходимости, опредѣлилъ тотъ способъ, какимъ духовныя настроенія, направляемыя философией въ добрую или злую сторону, ускоряютъ или замедляютъ соотвѣтствующее изученіе науки и искусства.

Въ настоящей и въ двухъ слѣдующихъ лекціяхъ я постараюсь установить для васъ тѣ точныя формы, въ которыхъ достоинства искусства связаны съ принципами точной науки; но пом- Орлиное гнѣздо.

ните, что я говорю не о совершенной наукѣ, образомъ которой является искусство, а только о нашей современной наукѣ, которая зачастую является не болѣе какъ терминологіей и терминологіей даже недостоверной, съ кой-какимъ проблескомъ истинной науки то тутъ, то тамъ.

Я не стану утомлять васъ защитой избранной мною классификаціи наукъ. Конечно, мы можемъ сразу опустить химію и чистую математику. Химія ничего не можетъ дать искусству, развѣ только помочь ему смѣшать цвѣта и сказать, какіе камни противостоятъ непогодѣ, (я желалъ бы въ настоящее время, чтобъ она сдѣлала хоть это); а съ чистой математикой намъ рѣшительно нечего дѣлать и абстрактная форма высшей *mathesis* не можетъ помочь пониманію простоты искусствъ. Для перваго по математикѣ ученика въ Кембриджѣ при современныхъ условіяхъ его испытаній статуи по необходимости являются каменными истуканами, а вся работа фантазіи вполне непонятной. Такимъ образомъ первыми истинными союзниками искусства являются науки о свѣтѣ и формѣ (оптика и геометрія). Если первый слогъ слова геометрія будетъ означать для васъ землю въ формѣ тѣла и глины, то оба слова суммируютъ любую науку о графическомъ искусствѣ или которой графическое искусство можетъ предложить свои заключенія.

97. Сегодня намъ предстоитъ говорить объ оптикѣ, о наукѣ зрѣнія—о той силѣ, какова бы она ни была, которая, употребляя опредѣленіе Платона, „черезъ посредство глазъ проявляетъ намъ цвѣтъ“.

Держитесь этого опредѣленія и помните, что свѣтъ въ точности означаетъ силу, производящую на глаза животныхъ соотвѣтствующее ощущеніе. Изученіе дѣйствія свѣта на азотнокислое серебро есть химія, а не оптика; то, что есть свѣтъ для насъ, можетъ свѣтити и камню, но не есть свѣтъ для камня. Слова при сотвореніи міра „да будетъ свѣтъ“ поэтому въ истинно глубокомъ ихъ смыслѣ означаютъ „да будетъ душа“.

Мы не можемъ сказать, что они означаютъ только „да будетъ глазъ“, такъ какъ воздѣйствіе свѣта на живой организмъ, даже лишенный зрѣнія, не можетъ быть отдѣлено отъ его вліянія на зрѣніе. Растеніе состоитъ изъ двухъ главныхъ частей: изъ корня и листа; листь по самой природѣ своей ищетъ свѣта; корень по самой природѣ своей ищетъ мрака; не тепла или холода,

а свѣта и тѣни, которые для нихъ, какъ и для насъ, являются предназначенными условіями существованія.

98. И вамъ слѣдуетъ тѣмъ болѣе уяснить себѣ, что слова „да будетъ свѣтъ“ въ дѣйствительности значать „да будетъ душа“, что даже сила самаго глаза заключается въ его одушевленіи. Вы видите не хрусталикомъ глаза, а только черезъ него и при помощи его видите душою самого глаза.

99. Одинъ великій фізіологъ сказалъ мнѣ на дняхъ—это было въ пылу разговора и его слова нельзя принимать за строго придуманное утвержденіе, поэтому я и не называю его; тѣмъ не менѣе онъ сказалъ,—что зрѣніе есть явленіе чисто фізіологическое. Эти слова значать, если только они вообще что-нибудь значать, что вся его фізіологія не научила его понимать различія, существующаго между глазомъ и телескопомъ. Зрѣніе есть явленіе безусловно духовное; только такъ можно и должно опредѣлить его; и слова „да будетъ свѣтъ“, при правильномъ ихъ пониманіи, относятся столько же къ уму, какъ и къ зрѣнію. Это опредѣленіе измѣненія того, что является только механическимъ воздѣйствіемъ невидимыхъ предметовъ на невидящія: звѣздъ, не свѣтящихся, на землю, которая не могла ихъ видѣть; измѣненія, говорю я, слѣпота колебанія въ блескъ солнца и мѣсяца для человѣческихъ очей, давая тѣмъ возможность воспріять изъ безпредѣльной истины ту часть ея, которая полезна для насъ, вдохновляетъ насъ и днемъ и ночью руководитъ нашей радостью и горемъ.

100. Солнцу было такимъ образомъ опредѣлено „руководить днемъ“. И за послѣднее время вы узнали, что ему опредѣлено руководить и всѣми остальными предметами, какіе мы только знаемъ. Вы узнали это отъ сиренъ, какъ нѣчто совершенно новое и очень отрадное. Мы, художники, были довольно давно знакомы съ общимъ видомъ солнца, но прежде чѣмъ были художники, были мудрецы—послѣдователи Зороастра и другихъ—подозрѣвавшіе силу, заключающуюся въ солнцѣ; но сирены, появившіяся за послѣднее время, имѣютъ, повидимому, сообщить намъ нѣчто новое объ его могуществѣ, ἐπι χροὶ πούλυβοτείρη. Я почти наугадъ беру отрывокъ изъ недавно вышедшаго научнаго произведенія.

„Какъ явленія скаль, образуемыхъ водой, прямо или косвенно обязаны своимъ существованіемъ энергіи солнца, такъ точно и явленія, переплетающіяся съ жизнью. Это давно уже было признано

различными выдающимися британскими и иностранными физиками; и въ 1854 году профессоръ... въ своемъ извѣстномъ мемуарѣ о палеонтологическомъ методѣ, утверждалъ, что организмы служатъ только проявленіями прикладной физики и химіи“. Профессоръ затѣмъ излагаетъ въ немногихъ словахъ обобщенія физиковъ и, говоря о солнцѣ, замѣчаетъ: „солнце создаетъ весь растительный міръ, а черезъ него и весь животный; полевые лиліи его созданія, какъ и зелень луговъ и скотъ, пасущійся на безчисленныхъ холмахъ. Оно образуетъ мускулы, заставляетъ кровь переливаться въ жилахъ, создаетъ мозгъ. Быстрота его въ бѣгѣ льва, въ прыжкахъ пантеры, въ полетѣ орла, въ извиваніяхъ змѣи. Оно создаетъ лѣса и сваливаетъ ихъ; сила, заставляющая расти деревья и подымающая топоръ, одна и та же“.

Все это совершенно вѣрно и ново только въ одномъ отношеніи, а именно въ признаніи того, что количество солнечной энергіи, необходимой для производства двигательной силы, неизмѣримо, а сумма его неизмѣнна. Все же остальное было отлично извѣстно во времена Гомера, какъ и то, что животныя не могутъ двигаться безъ тепла; и тотъ фактъ, что конечнымъ источникомъ тепла, дающаго имъ возможность двигаться, является солнце, показался бы греческому физиологу не болѣе интереснымъ, чѣмъ греческому поэту не менѣе спорный фактъ, что „Tout ce que se peut dire de beau est dans les dictionnaires; il n'y a que les mots, qui sont transposées“.—Все прекрасное, что можно сказать, заключается въ словаряхъ; дѣло только въ перестановкѣ словъ.

Все это вѣрно, но для ποιητής вся суть вопроса въ этой перестановкѣ. Солнце, какъ это намъ сообщаетъ восторженный физикъ, безспорно проявляется въ „извиваніяхъ скользящей змѣи“, но мы, художники, спрашиваемъ, какъ доходитъ она до примѣненія этого способа (буквально) перестановки или передвиженія?

101. Предпоследнимъ лѣтомъ я гулялъ по лѣсамъ близъ Гисбаха у Бриентскаго озера, и спокойно шелъ, какъ вдругъ наткнулся на небольшую змѣю, стального цвѣта, лежавшую посреди тропинки. Она была сильно удивлена при видѣ меня. Змѣи, однако, всегда умѣютъ отлично управлять своими чувствами и съ четверть минуты она смотрѣла на меня, ни малѣйшимъ образомъ не измѣняя своего положенія; затѣмъ почти незамѣтнымъ движеніемъ она стала прятаться подъ слоемъ листьевъ; нисколько не ускорая сво-

ихъ движеній, она постепенно скрыла все свое тѣло. Я собирався было приподнять одинъ изъ листьевъ, какъ вдругъ увидаль, что проблеснула словно другая змѣя въ чащѣ сбоку дорожки; но это была та же самая, которая, скрывшись отъ взоровъ подъ листьями, употребила затѣмъ всю свою ловкость, чтобъ проскользнуть въ лѣсъ; и сдѣлала она это съ такой поразительной скоростью, что у меня только блеснуло что-то въ глазахъ, когда она скользнула въ кусты.

102. Для меня было вполне безразлично: происходила ли сила, употребленная змѣей при этомъ движеніи, отъ солнца, отъ луны или отъ газоваго завода въ Бернѣ. Интересовало же меня то, что удивило бы и крестьянина и ребенка, а именно рассчитанная мудрость и необыкновенная грація, сила и точность того, съ какимъ это движеніе было выполнено.

103. Я былъ тогда, повторяю, болѣе заинтересованъ ловкостью этого созданія, чѣмъ источникомъ его силы передвиженія. Тѣмъ не менѣе мнѣ очень интересно услышать отъ людей науки, что это движеніе неизбежно происходитъ отъ солнца. Но откуда происходитъ эта хитрость? Нѣтъ ни мудрости, ни хитрости въ прахѣ, какъ нѣтъ въ немъ и тепла. Движеніе змѣи отъ солнца, ну а мудрость змѣи—откуда она?

104. Тоже отъ солнца, вотъ тотъ единственный отвѣтъ, который, я предполагаю, даетъ физика. Это не ложный отвѣтъ, но только до извѣстнаго пункта. Теперь, во цвѣтѣ юности, вы можете испытать значеніе того, когда ваши руки и ноги лишены силы солнца. А когда вы состаритесь, то узнаете, что значить, когда и умъ вашъ лишенъ этой силы. Такая вещь можетъ иногда случиться съ вами и теперь, но всегда будетъ давать себя знать, когда вы достигнете моего возраста. Вы уже не въ силахъ будете обдумывать чего-нибудь полезнаго послѣ двѣнадцати часовъ ночи. Конечно, можно думать, а тѣмъ болѣе говорить, о чемъ-нибудь слишкомъ ничтожномъ или дурномъ даже и за полночь. Члены вашихъ палатъ, какъ извѣстно, дѣлаютъ свое дѣло и при газовомъ освѣщеніи, но надѣюсь, что вы не находите, чтобъ сила солнца была при чемъ-нибудь въ ихъ затѣяхъ?

Говоря вполне серьезно, всѣ жизненныя функціи—а вмѣстѣ съ ними и всѣ чистыя и благотворныя функціи мозга—восходятъ и заходятъ вмѣстѣ съ солнцемъ; ваше пищевареніе и работа вашего

мозга одинаково зависяютъ отъ его лучей; ваша мысль, какъ и ваша кровь, работаютъ подъ вліяніемъ силы солнца со всей научной ихъ неизбѣжностью и точностью. *Sol illuminatio nostra est; sol salus nostra; sol sapientia nostra.* Солнце свѣтъ нашъ; солнце спасеніе наше; солнце мудрость наша.

Заключительнымъ же актомъ и результатомъ самаго низменнаго національнаго атеизма служить то, что, не имѣя возможности отрицать солнца, онъ стремится по крайней мѣрѣ обойтись безъ него; застлать свѣтъ небесный дымомъ и затянуть танцы и засѣданія при свѣчахъ до поздней ночи, пока наконецъ безумецъ, ликуя „не скажетъ въ сердцѣ своемъ, что нѣтъ солнца. „*Dixit insipiens in corde suo, non est sol*“.

105. Хорошо, мы допускаемъ, что извиваніе змѣи и хитрость ея происходятъ отъ солнца. А полетъ голубя и кротость его тоже происходятъ отъ него?

Полетъ—конечно. А чистота? Это новый вопросъ. И что вы скажете объ этомъ? Различіе между дѣйствіемъ и бездѣйствіемъ, смысломъ и бессмысліемъ остается во власти Аполлона; а между злодѣйствомъ и невинностью въ чемъ кроется корень этого различія?

106. Думали ли вы когда-нибудь о томъ, какая глубокая истина заключается въ словахъ: свѣтильникъ для тѣла есть око. Если око твое будетъ худо, то все тѣло твое будетъ темно и т. д. Какъ можетъ око быть худо? И если око худо, то какъ можетъ оно наполнить все тѣло мракомъ?

И что значить „тѣло твое будетъ темно“. Это не можетъ означать простую слѣпоту. Слепой можетъ упасть въ ровъ, если пойдетъ, но сидя дома онъ можетъ чувствовать себя хорошо. Но имѣть худое око не хуже ли-чѣмъ быть... слѣпымъ, это значить быть во мракѣ, имѣть мракъ въ себѣ, мракъ неотвязчивый, совершенный, вѣчный.

107. Чтобъ добраться до смысла этого, мы можемъ въ самомъ дѣлѣ обратиться теперь къ физикѣ и попросить ее помочь намъ. Сколько имѣется различныхъ глазъ? Студенты, занимающіеся физическими науками, могли бы сказать это намъ, художникамъ. Мы имѣемъ только общее, смутное понятіе о внѣшнемъ видѣ и выраженіи глазъ. Пытаясь изобразить безпредѣльно странныя существа, окружающія насъ, мы видимъ то безконечное разнообразіе орудій, какими они обладаютъ; но вы знаете гораздо лучше насъ, какъ

эти орудія устроены и какъ они управляются. Вы знаете, какъ нѣкоторыя приводятъ ихъ въ движеніе въ своихъ впадинахъ, произвольно суживая и расширяя—впадая въ близорукость на грудахъ костей своихъ жертвъ; размахивая ими на своихъ щупальцахъ; разукрасивъ ими свои спины и плечи, или скопивъ бугорками въ углахъ губъ. Но какъ всѣ эти животныя видятъ всѣми этими глазами?

108. Не наше это дѣло, можетъ быть, подумаете вы. Извините меня. Это вопросъ не сирень, и очень касается насъ, если только мы не смотримъ отчасти такъ же, какъ и нѣкоторыя изъ этихъ низшихъ созданій. Сравнительное зрѣніе гораздо важнѣе сравнительной анатоміи. Не бѣда, если мы иногда ходимъ какъ обезьяны и часто даже желательно, чтобъ мы лазили, какъ онѣ; но предположите, что мы видимъ только какъ обезьяны или какъ низшія животныя? Я смѣло могу сказать, что наука объ оптикѣ очень важна для насъ, такъ какъ соотвѣтственно съ этими безконечно странными видоизмѣненіями и разнообразіями орудій зрѣнія, вы имѣете и соотвѣтствующія, не только умственные но и нравственные способности души разныхъ тварей. Буквально, если око чисто, то и тѣло свѣтло; но если свѣтъ тѣла только тьма, то какова же эта тьма!

109. Вематривались ли вы когда-нибудь внимательно въ данный мною вамъ этюдъ головы гремучей змѣи? Змѣя устремляетъ на васъ взоръ въ теченіе цѣлаго часа; вертикальная щель глаза даетъ только такое отраженіе васъ, какое возможно для сѣтчатки гремучей змѣи и соотвѣтственно ея духовному развитію. Но какъ вы думаете, что въ васъ видитъ она. Я прежде всего задаю этотъ вопросъ со стороны чисто физической. Я не знаю, и не мое дѣло знать это. Вы, изучающіе физическія науки, должны мнѣ дать на это отвѣтъ: какое представленіе о человѣкѣ можетъ имѣть змѣя? Какого рода образъ его получается на ея радужной оболочкѣ, черезъ эту безопадную вертикальную щель, черезъ блестящую синеву ея ужасной линзы? Нарисуйте мнѣ картину отраженія чело-вѣка на сѣтчатой оболочкѣ змѣи. И затѣмъ задайте себѣ вопросъ, какого рода размышленія возможны для змѣи относительно этого чело-вѣческаго образа?

110. Или, если подобнаго рода изслѣдованія кажутся вамъ далеко за предѣлами того, что доступно вамъ, то что можете вы сказать

относительно глаза тигра или кошки? Кошка можетъ смотрѣть на короля; да, но можетъ ли она, смотря на короля, видѣть его? Хищныя животныя, по моему мнѣнію, никогда не смотрятъ въ томъ смыслѣ, какъ мы понимаемъ это слово. Ихъ глаза какъ бы прикованы къ любому предмету, какъ глаза кошки къ мячику; они приковываются, ихъ какъ бы неопределимо влечетъ къ ихъ пищѣ. Но когда кошка ласкается къ вамъ, она никогда не смотритъ на васъ. Ея сердце, повидимому, въ ея спинѣ и лапахъ, но не въ ея глазахъ. Она будетъ тереться о васъ или гладить васъ бархатистыми подушечками своихъ лапъ, а не когтями, но вы можете цѣлый часъ говорить съ ней и не уловить ея взора. Поднимитесь выше въ ряду живыхъ существъ — до лани, собаки, лошади, и вы найдете, что ясности взора соотвѣтствуетъ и доброта его, пока наконецъ не дойдете до благородныхъ взоровъ человѣчества, которые черезъ человѣчность глядятъ сердцемъ въ сердце безъ всякаго механическаго видѣнія. И око это свѣтильникъ тѣла, а въ счастливой жизни оно также и свѣтильникъ сердца.

111. Но замѣтите дальше: глазъ обладаетъ и математической силой, которая можетъ значительно превосходить его нравственную силу. Когда нравственная сила слаба, то способность измѣрять, различать можетъ быть громадна, а способность понимать ничтожна. Но я здѣсь опять долженъ прибѣгнуть къ помощи физическихъ наукъ. Я думаю, что у орла нѣтъ чутья и что онъ охотится при помощи зрѣнія, хотя и летаетъ выше любой птицы. Теперь мнѣ нужно знать, какимъ на высотѣ двухъ тысячъ футовъ представляется орлу воробей, ходящій на плетнѣ, или куропатка на полѣ, покрытомъ жнивьемъ? Какимъ образомъ эти сѣроватыя пятнышки на сѣтчатой оболочкѣ даютъ впечатлѣніе чего-то съѣдобнаго? Если на орла куропатка производитъ такое впечатлѣніе, то все, что онъ видитъ, представляется ли ему съ этой точки зрѣнія? И далѣе, скажите мнѣ, видитъ ли онъ только иногда квадратный дворъ и тѣмъ не менѣе въ своемъ полетѣ суммируетъ понятія о квадратныхъ дворахъ тамъ внизу его? Когда вы проѣзжаете въ экспрессѣ со скоростью шестидесяти миль въ часъ мимо луга, то постарайтесь замѣтить кузнечика, и вы составите себѣ нѣкоторое понятіе объ оптической дѣятельности орла, осматри-

вающаго только полосу земли, находящуюся подъ нимъ? Осматриваетъ ли онъ нѣчто и большее?

112. Затѣмъ, кромѣ способности яснаго видѣнія, вамъ нужно еще обратить вниманіе на способность метрическаго видѣнія. Ни орелъ, ни зимородокъ и никакая другая быстро летающая птица не могутъ видѣть предметы обоими глазами въ то же время такъ совершенно, какъ это можете вы и я; но подумайте объ ихъ способности измѣрять пространства и сравните ее съ нашей. Вы найдете, что вамъ потребуется усиліе и навыкъ въ продолженіе цѣлыхъ мѣсяцевъ, прежде чѣмъ вы приобрѣтете способность даже сознательно опредѣлять глазомъ разстоянія; это одинъ изъ тѣхъ пунктовъ, на который я преимущественно долженъ направить вашу работу. И интересно то, что при одинаковой степени практичности вы будете измѣрять глазомъ вѣрно или невѣрно соотвѣтственно степени вашей оживленности. Никто не въ состояніи взглядомъ правильно измѣрить, если онъ утомленъ. Еще наканунѣ, рисуя простую одежду съ рукавами, я уменьшилъ футъ на полдюйма, потому что былъ утомленъ. Но, подумайте, какая участь постигла бы ласточку, если бѣ она, огибая уголь зданія, уменьшила разстояніе въ футъ на полдюйма.

113. Итакъ, первый рядъ вопросовъ, на который намъ нужно получить отвѣтъ отъ науки, называемой оптикой: это вопросъ о дѣйствительныхъ сокращеніяхъ, приспособленіяхъ и всевозможныхъ видоизмѣненіяхъ зрѣнія различныхъ животныхъ, насколько мы можемъ судить объ этомъ по формѣ ихъ глазъ. Затѣмъ, во-вторыхъ, намъ нужно по отношенію къ себѣ уяснить вліяніе чувства цвѣта на здоровье; различіе въ физическихъ условіяхъ, въ силу которыхъ мы жаждемъ яркости или ясности цвѣта; и затѣмъ природу чистоты цвѣта, во-первыхъ, въ видимомъ предметѣ и затѣмъ въ глазѣ, предпочитающемъ ихъ.

* * *

(Опущенная здѣсь часть лекціи относилась къ иллюстраціи грубости и нѣжности цвѣта, при чемъ указывалось на то, что грубые цвѣта, даже когда они кажутся наиболѣе блестящими, являются въ сущности нечистыми и неприятными и уничтожаютъ впечатлѣніе при сопоставленіи; тогда какъ благородные цвѣта, интенсивно свѣтлые и чистые, вполне господствуютъ безъ всякаго

соперничества, и наоборотъ улучшаютъ впечатлѣніе и содѣйствуютъ другъ другу).

114. Вы помните, какъ во вступительномъ курсѣ моихъ лекцій я совѣтовалъ вамъ больше заниматься въ школѣ чистыхъ цвѣтовъ, а не тѣневыхъ.

Со времени этого перваго курса лекцій мое мнѣніе о необходимости изученія этой чистоты прежде всего и о томъ, что чистота и веселіе выше всѣхъ другихъ качествъ, глубоко подтвердилось тѣмъ вліяніемъ, какое нечистый ужасъ и нечестивая меланхолія современной французской школы, — этой буквально школы смерти, приобрѣли надъ публикой. Я сегодня не стану останавливаться надъ этимъ злымъ безуміемъ. И вотъ, съ цѣлью наилучшимъ образомъ противодѣйствовать этому гибельному вліянію, и въ виду другихъ основательныхъ причинъ я и предложилъ вамъ для простой элементарной практики геральдику со всѣмъ ея блескомъ и гордостью, ея яркими цвѣтами и почетностью значенія.

115. Сегодня мнѣ осталось достаточно времени только для того, что запечатлѣть въ вашихъ мысляхъ глубокій законъ этого справедливаго восторга, вызываемаго цвѣтомъ и свѣтомъ.

Въ любое утро въ теченіе цѣлаго года много ли, думаете вы, устъ среди образованныхъ европейцевъ произносятъ набожную мольбу о „свѣтѣ“? Много ли устъ произносятъ, по крайней мѣрѣ это слово съ опредѣленной мыслью? Правда, ораторы употребляютъ это слово, какъ метафору? Но почему ихъ языкъ такъ метафориченъ? Если они разумѣютъ духовное знаніе или руководство, то почему не высказать это ясно и просто вмѣсто того, чтобъ употреблять этотъ фигуральный способъ выраженія. Ни одинъ мальчикъ, нуждаясь въ помощи или въ обученіи, не обратится къ своему отцу съ просьбой о свѣтѣ. Онъ спроситъ у него то, въ чемъ нуждается, т.-е. совѣта или помощи. Почему же мы не просимъ у нашего Отца небеснаго на простомъ англійскомъ языкѣ именно того, что намъ нужно?

Вы скажете, что мы свыклись съ этой метафорой и считаемъ ее прекрасной и необходимой.

Я допускаю это. Въ вашихъ образовательныхъ серіяхъ первымъ образцомъ современнаго искусства является лучшая гравюра, какую я могъ найти, съ картины, которая, основанная на идеѣ о томъ, что Христосъ есть даятель свѣта, содержитъ въ себѣ, по

моему мнѣнію, наиболѣе истинное и полезное религиозное видѣніе, когда-либо воплощенное реалистическимъ искусствомъ. Но почему, повторяю, эта метафора такъ необходима и есть ли это вообще метафора? Думаете ли вы, что слова „свѣтъ міра“ означаютъ только „учитель или руководитель міра“? Когда возвѣщается, что солнце правды взойдетъ, неся избавленіе на крыльяхъ своихъ, предполагаете ли вы, что этотъ образъ значить только исправленіе заблужденій. Да и значить ли онъ для васъ даже это? Свѣтъ небесный необходимъ для того, чтобъ выполнить это въ совершенствѣ. Но мы молимъ о свѣтѣ міра, о свѣтѣ, просвѣщающемъ всякаго человѣка, грядущаго въ міръ.

116. Вы найдете, что это не метафора и никогда ею не было.

Для персовъ, для грековъ и для христіанъ значеніе силы Бога свѣта было одно и то же. Сила эта не только въ наставленіи или защитѣ, но въ усиленіи чистоты тѣла и правды или справедливости сердца; и это, замѣтите, не чистоты на небѣ и не справедливости при концѣ міра, а здѣсь и теперь, дѣйствительной чистоты въ мірѣ полномъ разложенія и практической справедливости въ мірѣ, погрязшемъ въ несправедливости. И физическая мощь органа зрѣнія, физическая чистота тѣла и дѣйствительная любовь радостнаго свѣта и чистаго цвѣта являются неизбѣжными реальными очевидными признаками того, что въ любой націи, какъ и въ любомъ домѣ, больше „свѣта, просвѣщающаго cadaго человѣка, грядущаго въ міръ“.

117. Физическая чистота;— дѣйствительная любовь радостнаго свѣта и прекраснаго цвѣта. Это одинъ явный и вполне необходимый признакъ того, что мы имѣемъ то, о чемъ мы думаемъ, о чемъ молимъ каждое утро. Это, какъ вы видите, выражено въ борьбѣ Аполлона съ Тифономъ, вашего св. Георгія съ дракономъ. Изображеніе этой борьбы отчеканено на каждой золотой монетѣ, находящейся въ вашемъ карманѣ, но думаете ли вы, что эти золотыя монеты въ данную минуту помогаютъ св. Георгу въ его борьбѣ? Нѣкогда на вашихъ золотыхъ монетахъ во времена Генриховъ изображенъ былъ св. Михаилъ и драконъ, а монеты назывались не соверенами, а „ангелами“. Но много ли онѣ совершили за послѣднее время ангельскихъ дѣлъ въ дѣлѣ очищенія земли?

118. „Очищенія“ въ буквальномъ смыслѣ, т.-е. сдѣлавъ ее менѣе засоренной и болѣе чистой. Это первое священное искусство, ко-

тому должны научиться все люди. И в заключение моей лекции я имѣю сказать очень немногое относительно предполагаемыхъ преобразованій въ Оксфордѣ. Оксфордъ дѣйствительно можно сильно улучшить, но только уничтоживъ большую часть того, что было сдѣлано для него за послѣднія двадцать лѣтъ; и въ настоящее время я всемъ благожелательнымъ людямъ сказалъ бы только одно: „Изъ любви къ небу—да, буквально изъ любви къ небу—оставьте это мѣсто въ покоѣ и очистите его“. Я на прошлой недѣлѣ отправился къ Иффле (Iffley), гдѣ не былъ уже цѣлыхъ тридцать лѣтъ. Я не узналъ церковь внутри; она оказалась черна какъ смоль, съ раскрашенными стеклами самаго варварскаго производства, а старушка, показывавшая мнѣ церковь, ужасно гордилась, впуская меня не въ боковую, а въ лицевую главную дверь. Вблизи же этой кирки, въ какихъ-нибудь двадцати саженьяхъ внизъ у холма находится небольшой источникъ, который долженъ бытъ бы священнымъ; въ своемъ уединеніи съ очаровательнымъ плющемъ и густой травой, осѣняющими его, онъ былъ бы прекрасенъ, если бы о немъ заботились по-человѣчески. Но теперь онъ такъ переполненъ лягушками, что нельзя зачерпнуть изъ него чашку, не изловивъ хотя бы одну.

Какой толкъ въ красиво разрисованныхъ окнахъ вашихъ церквей, если вы послѣднихъ вы имѣете одну изъ казней египетскихъ?

119. Я возвращался обратно изъ Иффле въ Оксфордъ по дорогѣ которая нѣкогда была лучшей изъ всехъ вѣздъ въ европейскій университетскій городъ. Теперь это пустыня мрачныхъ и низкихъ построекъ. Вы находите эффектнымъ входить въ кирку Иффлея черезъ парадную дверь и вы строите дешевыя гостиницы вдоль всего вѣзда къ главному англійскому университету словесности. Это, поистинѣ, вашъ блестящій переходъ и портикъ Полигната, ведущій къ вашему храму Аполлона. А въ центрѣ этого храма, у самаго основанія собора Радклиффа, между двумя главными колледжами виднѣтся тропинка, по которой я съ полчаса тому назадъ шелъ отъ моего колледжа сюда—Brasen-nose Lane — и которая находится въ положеніи столь же отвратительномъ, какъ и заднія улицы Остъ-Энда въ Лондонѣ.

120. Это по моему мнѣнію признаки все распространяющагося либерализма и все увеличивающихся выгодъ современнаго образованія.

Господа, недавно одинъ изъ выдающихся членовъ вашего прави-

тельства высказалъ ту мысль, что задача университета заключается только въ наблюдении, и онъ можетъ дѣйствительно наблюдать всю чернь Англiи (въ самой грязной обстановкѣ), находясь въ кучѣ навоза, но онъ не можетъ учить благородныхъ англичанъ, находясь въ кучѣ навоза, не можетъ учить даже англійскiй народъ. Сколькихъ изъ этого народа онъ долженъ учить—это вопросъ. Мы въ наши дни думаемъ, что наша философія должна просвѣщать каждаго человѣка, грядущаго въ міръ, и просвѣщать всѣхъ людей одинаково. Отлично, если вы дѣйствительно откажетесь на этомъ островѣ отъ всякой другой торговли и, какъ въ Беконовской Новой Атлантидѣ, станете только покупать и продавать для прiобрѣтенiя перваго творенiя Божьяго, которымъ былъ свѣтъ, то въ обладанiи имъ можетъ дѣйствительно для всѣхъ быть равенство выгоды. Но до тѣхъ поръ—а мы еще очень далеки отъ такого времени—свѣтъ не можетъ быть одинаково доступенъ всѣмъ. Мало того, мы можемъ даже задать себѣ вопросъ: этотъ свѣтъ вмѣсто того, чтобъ равномерно или одинаково распредѣляться между всѣми, не отнимается ли одинаково у всѣхъ насъ: изъ цѣлей, преслѣдуемыхъ нашей политикой и даже изъ плана нашего воспитанiя, не упраздняются ли идеи о чистотѣ и справедливости — о чистотѣ, которая должна освятить нашъ міръ, и о справедливости, которая должна освятить нашу борьбу.

Жажда уединенiя, размышленiя, воздержанiя и исправленiя и пользованiя ими—развѣ не становятся чужды намъ среди сумятицы мірскихъ интересовъ и безустанныхъ тревоженiй пустыхъ надеждъ и еще болѣе пустыхъ опасенiй? Какого свѣта, какого здоровья, какого мира или какой безопасности являетесь вы, юноши Англiи, искать здѣсь теперь? Въ какомъ смыслѣ и съ какой искренностью примѣняете вы къ себѣ древнюю надпись на вашихъ школахъ: *Dominus illuminatio mea et salus mea; quem timebo?*

121. Припомните, что древняя идея, послужившая основой этого университета — не идея какого-нибудь одного основателя, и даже не совокушности вывода изъ мудрости многихъ, а какъ безмолвное чувство, соединявшее и завершавшее дѣло и надежду всѣхъ, — состояла въ томъ, чтобъ Англiя собрала изъ числа своихъ дѣтей извѣстное количество наиболѣе чистыхъ и лучшихъ съ тѣмъ, чтобъ помочь имъ, когда они войдутъ въ силу мужества, стать ея наставниками и образцами въ дѣлѣ религіи, ея провоз-

вѣстниками и исполнителями справедливости въ дѣлѣ суда, и ея руководителями въ дѣлѣ борьбы. Воспитанные, можетъ быть, родителями или въ безумной бѣдности или въ традиціяхъ и дисциплинѣ наиболѣе знаменитыхъ семей—но во всякомъ случаѣ отъ самаго дѣтства видѣлявшіеся для славнаго призванія—они являлись сюда, чтобъ воспламениться тѣми огнями, которые должны загорѣться на холмахъ Англіи, и, воспламенившись, засіяты дивнымъ свѣтомъ набожности, справедливости и храбрости. Какое извращеніе ни омрачало, какая суета міра сего ни заглушала, какой грѣхъ ни осквернялъ ихъ усилія, тѣмъ не менѣе идея о такомъ значеніи университета оставалась непоколебимой и выполнялась съ такой непреклонной вѣрностью, что вы, теперь живущіе, обязаны людямъ, страсти которыхъ умѣрялись и сердца закалялись въ тишинѣ этихъ священныхъ мѣстъ—обязаны, говорю, за всю ту надежду, которая осталась вамъ на небѣ, и за всю ту безопасность и честь, которымъ вы можете ввѣриться и которыя вы можете защищать здѣсь на землѣ.

Ихъ дѣти лишились,—нѣкоторыя по своей винѣ, многія по своему безумію, — унаслѣдованнаго ими руководительства; и каждому человѣку въ Англіи предстоить теперь самому уяснить себѣ и дѣлать то, что справедливо въ его собственныхъ глазахъ. Поэтому намъ тѣмъ болѣе нужно прежде всего изучить значеніе, глазъ и то, какимъ зрѣніемъ они должны обладать; изучить зрѣніе, дарованное только чистотѣ душевной, но которымъ во всей полнотѣ обладаютъ даже смертныя очи; и хотя послѣ оболочки черви могутъ источить и ихъ матеріальный остовъ, тѣмъ не менѣе блаженны чистые сердцемъ, такъ какъ они еще и во плоти узрять свѣтъ небесный и познають волю Бога.

ЛЕКЦІЯ VII.

Отношеніе искусства къ наукамъ о неорганической формѣ.

февраля 29-го 1872 года.

122. Въ предыдущей лекціи, направивъ ваше вниманіе на спеціальное значеніе нѣкоторыхъ выставленныхъ мною принциповъ, я не хотѣлъ утруждать васъ дальнѣйшими общими заключеніями. Но необходимо повторить сущность того, что я старался выяснитъ

вамъ относительно органовъ зрѣнія, а именно, что, соотвѣтственно физическому совершенству или ясности ихъ, находится и степень, въ какой они восходятъ отъ воспріятія добычи до воспріятія красоты и духовныхъ свойствъ. Несовершенный и животный органъ зрѣнія можетъ быть оживленъ злобой, дикъ отъ голода, или сосредоточенъ на разнообразныхъ высматриваніяхъ, микроскопическимъ преувеличеніемъ, содѣйствуя искусству насѣкомыхъ, и представляя все ихъ окружающее во множественномъ и постоянно чудовищномъ видѣ; но благородный человѣческій взоръ, чуждый высматриванію добычи, презирая мелочность и не отражая злобы, становится яснымъ въ благородствѣ, гордымъ въ почтительности и радостнымъ въ любви. И, наконецъ, физическое великолѣпіе свѣта и цвѣта является отнюдь не воспріятіемъ механической силы механическимъ орудіемъ, а вполне духовнымъ явленіемъ, абсолютно соотвѣтствующимъ чистотѣ нравственной природы и силы ея природныхъ и мудрыхъ влеченій.

123. Таковъ итогъ того, что я желалъ показать вамъ въ моей послѣдней лекціи; и замѣтите, что я отнюдь не позволяю себѣ смущать васъ тѣмъ, что для меня еще остается нерѣшеннымъ въ этихъ вопросахъ. Только то, что я знаю и что каждый изъ васъ можетъ подтвердить опытомъ, я, насколько могу, и высказываю и иллюстрирую въ данную минуту. Опыты въ искусствѣ производить не легко и на это требуются годы; они могутъ вначалѣ не удаваться вамъ, какъ часто не удаются химическіе анализы; но во всѣхъ вопросахъ, на которые я здѣсь буду особенно обращать ваше вниманіе, я ручаюсь за конечные результаты.

Высказавъ вамъ, такимъ образомъ, всю сущность относительно методовъ зрѣнія, мнѣ остается затѣмъ увѣрить васъ въ томъ, что эта способность зрѣнія, дисциплинированная и чистая, является единственной способностью, которую художникъ-живописецъ долженъ примѣнять при своихъ изслѣдованіяхъ природы. Его задача показать, каковъ внѣшній видъ послѣдней; его обязанность знать это. Онъ совсѣмъ не обязанъ знать больше этого о причинахъ явленій и о сущности того, чѣмъ они вызываются, хотя иногда это можетъ послужить къ его удобству и всегда къ его гибели.

124. Въ силу вышесказаннаго мнѣ приходится снова ограничить мое примѣненіе слова наука по отношенію къ искусству. Я уже говорилъ вамъ, что подъ наукой я разумю не знаніе, напримѣръ, того, что треугольники съ равными основаніями, заключенными ме-

жду параллельными линиями, равны между собой, а знаніе того, что звѣзды въ созвѣздіи Кассіопы имѣютъ форму буквы w. Далѣе, для художника знаніе вообще того, что существуютъ звѣзды, совсѣмъ не можетъ считаться наукой. Онъ долженъ только знать, что имѣются свѣтящіяся точки, переливающіяся и сіяющія извѣстнымъ образомъ, точки блѣдно-желтыя или темно-желтыя, о которыхъ на извѣстномъ разстояніи даютъ довольно точное понятіе гвозди съ шляпками изъ желтой мѣди. Это онъ обязанъ знать и точно помнить, и его художественное знаніе, т. е. наука,—отраженіемъ которой и является его искусство—и состоитъ изъ суммы подобнаго рода знаній; его память должна запечатлѣть видъ солнца и луны въ такое - то и такое время, сквозь такія-то и такія облака; запечатлѣть видъ горъ, рѣкъ, морей, человѣческихъ лицъ.

125. Можетъ быть, вы совсѣмъ не назовете это наукой. „Но суть не въ томъ, дадите ли вы или дамъ ли я такому знанію это названіе или нѣтъ, оно все-таки остается наукой извѣстнаго рода фактовъ. Два года тому назадъ, смотря при закатѣ солнца изъ Вероны, я увидѣлъ, что горы по ту сторону Лаго ди Гарда окрашены въ странный синій цвѣтъ, яркій и роскошный, какъ у дамасской сливы. Я никогда до этого времени и никогда послѣ того не видѣлъ ни одной горы, такъ окрашенной. Моя наука, какъ художника, состоитъ въ томъ, чтобы отличать этого рода синій цвѣтъ отъ всякаго другого, и я долженъ запечатлѣть въ моей памяти тотъ фактъ, что этотъ своеобразный синій цвѣтъ ассоціируется съ окраской сосѣднихъ полей въ опредѣленный, а не иной, зеленый цвѣтъ. Мнѣ рѣшительно нѣтъ дѣла до атмосферическихъ причинъ этого цвѣта горъ,—такое знаніе только бесполезно обременяло бы мои мозги и отвлекало бы мое художественное вниманіе и мою энергію отъ главнаго пункта. Или возьмемте еще болѣе простой примѣръ: Тернеръ въ молодости былъ иногда добродушенъ и показывалъ публикѣ то, надъ чѣмъ онъ работалъ. Однажды онъ рисовалъ Плимутскую гавань и нѣсколько освѣщенныхъ солнцемъ кораблей, стоявшихъ на разстояніи одной или двухъ миль. Когда онъ показывалъ этотъ рисунокъ морскому офицеру, послѣдній, разсмотрѣвъ, замѣтилъ съ очень понятнымъ негодованіемъ, что у линейныхъ кораблей нѣтъ пушечныхъ портовъ. „Нѣтъ, отвѣтилъ Тернеръ, конечно, нѣтъ. Если вы отправитесь къ Моунтъ-Еджкемъ и станете смотрѣть на корабли противъ заката, то убѣдитесь, что пушечные порты не видны“. — „Но,

возразилъ негодующій морской офицеръ, вѣдь вы знаете, что они имѣются“. — „Да, я хорошо знаю это, сказалъ Тернеръ, но я обязанъ рисовать не то, что знаю, а только то, что вижу“.

126. Таковъ законъ каждаго тонкаго художественнаго произведенія; и мало того, въ общемъ даже опасно и нежелательно, чтобъ вы знали, что тамъ есть. Если вы, дѣйствительно, такъ прекрасно дисциплинировали ваше зрѣніе, что оно не подчиняется предразсудку; если вы увѣрены, что никакое ваше знаніе того, что тамъ есть, не скажется и что вы можете отражать корабль такъ же просто, какъ и море, хотя бы и знали его, какъ морякъ—въ такомъ случаѣ вы можете позволить себѣ удовольствіе изучить каковы въ дѣйствительности корабли, или звѣзды и горы, и такое знаніе даже иногда предохранитъ васъ отъ ошибки; но заурядныя силы воспріятій человѣка почти навѣрное будутъ нарушены знаніемъ реальной природы того, что онъ рисуетъ; и пока вы неполнѣ увѣрены въ вашей безукоризненной вѣрности наружному виду предметовъ, до тѣхъ поръ, чѣмъ меньше вы знаете, каковы они въ дѣйствительности, тѣмъ лучше для васъ.

127. Искусство именно въ этой своей пассивной и наивной простотѣ становится не только наиболѣе величественно какъ искусство, но и наиболѣе полезно для науки. Если бъ оно знало, что-нибудь изъ того, что оно изображаетъ, то оно предпочтительно проявляло бы это частичное знаніе и упускало бы изъ виду все внѣ его. Два художника рисуютъ одну и ту же гору; одинъ изъ нихъ, къ несчастію, приобрѣлъ интересныя свѣдѣнія о томъ, какіе слѣды оставляютъ скатывающіеся глетчеры; а другой познакомился съ теоріей образованія трещинъ. Первый избороздитъ всю свою картину слѣдами скатывающихся глетчеровъ, второй нарисуетъ ее всю въ трещинахъ; и оба рисунка будутъ одинаково бесполезны для цѣлей честной науки.

128. Тѣ изъ васъ, которые случайно знакомы съ моими сочиненіями, вѣроятно, не мало удивятся, услышавъ отъ меня то, что я теперь высказываю; такъ какъ изъ всѣхъ пишущихъ объ искусствѣ, я думаю, нѣтъ ни одного, такъ часто апеллирующаго къ физическимъ наукамъ. Но, замѣтите, я апеллирую къ нимъ, какъ критикъ, а не какъ учитель искусства. Тернеръ далъ такія изображенія горъ и облаковъ, какія публика сочла несуществующими. Я же, наоборотъ, утверждалъ, что это единственно правдивыя Орлиное гнѣздо.

изображенія горъ и облаковъ, какія мы до сихъ поръ имѣемъ, и, насколько могъ, доказалъ это, подвергнувъ ихъ тщательной провѣркѣ физическихъ наукъ; но Тернеръ правильно изобразилъ свои горы задолго до того времени, когда ихъ строеніе стало извѣстно кому - либо изъ геологовъ Европы; а его вполне вѣрныя изображенія строенія облаковъ ни одинъ метеорологъ Европы не въ состояніи еще намъ объяснить по сіе время.

129. Да, я дѣйствительно принужденъ былъ прервать моихъ „Современныхъ Живописцевъ“, въ далеко незаконченномъ видѣ, и они являются простымъ очеркомъ благихъ намѣреній въ дѣлѣ анализа формъ облаковъ и волнъ, за недостаткомъ тѣхъ научныхъ данныхъ, на которыя я могъ бы сослаться. Подумайте хоть немного о томъ, какъ безъ малѣйшей помощи науки и безъ малѣйшаго звука, сорвавшася съ ея устъ, безусловно все сдѣлано въ искусствѣ для изображенія наиболѣе обычныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе спектральныхъ формъ облаковъ, — вполне неорганическихъ, но, по духовному велѣнію, дивныхъ въ добротѣ и грозныхъ въ гнѣвѣ — сдѣлано, для изображенія всего, начиная съ волнующейся ихъ синевы и бѣлизны, передавшихъ геральдикѣ ея облачный видъ, вплоть до законченныхъ и обманчивыхъ небесъ Тёрнера. *)

130. За дождемъ, наводнившимъ наши поля въ предпрішлое воскресенье, наступили, какъ вы, вѣроятно, помните, ясные дни и изъ нихъ вторникъ 20-го отличался особенно блестящей погодой послѣ полудня, при чемъ по небу неслись несмѣтные густыя хлопья бѣлыхъ облаковъ. За послѣднее время такъ сильно дулъ мрачный восточный вѣтеръ, такъ много было тумана и всякаго искусственнаго мрака, что мнѣ кажется, будто прошло около двухъ лѣтъ, съ тѣхъ поръ, какъ я до этого дня видѣлъ благородныя густыя облака при полномъ освѣщеніи. Мнѣ случилось въ этотъ день быть

*) Радуга Рубенса, на выставкѣ въ этомъ году, была мрачно синія, и болѣе темная, чѣмъ небо той части картины, которая освѣщена со стороны радуги. Рубенса нельзя осуждать за незнаніе оптики, но можно поставить ему въ вину то, что онъ никогда даже тщательно не взглянулъ въ радугу; и я не думаю, чтобы мой другъ Альбертъ Хентъ, эту радугу котораго на прошлогодней выставкѣ общества акварелистовъ не имѣлъ, насколько я знаю, соперниковъ въ живости и правдивости, чтобы Альбертъ Хентъ, говорю я, научился рисовать, изучая оптику.

у башни Викторіи въ Вестминстерѣ, когда самая густая масса ихъ пронеслась съ сѣверо-запада; и я болѣе чѣмъ когда либо былъ пораженъ благоговѣніемъ передъ формой облаковъ и ихъ загадочностью при современномъ состояніи нашего знанія. Башня Викторіи сравнительно съ этими облаками не имѣла никакого величія; это было то же, что смотрѣть на Монъ-Бланъ поверхъ фонарнаго столба; ихъ неровные хребты были сѣры и тверды, какъ скалы, и вся эта гора, ширь и высота которой на небѣ становились все болѣе и болѣе непостижимой, чѣмъ болѣе глазъ старался охватить ее, пронеслась за башней съ непреклонной быстротой, скорость которой была въ дѣйствительности скоростью бури; а между тѣмъ вдоль всѣхъ воздушныхъ этихъ лощинъ бездна мѣрно слѣдовала за бездной и ни одна не тѣснила другую.

131. Что заставляетъ ихъ пробивать себѣ дорогу? Почему голубое небо чисто тамъ и застлано облаками здѣсь? Почему оно испещрено, какъ мраморъ, и почему область голубого неба переходить въ область облаковъ въ этомъ спокойномъ ихъ шествіи?

Правда, что вы можете болѣе или менѣе подражать формамъ облаковъ при помощи дыма отъ взрывчатыхъ веществъ или при помощи пара; но паръ осѣдаетъ мгновенно, а дымъ отъ взрывчатыхъ веществъ разсѣивается, облако же въ его дивной формѣ плыветъ, не измѣняясь. Это не взрывъ, а нѣчто неизмѣнное въ своемъ шествіи. И чѣмъ больше вы думаете объ этомъ, тѣмъ необъяснимѣе оно становится для васъ.

132. Въ томъ, что это остается необъяснимымъ въ воздухѣ, неудивительно, такъ какъ и болѣе простыя зрѣлища необъяснены еще на землѣ, которую мы попираемъ ногами, и на водѣ, которую мы пьемъ и которой умываемся. Рѣдко проходитъ день безъ того, чтобъ мы не получили нѣкотораго удовольствія отъ волнъ мрамора. Можете ли объяснить, какъ образовались эти волны въ камнѣ? Конечно, не проходитъ дня безъ того, чтобъ вы не мыли рукъ. Можете ли вы объяснить форму расположенія мыльныхъ пузырей?

133. Чтобъ сразу выяснитъ то, къ чему я желалъ прійти, я позволилъ себѣ, нарушить послѣдовательность въ изложеніи предмета моихъ лекцій, и потому долженъ нѣсколько вернуться назадъ.

Изъ цѣлей чисто графическихъ мы говоримъ, что если глазъ художника изощренъ и вѣренъ, то чѣмъ меньше пунктовъ знанія онъ

имѣть въ головѣ, тѣмъ лучше. Но для цѣлей *болѣе*, чѣмъ графическихъ, художникъ, чтобъ относиться къ предметамъ, какъ ему слѣдуетъ, долженъ кое-что знать о нихъ, и если онъ вполне увѣренъ, что можетъ приобрести знанія объ этихъ предметахъ, не допустивъ себя стать нескромнымъ и узкимъ въ дѣлѣ наблюденія, то очень желательно, чтобъ онъ ознакомился немного съ азбукой строенія—насколько это можетъ оживить и подтвердить его наблюдательность, но не исказить ее. Осторожно, и принимая какъ опасное снисхожденіе, онъ можетъ, на примѣръ, рискнуть изучить настолько астрономію, чтобъ не изображать ложно, верхъ ногами, новолуніе; настолько ознакомиться съ ботаникой, чтобъ не впадать въ ту ошибку, которую, я къ сожалѣнію долженъ признаться, дѣлалъ нерѣдко Тернеръ, смѣшивая шотландскую пихту съ сосной.

Онъ можетъ настолько узнать геологію, чтобъ изъ двухъ одинаково живописныхъ видовъ предпочесть тотъ, который скорѣй иллюстрируетъ, чѣмъ скрываетъ строеніе скалы, и, можетъ быть, разъ или два въ жизни художникъ, рисующій портреты, можетъ довольно выгодно для себя замѣтить, какъ черепъ не похожъ на лицо. А вамъ, которымъ предстоитъ воспользоваться вашимъ умѣніемъ рисовать, какъ однимъ изъ элементовъ общаго образованія, желательно, чтобъ физическія науки помогали достигать той правды, которую дѣйствительный художникъ схватываетъ практическимъ упражненіемъ глаза.

134. Съ этой цѣлью я обращусь къ вашимъ учителямъ науки, чтобъ они въ свободное время дали вамъ простыя и вполне понятныя свѣдѣнія о строеніи тѣхъ предметовъ, которые намъ придется постоянно рисовать. Такія научныя свѣдѣнія не только помогутъ намъ рисовать ихъ, но придадутъ гораздо больше цѣнности рисункамъ.

Я, на примѣръ, упомянулъ, что никто, по крайней мѣрѣ, ни одинъ живописецъ, не можетъ въ настоящее время объяснить строеніе пузыря. Знаніе строенія его не поможетъ вамъ нарисовать мыльную пѣну, но заставитъ васъ съ большимъ интересомъ смотрѣть на нее.

Я не въ состояніи слѣдить за успѣхами современной науки и, можетъ быть, ошибаюсь, думая, что строеніе пузыря остается до сихъ поръ необъясненнымъ. Но мнѣ не случалось еще встрѣчать свѣдѣній о тѣхъ силахъ, которыя при сотрясеніи размѣщаютъ ча-

стицы жидкости такъ, что онѣ образуютъ шарообразную оболочку; хотя по тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя я имѣю о сцѣпленіи, тяготѣніи и о свойствахъ атмосферы, я могу дѣлать нѣкоторыя попытки и составить себѣ понятіе о той дѣятельности, какая происходитъ при образованіи одного пузыря. Но какъ одинъ пузырь поглощаетъ другой, не заставляя его лопнуть, или какіе способы растяжимости готовятъ измѣненіе формы и мгновенно устанавливаютъ ее—этого я рѣшительно не въ состояніи понять.

Вотъ, думается мнѣ, одно изъ самыхъ обычныхъ явленій, которое до извѣстной степени наука можетъ любезно объяснить вамъ. Растяженіе оболочки при подготовленіи къ измѣненію формы; рѣшеніе болѣе мелкаго пузыря отдаться большему; мгновенное принятіе новой формы и прилаживаніе прямоугольныхъ линій пересѣченія въ дивные своды—все это я желалъ бы, чтобы было вамъ объяснено такъ, чтобы мы, если и не въ силахъ все это понять въ совокупности, то по крайней мѣрѣ знали бы въ точности, что можемъ и чего не можемъ объяснить себѣ.

135. А вслѣдъ за законами образованія пузыря мнѣ нужно въ простыхъ словахъ ознакомиться съ законами образованія бутылки. А именно, узнать законы ея сопротивленія излому извнѣ и внутри при ударѣ и взрывѣ, о должныхъ отношеніяхъ формы къ толщинѣ матеріала; что, если перенести задачу на общую псчву, значить опредѣлить, какъ изъ даннаго количества матеріала сдѣлать наиболѣе прочную бутылку при извѣстныхъ ограниченіяхъ относительно формы. Напримѣръ, вамъ дано такое-то количество стекла; ваша бутылка должна вмѣщать въ себѣ штофъ, имѣть дно плоское, и такое узкое и длинное горлышко, чтобы вы могли свободно держать его въ рукѣ. Какова будетъ ея лучшая конечная форма?

136. Вѣроятно, если бѣ вы не считали это невѣжливимъ, то разсмѣялись бы надо мной; и во всякомъ случаѣ думаете про себя, что этого рода задачи не требуютъ никакихъ научныхъ изслѣдованій, такъ какъ давно уже разрѣшены практически властнымъ человѣческимъ желаніемъ сохранить бутылочный портеръ. Но, милостивые государи, думая это, вы какъ разъ чувствуете и признаете для данной области справедливость того, что я высказываю вообще. Любое научное изслѣдованіе, въ этомъ именно смыслѣ, вполне бесполезно для опытнаго знатока любого искусства. Для человѣка, умѣющаго выдувать мыльные пузыри и предметы изъ

стекла—бутылки, горшки,—ваша наука не имѣетъ никакого значенія, если онъ ловкій работникъ, и можно себѣ вообразить, какъ бѣсенята искусства всегда побѣдоносно и съ презрѣніемъ выглядываютъ изъ удачно сдѣланной бутылки на тщетный анализъ центрофугальнаго импульса и раздувающего дыханія.

137. Тѣмъ не менѣе, при современной сбивчивости чувствъ и мнѣній относительно красоты формы, желательно, чтобъ эти два вопроса были разобраны болѣе тщательно. Они, замѣтите, сводятся къ слѣдующему. Цвѣтные сегменты шара, составляющіе форму, являются частицами сферическихъ сводовъ, составленныхъ изъ жидкихъ частицъ. Вы не можете имѣть принципа сферическаго свода въ болѣе абстрактныхъ выраженіяхъ.

Затѣмъ, считая арку за отрѣзокъ свода, большая часть готическихъ аркъ могутъ разсматриваться за пересѣченія двухъ сферическихъ сводовъ.

Простое готическое листовидное украшеніе является просто тройнымъ, четвернымъ или разнообразнымъ и многократнымъ повтореніемъ такихъ пересѣченій.

А красота (и тщательно замѣтите это), красота готическихъ арокъ и ихъ листовидныхъ украшеній всегда, заключаетъ въ себѣ указаніе на прочность ихъ строенія, но только какъ самоподдерживающихся, а не какъ поддерживающихъ тяжесть лежащую сверху. Тутъ въ самомъ буквальномъ смыслѣ „и у земли есть пузыри, какъ и у воды—и эти отъ нихъ“.

138. Что, думаете вы, заставило Микель Анджело, оглядываясь на соборъ Санта Маріи Дельфіоре, сказать: „такого, какъ ты, я уже не построю, а лучшаго, чѣмъ ты, не могу“! Для васъ и для меня нѣтъ ничего въ этомъ соборѣ, что выдѣляло бы его изъ сотенъ подобныхъ ему.

Кто изъ васъ, бывшихъ во Флоренці, можетъ по совѣсти сказать, что замѣтилъ въ немъ нѣчто дивное? Но Микель Анджело зналъ точное отношеніе толщины къ вѣсу и изгибу, дающее возможность этому собору непоколебимо возвышаться, словно алмазная гора, хотя глиняная оболочка его столь же тонка, по отношенію къ общей массѣ, какъ скорлупа къ массѣ морской раковины. И соборъ нѣжный, но безстрашный возносился надъ массивными военными башнями города. „Да, лучшаго, чѣмъ ты, я не могу“.

139. Затѣмъ подумайте о дальнѣйшихъ производствахъ, являю-

щихся развѣтвленіемъ бутылки, и о ея необходимой спутницѣ—чашѣ. Вотъ передъ вами этуѡ чаша всѣхъ чашъ, настоящаго греческаго *κάνθαρος*, находящагося всегда въ рукѣ Діониса, подобно тому, какъ Зевесъ держитъ всегда громовую стрѣлу. Научитесь только вполнѣ правильно рисовать ее, и вамъ не понадобится много изучать все относящееся до абстрактныхъ формъ; изслѣдованіе тѣхъ линій, которыя ее граничатъ, приведетъ васъ ко всевозможнымъ геометрическимъ фигурамъ, встрѣчающимся въ природѣ: къ эллипсисамъ ея морскихъ гаваней въ перспективѣ; къ параболамъ ея водопадовъ и фонтановъ въ профиль; къ цѣпообразнымъ кривымъ ея ниспадающихъ гирляндъ; къ безконечному разнообразію ускоренныхъ или замедленныхъ изгибовъ при различныхъ обвалахъ горъ. Но неужели вы думаете, что наука можетъ измѣрить всѣ эти вещи для васъ? Книга, лежащая здѣсь на столѣ, есть одинъ изъ четырехъ томовъ сочиненія Вилліама Гамильтона о греческихъ вазахъ. Онъ каждую замѣчательную вазу измѣрилъ горизонтально и вертикально съ такой поразительной точностью, которая побудитъ васъ, я надѣюсь, терпѣливо отнестись ко мнѣ при менѣе сложныхъ, хотя и болѣе мелочныхъ измѣреніяхъ, которыя потребуются для предлагаемыхъ мною образцовъ. Однако англійское фаянсовое производство остается какъ разъ на той ступени, на которой оно и прежде находилось, не взирая на всевозможныя изслѣдованія. Не воображаете ли вы, что греческій мастеръ дѣлалъ когда-нибудь вазу при помощи измѣреній? Онъ выдѣлывалъ ее отъ руки на своемъ колесѣ, и она была великолѣнна; а венеціанецъ, выдувавшій стеклянныя вещи, выгибалъ кристаллическую дугу кончикомъ своей трубочки; и Рейнольдъ и Тенторетъ выгибали цвѣтную дугу своими кистями безошибочно, какъ музыкантъ тактъ ноты, съ тонкостью божественнаго закона; это вы, если пожелаете, можете провѣрить вполнѣ.

140. Но если правда и красота искусства превосходятъ все достигнутое наукъ, то тѣмъ болѣе недоступна и не подчинена ей избрѣтательность искусства. Все главное, что я имѣю сказать по этому вопросу, мнѣ приходится отложить до слѣдующей лекціи; но сегодня я могу просто иллюстрировать отношеніе фантазіи къ наукѣ на одной очень важной группѣ неорганическихъ формъ, а именно на драпировкѣ.

141. Если вы набросите на палку драпировку изъ любого мате-

риала, ниспадающаго изящными складками, то получите цѣлый рядъ извилистыхъ складокъ изъ цѣпообразныхъ кривыхъ; и любая группа этихъ складокъ будетъ почти такъ же пріятна для глаза, какъ и всякая другая; хотя если вы будете набрасывать эту матерію на палку тысячу разъ, то она каждый разъ расположится по иному и дважды не повторится одного и того же рисунка.

142. Но предположите, что, вмѣсто прямой палки, вы возьмете прекрасную голую статую и набросите на нее полотно. Вы можете скрыть всѣ ея формы; вы можете вполнѣ скрыть однѣ части тѣла и раскрыть другія или подъ тонкимъ покровомъ могутъ обнаруживаться намеки на скрытые контуры, но въ девяносто девяти случаяхъ изъ ста вы пожелаете, чтобъ эта драпировка была снята; вы почувствуете, что складки въ нѣкоторомъ родѣ не гармонируютъ, вредятъ, и охотно сорвете ихъ прочь со статуи. Какъ бы матерія ни была пассивна, какъ бы мягко она ни прилегала къ членамъ тѣла, тѣмъ не менѣе складки будутъ всегда казаться чуждыми формъ, словно ее смочилъ сильный ливень дождя, и будутъ самымъ неудобнымъ образомъ собираться въ пустотахъ. Вамъ придется ихъ разглаживать, расправлять въ одномъ мѣстѣ, собирать въ другомъ и искусственно придавать ту форму, которую живая особа сразу придала бы своему платью, и только такимъ путемъ вы достигнете наконецъ, того, что это станетъ пріятно для глаза.

143. И при всемъ этомъ, сколько бы вы ни старались, вамъ не удастся сдѣлать по вкусу, если только у васъ есть дѣйствительно такой вкусъ, который стоитъ удовлетворить. Сколько бы вы ни прилаживали драпировку на спокойной фигурѣ, она и приблизительно не дастъ вамъ понятія о томъ, какой видъ имѣетъ драпировка, предварительно прилаженная къ движеніямъ той живой фигуры, которая въ настоящую минуту находится въ состояніи покоя. На дѣйствительно живой фигурѣ, граціозно одѣтой и отдыхающей отъ граціознаго движенія, вы увидите снова и снова такія расположенія складокъ, которыми вы можете любоваться; но ихъ нельзя скопировать, такъ какъ первое малѣйшее движеніе совершенно измѣняетъ ихъ. Еслибъ у васъ была готовая фотографическая пластинка и вы могли бы фотографировать, — я не знаю, дѣлались ли такія пробы, — дѣвушекъ, какъ катящіяся волны, то вы получили бы нѣчто, дѣйствительно пріятное; но еслибъ вы сравнили такимъ образомъ полученные результаты даже съ тонкой скульптурой, то

увидали бы, что все-таки чего-то недостаетъ; заглянувъ же глубже, замѣтили бы, что, въ сущности, чувствуется недостатокъ во всемъ.

144. А между тѣмъ дальше этого большинство художниковъ не могутъ и не стараются пойти. Они рисуютъ голую фигуру вполне анатомически точно: ставятъ или кладутъ модель въ требуемую позу; драпируютъ ее по своему вкусу и затѣмъ рисуютъ ее съ натуры. Но весь такой трудъ абсолютно не имѣетъ никакой цѣны, и въ концѣ концовъ даже хуже того, такъ какъ ослѣпляетъ насъ относительно качества тонкаго искусства.

Въ истинномъ рисункѣ, какъ на драпировкѣ, такъ и на всемъ остальномъ лежитъ одинъ отпечатокъ. Тутъ нѣтъ ни одной лишней складки; и все, что имѣется, только содѣйствуетъ вѣрному выраженію движенія или характера. Вотъ кусокъ греческой скульптуры со множествомъ складокъ, вотъ кусокъ христіанской скульптуры съ очень немногими. И изъ тѣхъ многихъ вы не могли бы безъ существеннаго вреда убавить ни одной, и къ этимъ немногимъ вы не могли бы прибавить ни одной. Это только и есть искусство, и никакая наука не поможетъ намъ достигнуть этого, такъ какъ это дѣло поэтическаго инстинкта и инстинкта строенія.

147. Тѣмъ не менѣе ваша работа, насколько бы она ни была выше науки, должна соответствовать всѣмъ ея требованіямъ. Первый вопросъ, который вы должны себѣ задать, состоитъ въ томъ; является ли ваше произведеніе научно правильнымъ? Это, конечно, еще ничего не значить, но все же существенно. Въ современныхъ подражаніяхъ готическимъ произведеніямъ художники считаютъ за ничто религіозное исказить истину и думаютъ, что небо будетъ благосклонно только къ тѣмъ святымъ, у которыхъ эпитрахили или брюки торчатъ или ниспадають подъ самыми невѣроятными углами.

Всю эту нелѣпность я постараюсь скоро совѣмъ выбить у васъ изъ головы, давъ вамъ возможность дѣлать вполне точные этюды съ дѣйствительныхъ драпировокъ, такъ что сразу вы въ состояніи будете опредѣлить, насколько складки на рисункѣ естественны и правдивы по формѣ или насколько онѣ искусственны и нелѣпы.

146. Но эта наука о драпировкѣ въ лучшемъ случаѣ только предохранитъ васъ при первыхъ вашихъ попыткахъ въ ея искусствѣ. И когда вы овладѣете элементами такой науки, самой отвратительной изъ всѣхъ работъ будетъ та, въ которой драпировки

будутъ вполне правильны—но, кромѣ нихъ, ничего не будетъ. При современномъ состояніи нашихъ школъ одною изъ главныхъ за-слугъ, противъ которой мнѣ придется предостеречь васъ, является подражаніе тому, чѣмъ восхищаются модистки; мало того, во многихъ произведеніяхъ лучшаго искусства мнѣ придется показать вамъ, что драпировки до извѣстной степени преднамѣренно сдѣланы невѣрно изъ опасенія, что вы не станете на нихъ глядѣть. И вы, при всѣхъ сложныхъ желаніяхъ и опасностяхъ, твердо держитесь постояннаго и простаго закона, который я всегда утверждалъ,— а именно, что лучшее произведеніе должно быть правильно въ началѣ и восхитительно въ концѣ.

147. Въ заключеніе замѣтите, что то, что вѣрно относительно этихъ простыхъ формъ драпировки, вѣрно и по отношенію ко всякаго рода другимъ неорганическимъ формамъ. И онѣ подъ рукою художника и при помощи его фантазіи должны стать органическими. Какъ на одеждѣ не должно быть ни лишней ни недостающей складки, такъ и въ благородномъ пейзажѣ у горы не должно быть ни единой лишней складки, и ни одной не должно недоставать ей. Какъ никогда отъ реальной льняной одежды, при самомъ тщательномъ и вѣрномъ копированіи ея, вы не получите драпировки благородной статуи, такъ и отъ дѣйствительныхъ горъ, какъ бы правдиво вы ни копировали ихъ, вы не получите благороднаго пейзажа. Нѣчто болѣе прекрасное, чѣмъ тѣ фотографіи долины Шамуни, которыя красуются теперь въ витринахъ вашихъ продавцевъ эстамповъ, трудно себѣ и представить. Для географическихъ и геологическихъ цѣлей онѣ имѣютъ нѣкоторое значеніе, для художественныхъ цѣлей онѣ стоятъ меньше нуля. Вы можете многому научиться отъ нихъ, но еще большому разучиться. Но на картинѣ Тернера „долина Шамуни“ въ изображеніи горы нѣтъ ни единой лишней складки, и наоборотъ, ни единой складки которой бы недоставало. Въ дѣйствительности такихъ горъ въ Шамуни нѣтъ; это души вѣчныхъ горъ, каковы онѣ были и будутъ вѣчно.

148. Подведемъ итоги сказанному, такъ какъ мои иллюстраціи могли спутать васъ:

1. Вы на нашихъ рисункахъ должны стараться изобразить видимую картину предметовъ, тщательно избѣгая изображать то, что вы знаете о нихъ.

2. Эти видимыя картины предметовъ вы должны провѣрять при-

мѣненіемъ научныхъ законовъ перспективы и научиться путемъ измѣренія и самаго тщательнаго вниманія изображать ихъ безусловно вѣрно.

3. Научившись вѣрно изображать дѣйствительный видъ предметовъ, вы, если обладаете оригинальнымъ человѣческимъ дарованіемъ, получите на картинѣ, одухотворенной имъ, нѣчто болѣе благородное и болѣе вѣрное, чѣмъ на вѣрной копіи съ дѣйствительности; и созданіе этихъ-то одухотворенныхъ картинъ и есть задача тонкаго искусства, основаннаго безусловно какъ на правдѣ, такъ и на воображеніи. И мы въ заключеніе можемъ еще разъ повторить слова учителя, но употребляя ихъ въ болѣе глубокомъ смыслѣ— „и все лучшее въ этомъ родѣ только тѣни“.

Да, милостивые государи, ваша задача состоитъ въ томъ, чтобъ стараться, чтобъ ваши картины, по крайней мѣрѣ, были таковыми.

Л Е К Ц І Я VIII.

Отношеніе наукъ объ органической формѣ къ искусству.

2-го марта 1872 года.

149. Мнѣ предстоитъ теперь говорить объ отношеніи искусства къ наукѣ, когда ея главнымъ предметомъ является органическая форма, служащая выраженіемъ жизни. Но, какъ и въ предыдущей лекціи, я начну прежде всего съ того, что намѣренъ главнымъ образомъ поставить на видъ.

Во-первыхъ, — и долго останавливаться на этомъ у меня не будетъ достаточно времени,— что истинная сила искусства должна быть основана на общемъ знаніи органической природы, а не только человѣческой формы.

Во-вторыхъ, что при изображеніи этой органической природы, точно такъ же, какъ и при изображеніи неодушевленныхъ предметовъ, искусству нѣтъ дѣла до строенія, причинъ или безотносительныхъ фактовъ; его интересуетъ только внѣшній видъ.

Въ третьихъ, что при изображеніи этого внѣшняго вида, ему больше мѣшаетъ, чѣмъ помогаетъ, знаніе того, что наружно не проявляется, вслѣдствіе чего изученіе общей анатоміи растений,

животныхъ и человѣка является только помѣхой для графическаго искусства.

Въ-четвертыхъ, что при замыслѣ и изображеніи человѣческой формы, привычка разсматривать ея анатомическое строеніе не только служить препятствіемъ, но и ведетъ къ извращенію; кромѣ того, даже изученіе внѣшней формы человѣческаго тѣла, болѣе обнаженнаго, чѣмъ это считается приличнымъ въ повседневной жизни, было крайне пагубно для каждой школы искусства, гдѣ оно только практиковалось.

150. Эти-то четыре положенія я и собираюсь постепенно выяснить вамъ въ теченіе нашего курса. Въ одной лекціи, конечно, я могу только ясно высказать и установить ихъ.

Во-первыхъ, я говорю вамъ, что искусство должно познакомиться со всеми живущими предметами и настолько узнать ихъ, чтобы быть въ состояніи назвать или, иначе говоря, правдиво и ясно описать ихъ. Создатель каждый день передъ благороднѣйшимъ изъ своихъ созданій проводитъ всякое низшее твореніе, чтобы, „какъ наречетъ человѣкъ всякую душу живую, такъ и было имя ей“.

Во-вторыхъ. Изображая ихъ, даже думая и заботясь объ этихъ животныхъ, человѣкъ долженъ представлять ихъ себѣ со шкурою на нихъ и съ душою внутри нихъ. Онъ долженъ знать, какія на нихъ пятна и складки, какая шкура или перья, каковъ взглядъ ихъ глазъ, какъ они хватаютъ, какой обладаютъ цѣпкостью, какимъ бѣгомъ, какимъ ударомъ лапъ или когтей. Онъ долженъ разсматривать ихъ со всехъ точекъ зрѣнія, но только не съ точки зрѣнія мясника. Онъ никогда не долженъ думать о нихъ, какъ о костяхъ и мясѣ.

Въ-третьихъ. При изображеніи ихъ внѣшности, знакомство съ костями и мясомъ, суставами и мускулами скорѣе служитъ помѣхой, чѣмъ помощію.

Наконецъ, по отношенію къ человѣческой формѣ, подобное знаніе не только мѣшаетъ, но и развращаетъ; и изученіе голаго тѣла вредно, если оно переступаетъ за границы приличія и благопристойности, допускаемыхъ въ обыденной жизни.

Вотъ мои четыре положенія. Я не буду васъ задерживать, долго, останавливаясь на первыхъ двухъ,—на томъ, что мы должны знать cadaго рода животное со шкурою на немъ и съ душою въ немъ. Но вы можете счесть за парадоксъ—можетъ быть, за невѣроятный и дерзкій парадоксъ,—если я скажу, что изученіе анатоміи

мѣшаетъ вамъ дѣлать это. Поэтому я обращаюсь только къ послѣднимъ двумъ пунктамъ.

151. Среди вашихъ образцовъ гравюръ, я выставилъ гравюру съ картины Тиціана „Дѣвочка Строчи, кормящая во дворцѣ собаку“. Въ первоначальной серіи, гдѣ вы всегда можете видѣть ее, я помѣщу еще болѣе очаровательную, хотя и не вполне годную для образца, картину Рейнольда, изображающую маленькую дочь Георга Третьяго со своимъ таксомъ.

Я не сомнѣваюсь, что эти собаки настоящіе баловни, изображенные такъ же вѣрно, какъ и ихъ хозяйки; и что маленькая принцесса флорентинская и принцесса англійская помѣщены въ компаніи, самой подходящей для ихъ возраста; старшая кормитъ своего любимца, а малютка обнимаетъ своего, обвивъ ручками его шею.

Но обычай выставять на видъ или собаку, или другое какое-либо низшее животное, для контраста, или для скромнаго сочетанія съ благороднѣйшей человѣческой формой и душой, есть своего рода, такъ сказать, мысленная анатомія, относящаяся къ очень *отдаленной эпохѣ*.

Одной изъ наиболѣе интересныхъ греческихъ вазъ въ британскомъ музеѣ служитъ та, живопись на которой долго слыла подъ названіемъ „Анакреонъ и его собака“. Передъ вами греческій лирическій поэтъ, поющій съ поднятой головой, съ жестомъ Орфея и Филамона въ моменты ихъ величественнаго вдохновенія, между тѣмъ какъ около него бродитъ, совершенно равнодушная и презирающая музыку, остроносая и короткохвостая собака, изображеніе которой особенные почитатели греческаго искусства назвали бы идеальнымъ, потому что хвостъ ея болѣе похожъ на взрывъ фейерверка, чѣмъ на хвостъ; но идеаль, явно основанъ на дѣйствительномъ существованіи очаровательнаго, хотя и надменнаго животнаго, отчасти похожаго на тотъ, который въ настоящее время служитъ главной отрадой моихъ работъ въ Оксфордѣ, а именно на Бестль собаку доктора Акланда.

Я могъ бы вернуться назадъ къ еще гораздо болѣе древней эпохѣ, но во всякомъ случаѣ, со временъ золотой собаки Пиндара, фавна Діаны, орла, филина и павлина великихъ греческихъ боговъ, вы находите цѣлый рядъ животныхъ типовъ — сосредоточивающійся, конечно, въ средніе вѣка на собакахъ и соколахъ, — которыми искусство

пользовалось какъ символами или какъ контрастами достоинствъ чело-вѣческихъ личностей. Въ современной портретной живописи, благода-ря желанію каждаго, посылающаго свой портретъ или портретъ своихъ дѣтей въ королевскую академію, вошло въ обычай выстав-лять на видъ пони или собаку съ хлыстомъ во рту, съ цѣлью показать публикѣ, что лица, изображенныя на портретѣ, живутъ въ соотвѣтствующее время года въ деревнѣ. Но у великихъ мастеровъ въ основѣ того же самага лежитъ глубокой смыслъ, относительно тайны сравнительнаго существованія живыхъ существъ и способа, какимъ они проявляютъ свои пороки и добродѣтели. Альбертъ Дю-реръ почти никогда не рисуетъ ни одной сцены изъ жизни Бого-родицы безъ того, чтобы не помѣстить на переднемъ планѣ как-кихъ-нибудь безпечныхъ херувимовъ, играющихъ съ кроликами или котятами; иногда же его любовь къ странностямъ беретъ верхъ надъ всѣмъ лучшимъ въ немъ, какъ, напр., въ гравюрѣ Мадонны съ обезьяной. Веронезъ разстраиваетъ свиданіе королевы — съ Со-ломономъ, изображая дерзкой лай болонки, къ которой Соломонъ отнесся недостаточно почтительно; когда же Веронезъ представ-ляется самъ со всей своей семьей Мадоннѣ, я съ грустью вижу, что его любимая собака поворачивается къ Мадоннѣ задомъ и вы-ходить изъ комнаты.

152. Но среди этихъ символическихъ шутокъ великихъ масте-ровъ, ничего не можетъ быть прекраснѣе картины Рейнольдса, изо-бражающей маленькую англійскую принцессу со своимъ жестко-шерстнымъ таксомъ. Онъ приложилъ всѣ усилія, чтобы показать безконечную разницу и въ то же время благодатную гармонію че-ловѣческой и низшей природы. Имѣя въ виду нарисовать голубо-глазую *), нѣжную дѣвочку, онъ изображаетъ ея полное личико совершенно круглымъ, съ широко раскрытыми глазами, потому что кто-то пришелъ, кого она не знаетъ. Но она удивлена, а не сму-щена, какъ и подобаетъ принцессѣ. Рядомъ же съ этимъ нѣжнымъ, чистосердечнымъ ребенкомъ, Рейнольдсъ помѣстилъ щетинистую, задорную собачку. вмѣсто широко раскрытыхъ глазъ, передъ вами только темныя пятна среди волосъ, гдѣ, вы знаете, должны быть глаза таксы, достаточно пронизательные, если бы вы могли ихъ

*) Я не видѣлъ картины; на гравюрѣ отбѣнокъ глазъ какъ будто сѣрый или го-лубой.

видѣть, и несомнѣнно смотрящіе на васъ, но безъ удивленія, не такъ, какъ смотрятъ глаза ребенка. Дѣло въ томъ, что такъ тотчасъ же составилъ о васъ свое мнѣніе, нашель, что вамъ тутъ нечего дѣлать, свирѣпо заворчалъ и зарычалъ, не отступая однако отъ хозяйки и не ускользая изъ-подъ ея руки. Вы имѣете такимъ образомъ полный контрастъ между граціей и истинной прелестью ребенка, не думающаго о васъ дурного, и немилосердной тупостью природы въ собакѣ, которая думаетъ о васъ только дурное. Но достоинство и довѣрчивость собаки выражены не менѣе ясно; она, очевидно, играетъ въ глазахъ дѣвочки роль подушки не менѣе, чѣмъ роль товарища по играмъ—запустивъ съ любовной довѣрчивостью свою ручку въ жесткую шерсть товарища, ребенокъ уже наполовину рѣшился ей покровительствовать: тутъ и ребенокъ готовъ защищать собаку и собака ребенка во всякое время и при всѣхъ превратностяхъ судьбы.

153. Изысканность, съ какой живописецъ приложилъ весь свой талантъ въ композиціи, его умѣнье владѣть кистью, вся его опытность въ способахъ выраженія,—когда требуется завершить сопоставленіе,—все это не можетъ быть объяснено до мелочей; но первые шаги его науки могутъ быть намѣчены легко; безъ особеннаго труда вы можете видѣть, какъ однородная большая масса бѣлаго противопоставлена суровой массѣ сѣраго; какъ лицо ребенка помѣщено противъ свѣта, чтобы ни малѣйшая тѣнь не могла уменьшить блеска, дѣлающаго ее, какъ въ арабскихъ сказкахъ, „принцессой подобной полнѣи лунѣ“—какъ въ этомъ блескѣ губы и глаза нарисованы густою, яркой краской, между тѣмъ какъ только едва замѣтному лучу мысли дозволено потревожить спокойствіе этихъ глазъ—(глаза таксы были бы достаточно ярки, если бы вы могли ихъ видѣть, и сверкали бы постоянно неглубокимъ огнемъ, но глаза принцессы думающіе, а не сверкающіе);—какъ хорошенькая, но не совсѣмъ удобная шляпка обрамляетъ изящное, кроткое личико, представляющее контрастъ съ грубой, лохматою головою собаки; какъ свободная грація нѣжнаго тѣла покоящейся ноги и круглой шеи сопоставлены съ неловко подобранными короткими лапами и стремительнымъ поднятіемъ нетерпѣливыхъ плечъ менѣе благороднаго существа.

154. Рисуя все это, серъ Джозуа обдумывалъ и видѣлъ все, что есть лучшаго внутри и во внѣшности живыхъ существъ; все, что

есть истинно собачьяго и истинно дѣтскаго въ ихъ душѣ и тѣлѣ. Абсолютною вѣрностью вѣшняго вида и внутренняго состоянія онъ владѣлъ безукоризненно, но одно ни на минуту не интересовало его, — это ихъ кости.

Вы предполагаете, что при рисованіи этой картины все время художника занимала мысль о томъ, какой видъ имѣетъ черепъ собаки сравнительно съ черепомъ ребенка? Для него же самыми существенными фактами были тѣ, о которыхъ черепъ не даетъ никакихъ понятій, а именно, что у дѣвочки маленькій нѣсколько плоскій носъ, а у собаки онъ выдается впередъ и черный. Вы можете анатомировать всѣхъ мертвыхъ собакъ, доставляемыхъ водами Лондона, и не замѣтить, какъ блеститъ кончикъ носа таксы, а между тѣмъ, какъ живописецъ, вы только это и обязаны знать; что же касается до положенія и приемовъ животныхъ, то всѣ четыре доктора, вправлявшіе недавно лапу Бестія, послѣ того, какъ онъ выпрыгнулъ изъ окна второго этажа, чтобы облаять волонтеровъ, не могли указать серу Джозуа, какъ изобразить припавшаго такса, готоваго цапнуть, или, какъ нарисовать руку ребенка, лежащую на его шеѣ въ полномъ, но не безсильномъ, покоѣ.

155. Итакъ, серъ Джозуа не думалъ и не заботился объ анатоміи, рисуя эту картину; ну, а если бы онъ обратилъ на нее вниманіе, принесло ли бы это ему вредъ? Вы легко можете замѣтить, что конечности ребенка нарисованы не съ тою точностью, съ какою онѣ были бы воспроизведены Монтенья, Дюреромъ или Микель-Анджело. И неужели нѣкоторыя изъ ихъ знаній не содѣйствовали бы совершенству картины? Я могу точно показать вамъ, какого рода вліяніе имѣло бы ихъ знаніе.

Въ вашей первоначальной серіи я помѣстилъ двѣ самыхъ замѣчательныхъ гравюры Дюрера, гербъ съ черепомъ и Мадонну, увѣнчанную ангелами; чтобы яснѣе показать вамъ, какія качества имѣются и какихъ недостаетъ въ этой послѣдней картинѣ, я увеличилъ при помощи фотографіи голову и помѣстилъ ее въ вашей справочной серіи. Вы найдете, что черепъ понятъ превосходно и изящно выгравированъ, но что лицо и понято и выгравировано плохо. Никто изъ изучавшихъ черепъ такъ тщательно, какъ это сдѣлалъ Дюреръ, не можетъ хорошо нарисовать лица, потому что понятія о костяхъ постоянно неумѣстно навязывается ему, и, стараясь отдѣлаться или отрѣшиться, отъ нихъ, онъ искажаетъ ли-

по. Тамъ, гдѣ черты лица рѣзки и характерны, онъ можетъ освободиться отъ впечатлѣнія; но при округленныхъ контурахъ женскихъ лицъ онъ никогда не въ состояніи освободиться отъ мысли о черепѣ, и даже при своей обычной работѣ чаще рисуетъ кости и волосы, чѣмъ лица.

156. Я могъ бы дать вамъ болѣе опредѣленные, но чрезвычайно неприятныя доказательства того вреда, который происходитъ отъ слишкомъ основательнаго знакомства съ анатоміей человѣческаго лица, но предпочитаю съ этой же цѣлью лучше разсмотрѣть съ вами черепъ и голову орла, который уже многому научилъ насъ.

Вотъ легкій эскизъ черепа золотого орла. Вамъ, можетъ быть, захочется иногда сдѣлать этотъ рисунокъ отчетливѣе для уясненія механическаго расположенія костей, окружающихъ напримѣръ, глазныя впадины; но не думайте, что, нарисовавъ это хотя бы миллионъ разъ, вы сумѣете, наконецъ, нарисовать самого орла. Напротивъ, это почти несомнѣнно воспрепятствуетъ вамъ замѣтить главное на головѣ орла—выступъ лба. Главная особенность орлиного глаза заключается въ томъ, что онъ смотритъ внизъ. Для защиты глаза отъ раздраженія солнечнымъ свѣтомъ, онъ помѣщенъ подъ треугольнымъ навѣсомъ, который составляетъ самую характерную особенность внѣшняго вида этой птицы. Крючковатымъ клювомъ своимъ онъ не отличается существенно отъ попугая, а отличается, повторяю, особенностями глазъ. Но этотъ выступъ не отчетливъ на черепѣ, и анатомы такъ мало обращаютъ на него вниманія, что вы можете просмотрѣть всѣ наиболѣе совершенные труды по орнитологіи, найти въ нихъ орловъ, нарисованныхъ со всякаго рода расчлененными черепами, съ когтями, клювицами, грудною костью и зобами, но не найти ни одного бѣднаго сокола, нарисованнаго съ соколиными глазами.

157. Но есть еще и другой чрезвычайно важный пунктъ на головѣ орла, хотя и съ нимъ ознакомиться черепъ не поможетъ намъ. Человѣческій черепъ имѣетъ въ трехъ пунктахъ существенныя погрѣшности: отсутствіе глазъ, отсутствіе носа и отсутствіе губъ. Въ черепѣ же орла недостаетъ только глазъ и губъ, потому что у него нѣтъ носа достойнаго упоминанія; его клювъ есть только продолженіе его челюстей; но онъ имѣетъ губы очень достойныя упоминанія, которыхъ черепъ его не проявляетъ. Недостатокъ ихъ замѣтенъ на человѣческомъ черепѣ:—„Здѣсь были губы, которыя Орлиное гнѣздо.

я цѣловаль такъ часто“,—но у орла недостатокъ ихъ замѣтенъ еще болѣе, потому что онъ отличается отъ другихъ птицъ своимъ орлинымъ глазомъ и своими собачьими или почти собачьими губами; у него мясистый губоцвѣтный ротъ, съ постоянной гримасой на немъ.

Такъ что, если вы будете достаточно внимательно всматриваться не въ черепъ его, а въ него самого, то усвоите понятіе Эсхилла, свойственное греческому духу — *πτηνός κῶν δαφρινός αἰετός*; затѣмъ, если вамъ нужно будетъ узнать, какъ онъ пользуется своимъ клювомъ, какъ орудіемъ, отличающимся отъ зубовъ собаки, то возьмите рисунокъ изъ соколиной охоты среднихъ вѣковъ, и вы увидите, что кусокъ мяса становится для него тряпкой, вещь легко разрываемой—*διαρταμῆσει σώματος μέγα ῥάχος*. Точное понятіе объ этомъ дастъ вамъ соколъ, котораго я заимствовалъ изъ служебника четырнадцатаго столѣтія, пользующагося особенной любовью мистера Кокса.

Теперь просмотрите съ начала до конца всѣ ваши книги по естественной исторіи и удостовѣрьтесь, найдете ли вы хоть одинъ рисунокъ, со всей его анатоміей, который бы познакомилъ васъ съ орлинымъ глазомъ, съ его губами и особенностями его клюва настолько, чтобы дать вамъ возможность понять вышеприведенныя двѣ строки изъ Эсхилла; затѣмъ взгляните на этого греческаго орла на монетѣ и пизанскаго, изваяннаго изъ мрамора, и вы уже не станете больше сомнѣваться, что лучше смотрѣть на живыхъ птицъ, чѣмъ рѣзать ихъ на части.

158. Итакъ, анатомія—предполагаю, что вы признаете теперь то, что я, конечно, докажу вамъ окончательно—не поможетъ намъ нарисовать правдивую внѣшность вещей. Но, можетъ быть, она даетъ намъ болѣе полное понятіе о ихъ природѣ?

Далеко не выполняя этой задачи, изученіе анатоміи, къ нашему злополучію и еще большему униженію, ложно присвоивъ себѣ одно временно мѣсто и имя искусства и естественной исторіи, произвело особенно вредное вліяніе на способность изображать съ уваженіемъ различныя породы животныхъ. Во всѣхъ современныхъ книгахъ по естественной исторіи вы найдете прекрасные рисунки странныхъ и безобразныхъ животныхъ, рисунковъ же животныхъ благородныхъ и красивыхъ совѣмъ не найдете, даже и дурно исполненныхъ. По общераспространенному обыкновению, вы найдете,

что превосходно нарисованы обезьяны, свиньи, крысы, ласки, лисицы и тому подобныя животныя,—въ особенности же обезьяны,—но не олени, ягнята, лошади и львы. Чѣмъ благороднѣе животное, тѣмъ оно изображено хуже, но не отъ безсилія искусства, а отъ гораздо болѣе ужасной погрѣшности, отъ полнѣйшаго недостатка симпатій къ благороднымъ качествамъ какаго-либо животнаго и отъ пристрастія къ его омерзительнымъ недостаткамъ. И правило это проведено такъ послѣдовательно, что великій французскій историкъ Сентъ-Илеръ, описывая млекопитающихъ, выбралъ: какъ единственнаго представителя высшей расы, наиболѣе животный типъ чело-вѣка, какой только можно найти на свѣтѣ. Пусть не заглядываютъ въ эту книгу ни дѣвочки, ни юноши, расположенные повѣрить мнѣ на слово; тѣ же, которые сомнѣваются, пусть посмотрятъ на данную имъ представительницу женскаго пола.

159. Но предположимъ, что это только французская анатомія или плохо изученная анатомія; другая же, изученная правильно, какъ, напримѣръ, анатомія доктора Аккланда, можетъ принести намъ извѣстнаго рода пользу.

Я долженъ приберечь для моихъ лекцій о Флорентинской школѣ анализъ вліянія изученія анатоміи на европейское искусство и характеръ; вы найдете нѣкоторыя замѣтки объ этомъ въ моей лекціи о Микель Анджело; въ предѣлахъ же этого анализа мнѣ необходимо взять обратно мнѣніе, высказанное мною въ „Камняхъ Венеціи“, что анатомія полезна для великихъ людей, но вредна для посредственныхъ. Теперь я убѣжденъ, что чѣмъ выше интеллектъ, тѣмъ неизбѣжнѣе подвергается онъ упадку при изученіи анатоміи, и что это изученіе принесло Микель Анджело больше вреда, чѣмъ кому бы то ни было, исказивъ его религіозную страсть и воображеніе и приведя къ тому, что онъ всѣ свои душевныя понятія подчинялъ открытіямъ, которыя дало ему знаніе тѣла. Теперь, однако, я хочу только привести вамъ основанія, заставляющія меня изъять анатомію изъ вашего учебнаго курса въ этихъ школахъ.

160. Я это дѣлаю, сообразуясь прежде всего съ нашимъ временемъ, удобствомъ и систематическимъ методомъ. У нашихъ преподавателей живописи вошло въ обычай смѣшивать особую науку анатомію съ ихъ собственнымъ искусствомъ рисованія, хотя они этого никогда не дѣлаютъ относительно какой-либо другой науки.

Допуская это, вы, чтобы нарисовать дерево, должны быть знакомы съ ботаникой. Но вѣдь вы не надѣетесь, что я здѣсь буду преподавать вамъ ботанику? Если бъ я находилъ, что вамъ слѣдуетъ ее знать, то послалъ бы васъ для изученія ея къ вашему профессору ботаники и въ ботаническіе сады. Я, быть можетъ, могъ бы дать вамъ грубый очеркъ линій дерева въ лукѣ, но ничего больше.

Предположимъ далѣе, что вамъ необходимо знакомство съ геологіей для того, чтобы нарисовать камень. Я уже говорилъ вамъ, что не признаю этого, но допустимъ противное. Вѣдь не думаете же вы, что я буду посвящать васъ въ отношенія между кварцемъ и окисью желѣза или между силурианской и пермiанской системами? Если это васъ интересуетъ, отправляйтесь къ профессору Филлипу и возвращайтесь ко мнѣ, когда ознакомитесь съ этимъ предметомъ. Точно также, допустимъ, что, для того, чтобы нарисовать человѣка вамъ нужно знать его кости, вамъ этого не нужно, но предположимъ, что нужно. Какимъ образомъ можете вы надѣяться, что я буду преподавать вамъ здѣсь самую трудную изъ всѣхъ наукъ? Если вамъ необходимо ее знать, то отправляйтесь въ госпиталь и препарируйте труны, пока не будете удовлетворены; затѣмъ приходите ко мнѣ, и я всячески, даже тогда, постараюсь научить васъ рисованью, хотя ваши глаза и ваше воображеніе будутъ полны тѣми ужасами, на которые небо желало, чтобы вы только бросали мимолетный взглядъ. Но не думайте, что я буду помогать вамъ въ этой отвратительной работѣ, больше чѣмъ въ работахъ среди химическихъ печей и ретортъ въ лабораторіи профессора Маскелайна.

161. Теперь сдѣлаемъ еще одинъ шагъ въ логическомъ порядкѣ. Вы не нуждаетесь, какъ я уже сказалъ вамъ, ни въ химіи, ни въ ботаникѣ, ни въ геологіи и анатоміи, чтобы быть въ силахъ понимать искусство и самому творить. Но есть одна наука, которую вы обязаны знать. Вы должны вполнѣ и совершенно знать, какъ вести себя. Вы можете чувствовать различіе между двумя наброшенными драпировками, между двумя направленіями линіи, а тѣмъ болѣе между благороднымъ и пошлымъ жестомъ только въ силу благородства своего характера. Но, хотя эта наука существенна, и я не могу научить васъ проводить правильно одну линію рядомъ съ другой, пока вы не обладаете ею, тѣмъ не менѣе не надѣйтесь научиться у меня въ этой школѣ, какъ вести себя, если вамъ раньше не удалось постичь это!

162. Вотъ доводъ, и достаточно логическій доводъ, если взять его въ соображеніе при исключеніи изученія анатоміи изъ всѣхъ школъ рисованія, но есть еще болѣе неоспоримый доводъ въ пользу исключенія анатоміи специально изъ первоначальныхъ школъ рисованія. Иногда можетъ быть желательно, какъ я говорилъ, чтобы ученикъ видѣлъ, какое огромное несходство существуетъ между лицомъ и черепомъ; и на досугѣ оно можетъ, безъ большого вреда, наблюдать ловкое соединеніе колѣна съ лодыжкой ноги, въ силу котораго, при правильномъ сочлененіи суставовъ, нога сгибается только назадъ, въ противоположность черепу, сгибающемуся только впередъ. Но заставлятъ мальчиковъ и дѣвочекъ, только что явившихся въ школу рисованія изъ деревни, всматриваться въ эти сочлененія, вопреки всѣмъ здоровымъ задаткамъ ихъ природы, и съ угрюмымъ прилежаніемъ срисовывать ихъ, пока они не вообразятъ, что копія удачна, значить у такихъ мальчиковъ и дѣвочекъ пропитать афектаціей всю свѣжесть ихъ темперамента и болѣзненно заразить ихъ честолюбивой и напыщенной фантазіей. Но еще хуже, когда молодежь принуждена выносить ужасы анатомическаго театра или знакомиться съ свойствами настоящей формы тѣла въ климатѣ, гдѣ стѣсняющая одежда не препятствуетъ совершенству его контуровъ и въ которомъ мы не можемъ съ волиѣ простымъ чувствомъ смотрѣть на голое тѣло.

163. Я, можетъ быть, слишкомъ часто испытывалъ ваше терпѣніе, говоря вамъ, что вы должны всегда рисовать изъ любви къ изображаемому предмету, а не изъ любви къ картинѣ. То, что вы желаете видѣть въ дѣйствительности, то вы и должны стараться показать въ картинѣ или статуѣ; того же, чего вы не желаете видѣть въ дѣйствительности, вы не должны пытаться и воспроизводить.

Но существуетъ, какъ я полагаю, очень распространенный взглядъ среди лицъ, интересующихся искусствомъ: такъ какъ націи, живущія въ холодныхъ климатахъ, не привыкли видѣть обнаженное тѣло, то предполагаютъ, что искусство должно взять на себя обязанность показать его имъ; при чемъ находятъ, что мысли стануть возвышеннѣе, и характеръ проще и серьезнѣе, когда люди увидятъ, наконецъ, въ краскахъ и мраморѣ то, что жители юга видятъ въ натурѣ.

164. У меня нѣтъ въ настоящее время ни времени, ни желанія входить въ разсмотрѣніе различныхъ вліяній на нравственность націй болѣе или менѣе свободнаго выставленія на показъ обнажен-

ныхъ формъ. Безъ сомнѣнія если обнажать, что-нибудь, то нужно обнажать безбоязненно, и постоянно видѣть это; но я не хочу здѣсь обсуждать этого вопроса, какъ не хочу и задерживать васъ приведеніемъ примѣровъ для уясненія имѣющихся у меня доводовъ. Повѣрьте мнѣ, что у меня ихъ много и что я могу утверждать, какъ положительное и неизмѣнное правило, что насколько голое тѣло въ обычной жизни націи можетъ показываться безъ оскорбленія скромности и насколько на него можно смотрѣть съ уваженіемъ и восторгомъ, настолько же, но никакъ не больше, его и должно воспроизводить національное искусство, какъ въ живописи, такъ и въ ваяніи. Если же, то или другое искусство обнажаетъ нѣчто большее, то этимъ оно, несомнѣнно, извращаетъ вкусъ, а по всѣмъ вѣроятіямъ и нравственность.

165. Это несомнѣнно извратить вкусъ въ томъ существенномъ пунктѣ, что приличные классы общества придуть къ убѣжденію, что живое существо и его одежда изъяты изъ высшихъ законовъ вкуса, и что, если мужчина и женщина изъ мрамора дѣйствительно должны быть видимы одѣтыми или неодѣтыми съ достоинствомъ, то они могутъ быть одѣты или неодѣты, если и не совсѣмъ безстыдно, то во всякомъ случаѣ менѣе прилично, въ бальной залѣ или на улицѣ. Но законъ всякаго живого искусства заключается въ томъ, что живые мужчина и женщина должны быть прекраснѣе, чѣмъ ихъ портреты, а ихъ портреты такъ же благопристойны, какъ и живые мужчина и женщина, и что дѣйствительные одежды, жесты и манеры должны быть изящнѣе, чѣмъ то подобіе ихъ, которое могутъ дать мраморъ и краски.

166. Такимъ образомъ идея объ одной одеждѣ въ искусствѣ и о другой въ дѣйствительности, при чемъ одежда въ искусствѣ признается идеальной, извращаетъ вкусъ въ ней, а изученіе рѣдко видимой наготы извращаетъ настолько же вкусъ и въ искусствѣ.

Изъ всѣхъ извѣстныхъ мнѣ произведеній искусства, художественныхъ по исполненію и не преступныхъ по замыслу, безъ сомнѣнія, самыми вульгарными и наиболѣе отвратительными, въ самомъ формальномъ значеніи этого слова, являются бытовые этюды, считающіеся лучшими въ нашу эпоху — этюды Мюльриды, выставленные, какъ образцы въ Кенсингтонскомъ музеѣ.

167. Я не хочу въ настоящее время изслѣдовать, насколько изученіе, рѣдко видимой, наготы ведетъ къ извращенію нравствен-

ности, но я прошу васъ замѣтить, что даже среди народа, гдѣ оно происходило наиболѣе свободно и просто, изученіе это вело несомнѣнно болѣе ко злу, чѣмъ къ тому добру, которое ему приписываютъ. Едва ли нравственная сила Греціи зависѣла отъ ея поклоненія красотѣ и тѣлесной силѣ. Она зависѣла отъ занятія военными упражненіями, обусловливавшими строгую и постоянную аскетическую дисциплину чувствъ; отъ совершеннаго кодекса военнаго героизма и патриотической чести; отъ желанія жить по законамъ доступной божественной справедливости и отъ живой вѣры въ присутствіе духовнаго начала. Простое поклоненіе физической красотѣ тѣла, и искусства, старавшіяся выразить ее, не только сильно содѣйствовали паденію Греціи, но и были причиной ошибокъ и преступленій въ ея лучшее время, что должны навсегда омрачить наши наиболѣе радостныя понятія о ней и сдѣлать ея примѣръ почти бесполезнымъ для будущаго.

168. Я назвалъ четыре причины ея могущества: дисциплину чувствъ, романтическій идеаль героической чести, уваженіе къ справедливости и вѣру въ Бога. Но была еще и пятая причина—самая цѣнная изъ всѣхъ—вѣра въ чистоту и силу жизни въ чловѣкѣ, и это истинное уваженіе семейной привязанности, самымъ поразительнымъ образомъ составляя всегда главную силу любой націи, живущей подъ солнцемъ, было однако упущено изъ виду въ качествѣ главнаго элемента доблести грека, хотя сама Иліада есть ничто иное, какъ исторія возмездія за похищеніе Елены, и хотя каждый греческій герой называетъ себя большею частью родительскимъ именемъ отца—Тидидомъ охотнѣе, чѣмъ Діомедомъ;—Пелѣевымъ сыномъ охотнѣе, чѣмъ Ахиллесомъ.

Среди новѣйшихъ знаній, домогаться которыхъ васъ соблазняютъ современныя сирены, самое низкое и самое мрачное есть стараніе найти основу жизни внѣ любви. Простите, что я коснусь сегодня теологіи; эта наука стоитъ гораздо ближе къ вашему искусству, чѣмъ анатомія.

169. Всѣ тѣ изъ васъ, которые внимательно читали евангеліе, навѣрное, иногда задавали себѣ вопросъ, что могутъ значить слѣдующія слова: „Если кто скажетъ слово на Сына Человѣческаго, простится ему; если же кто скажетъ на Духа Святаго, не простится ему ни въ семь вѣкѣ, ни въ будущемъ“.

Слова эти могутъ имѣть много значеній, которыхъ я не знаю;

но одно значеніе я знаю положительно и говорю вамъ объ этомъ такъ же правдиво и искренно, какъ если бы говорилъ о томъ, что понимаю значеніе стиха Гомера.

Тѣ изъ васъ, которые еще ходятъ въ часовню, каждый день читаютъ символъ вѣры, и, полагая, съ каждымъ днемъ все менѣе и менѣе вѣруютъ въ него. Но вы можете перестать вѣрить въ два его члена, и это—если признать истинность христіанства—все-таки простится вамъ. Но я могу смѣло сказать вамъ, что вы не должны терять вѣру въ третій!

Прежде всего вы говорите, что вѣрите во Всемогущаго Отца. Хорошо, вы можете совсѣмъ утратить смыслъ того, что Онъ вамъ Отецъ—и все-таки будете прощены.

Затѣмъ, вы говорите, что вѣрите въ Спасителя Сына. Вы можете окончательно утратить смыслъ этого богосыновства и все-таки это простится вамъ.

Но усомнитесь, если дерзаете, въ третьемъ членѣ!

„Я вѣрую въ Духа Святаго, Господа Животворящаго“.

Усомнитесь въ этомъ, и ваше собственное существованіе снизойдетъ до состоянія праха, гонимаго вѣтромъ, и элементы разложенія проникнутъ въ ваше сердце и душу.

Вся природа единымъ голосомъ и единодушно учитъ васъ благоговѣть передъ жизнью, дарованной вамъ духовнымъ Отцемъ. Пѣніе и опереніе птицъ, ароматы цвѣтовъ, самое ихъ существованіе находятся въ связи съ тайной этой дарованной жизни. И вся сила, и все искусства людей измѣряются ихъ почтеніемъ къ страсти, и ихъ попеченіемъ о чистотѣ любви, въ которой заключается и основа ихъ.

170. Джентльмены, — это эпитетъ, которымъ я называю въ настоящее время васъ и который налагаетъ на васъ обязанность помогать въ теченіе всей вашей жизни, чтобы и все люди по справедливости могли употреблять его, обращаясь къ вамъ,—этотъ эпитетъ „джентль“ (благородный), какъ вамъ извѣстно, выражаетъ глубокое уваженіе къ расѣ и званію отца—за родовыя достоинства и чистоту — уваженіе, бывшее очевидной силой Рима, когда онъ обладалъ ею, и болѣе скрытой силой Греціи. Но хорошо ли вы замѣтили то, что ваше саксонское слово „kindness“ доброта имѣетъ такое же отношеніе къ „kin“, какъ „gentle“ къ „gentilis“?

Подумайте объ этомъ хоть немного и вы поймете, что, несмотря на

всѣ ихъ обѣщанія, ни химія, ни анатомія, ни республиканизмъ не въ силахъ создать посвоему ни скотовъ, ни джентльменовъ. Порою кажется въ самомъ дѣлѣ, будто они дошли до двухъ моисеевыхъ казней и могутъ сфабриковать лягушекъ во рвахъ и вшей на сушѣ, но претензіи ихъ величайшихъ хвастуновъ не идутъ дальше этой жалкой побѣды.

171. Позвольте мнѣ, друзья мои, серьезно посовѣтовать вамъ отказаться отъ надежды свести принципъ жизни къ мертвой матеріи и постарайтесь направить всѣ ваши усилія на сохраненіе жизни чистой и святой въ живыхъ тѣлахъ, полученныхъ вами; кромѣ того, не ищите ни національной забавы въ истребленіи животныхъ, ни національной безопасности въ истребленіи людей; но стремитесь находить всю вашу радость въ добротѣ, всю вашу мощь къ семейной вѣрности и въ законѣ праотеческой чести. Можетъ быть, теперь вы уже не найдете страннымъ, что при началѣ вашего изученія естественной исторіи я намѣренъ преподавать вамъ не анатомію, а геральдику. Но дѣло въ томъ, что, научившись понимать щиты, припомнивъ рассказы о великихъ англійскихъ родахъ и найдя, что всѣ искусства, прославившія ихъ, были вдохновлены ими же, вы несомнѣнно узнаете, что величайшая тайна національной силы заключается въ честной жизни, а величайшія тайны человѣческаго искусства въ благородствѣ и правдивости.

Л Е К Ц І Я IX.

Исторія Галкіоны.

7-го марта 1872 г.

172. Я долженъ сегодня вкратцѣ повторить содержаніе предыдущихъ лекцій, такъ какъ намъ предстоитъ перейти къ новой отрасли нашего предмета.

Я утверждалъ въ первыхъ двухъ, что премудрость искусства и мудрость науки состоятъ въ ихъ безкорыстной преданности служенію людямъ; въ третьей я говорилъ, что искусство является только отраженіемъ нашего знанія фактовъ и что дѣйствительность должна всегда признаваться прекраснѣе ея отраженія. Въ четвертой лекціи я старался показать, что мудрая скромность искусства и науки на-

ходится въ справедливой оцѣнкѣ силы и знаній другого народа, превышающихъ наши собственныя; въ пятой, что разумное самодовольство искусства и науки зависитъ отъ естественнаго наслажденія нашими собственными знаніями и силой послѣ надлежащей скромной оцѣнки ихъ. Въ шестой лекціи я устанавливаю, что зрѣніе есть явно духовная сила и что его доброта или нѣжность пропорціональны его ясности. Наконецъ, въ седьмой и восьмой лекціи, я утверждалъ, что это духовное зрѣніе, въ связи съ внѣшнимъ видомъ вещей, служитъ источникомъ всѣхъ необходимыхъ знаній въ искусствѣ, и что художнику нѣтъ дѣла до невидимаго строенія органическаго и неорганическаго тѣла.

173. Ему нѣтъ дѣла до невидимаго строенія, но есть дѣло до невидимыхъ вещей, до страсти, до историческаго наслоенія. И въ слѣдующихъ двухъ заключительныхъ лекціяхъ я надѣюсь отчасти оправдаться въ томъ, что сосредоточиваю ваше вниманіе на нѣкоторыхъ предметахъ, которые настолько же пренебрегались въ вашихъ школахъ живописи, насколько несправедливо превозносились точныя науки; я говорю о міеологіи и геральдикѣ.

Я могу только отчасти оправдаться теперь. Интересъ, съ какимъ вы отнесетесь къ этимъ двумъ пренебрегаемымъ наукамъ, послужитъ мнѣ самымъ лучшимъ оправданіемъ. Но сегодня (такъ какъ мы собираемся начать наши упражненія въ рисованіи птицъ), мнѣ кажется, вамъ будетъ интересно пересмотрѣть нѣкоторыя сказанія, относящіяся до естественной исторіи одной простой птицы, и обсудить, какое вліяніе, вѣроятно, будетъ имѣть знакомство съ подобнымъ преданіемъ на вашъ общій взглядъ на одушевленный міръ.

174. Возьмемъ сначала примѣръ отношеній къ птицамъ, характеризующихъ главнымъ образомъ современные англійскіе нравы, вполне свободные отъ суевѣрій.

Въ вашей начальной серіи, вы найдете гравюру Гульда маленькой бѣлой цапли,—самой красивой, по моему мнѣнію, изъ всѣхъ птицъ, посѣщающихъ или, по крайней мѣрѣ, нѣкогда посѣщавшихъ наши англійскіе берега. Крайне деликатная по формѣ, бѣлоснѣжная по оперенію, съ перьями похожими на глазурь матоваго серебра, изящно гибкими, расходящимися по вѣтру подобно струямъ фонтана, это созданіе кажется скорѣе живымъ облакомъ, чѣмъ птицей.

Ее можно видѣть довольно часто въ южной Франціи и Италиі.

Послѣдняя (или предпоследняя?), изъ извѣстныхъ въ Англіи, появилась тридцать лѣтъ тому назадъ, и вотъ какъ она была принята по разсказу теперешняго счастливаго владѣльца ея перьевъ и костей:

„Маленькая бѣленькая цапля, принадлежащая мнѣ, — въ высшей степени красивый экземпляръ. Она была убита крестьяниномъ палкой, въ Акъ-Каррѣ, близъ Веверлея, около 1840 года, и принесена ко мнѣ въ носовомъ платкѣ, пропитанномъ черной липкой грязью и кровью; въ такомъ же видѣ она была отослана мистеру Риду, изъ Донкастера, и выдѣлана превосходно“.

175. Вы сразу поймете, что крестьянинъ, раздробившій птицу палкой на куски кроваваго мяса, не могъ, въ истинномъ смыслѣ слова, видѣть птицы; въ виду этого, или чего-нибудь подобнаго, онъ не могъ и получить удовольствія.

Вы понимаете, что возможность видѣть птицу являлась у него прямо пропорціонально его желанію не убивать ее, а наблюдать ея жизнь. Да, это общій законъ: вы можете видѣть какое-нибудь существо настолько, насколько вы наслаждаетесь его жизнью, но не иначе.

И развѣ вы не поймете, что, давъ крестьянину возможность видѣть какъ слѣдуетъ птицу, вы тѣмъ самымъ, въ значительной степени, поможете его воспитанію?

176. Да вы, навѣрное, прошли бы, въ концѣ-концовъ, хоть треть пути къ его воспитанію. Затѣмъ слѣдовало бы достигнуть, чтобы онъ могъ видѣть человѣка, какъ слѣдуетъ, могъ бы понять и полюбить все хорошее въ немъ, и, предполагая, что его хозяинъ человѣкъ недурной, радоваться общенію съ нимъ. Вамъ стало бы ясно, что такимъ путемъ онъ воспитался бы лучше, чѣмъ если бы его влекло, просунувъ ружье въ изгородь, стрѣлять въ своего хозяина.

Наконецъ, послѣдняя часть воспитанія должна состоять въ томъ, чтобы узрѣть Бога, что разумѣется подъ блаженствомъ чистыхъ сердцемъ, — но объ этомъ я не буду говорить сегодня.

177. И во всѣхъ этихъ фазахъ воспитанія, главный пунктъ, замѣтите, заключается въ томъ, чтобы это было блаженство, чтобы человѣкъ научился χαίρειν ορθῶς, а эта радость главнымъ образомъ въ дѣйствительной способности видѣть. Эту же истину ясно выразилъ Дантъ, когда, представъ на небѣ передъ Беатриче, сказалъ,

что глаза его получили „удовлетвореніе за свою десятилѣтнюю жажду“.

Въ этомъ, повторяю, вся суть воспитанія. Вся литература, искусство и наука бесполезны, если онѣ не доставляютъ вамъ радости, и притомъ истинной радости. Я ясно сознаю свою обязанность заявить, несмотря на мое глубокое и искреннее уваженіе къ достойнымъ воспитателямъ этого университета, что, по моему мнѣнію, наши современные методы преподаванія, и главнымъ образомъ учрежденіе строгихъ и частыхъ экзаменовъ, положительно противны этой великой цѣли, и что въ результатъ этого соревнованія въ работѣ юношей неизбѣжно получается, что они приобрѣтаютъ ложныя свѣдѣнія изъ своихъ знаній, и питаютъ ненависть къ способу обученія; такъ что, вмѣсто того, чтобы, являясь въ Оксфордъ, работать съ удовольствіемъ, люди смотрятъ впередъ на годы, которые имъ предстоитъ въ немъ провести, какъ на смертельную агонію, изъ которой они желаютъ, а иногда, ради жизни, и должны выйти.

178. Я возвращаюсь къ своему крестьянину и его бѣлой цаплѣ. Вы всѣ съ ужасомъ думаете объ этомъ человѣкѣ, до смерти убивающемъ птицу, какъ какой-нибудь извергъ. Онъ и есть таковъ; но далеко ли ушли отъ него мы, англійскіе джентльмены? Вообще мы деликатнѣе воспитаны и гнушаемся мысли объ избіеніи птицъ и завладѣніи ихъ перьями. Это пока вѣрно и хорошо. Но по вѣмъ вѣроятіямъ этотъ крестьянинъ, какъ ни былъ онъ грубъ и жестокъ, занимался въ теченіе остального дня другимъ чѣмъ-нибудь, помимо избіенія птицъ. Я же серьезно спрашиваю васъ, есть ли у англійскихъ джентльменовъ, какъ у извѣстнаго класса, какое-нибудь другое реальное занятіе, помимо избіенія птицъ? Если они признаютъ какую-нибудь обязанность, то, конечно, будутъ исполнять ее до конца жизни; но имѣтъ ли англійская аристократія въ настоящій моментъ ясное понятіе о своей обязанности? Я глубоко и серьезно увѣренъ, что ихъ каста убѣждена, что ея жизнь, въ отличіе отъ жизни низшихъ существъ, должна быть посвящена стрѣльбѣ. И это идея не такой касты, которой въ настоящее время Англія можетъ долѣе управляться.

179. Сегодня у меня нѣтъ времени подробнѣе развивать мой аргументъ; но я сказалъ, кажется, достаточно, чтобы убѣдить васъ въ вѣрности положенія моей главной теоремы, а именно, что чтеніе и письмо не составляютъ воспитанія, если они не содѣйствуютъ раз-

вѣтію въ насъ добрыхъ чувствъ ко всему живому, но что рисованіе, и главнымъ образомъ фізіологическое рисованіе, есть наиболѣе цѣнное жизненное воспитаніе. Много сдѣлалъ бы также хорошаго какой-нибудь англійскій землевладѣлецъ, сохраняя свое помѣстье въ его первобытной дикости; и пусть каждое живое существо, предпочитающее поселиться на немъ, наслаждается миромъ, что это едвали будетъ достигнуто всѣми толками лордовъ въ парламентѣ, пока хватитъ нашей жизни, чтобъ выслушивать ихъ; я даже отважусь повѣдать вамъ свою надежду, хотя и умру гораздо ранѣе ея осуществленія, что наступитъ день, когда англійскій народъ дѣйствительно пойметъ, что значить воспитаніе, и окружить этотъ университетъ самымъ лучшимъ въ Англии паркомъ, разбитомъ на двадцати квадратныхъ миляхъ; что онъ запретитъ въ окрестности этого зданія всякія грязныя, механическія, пошлыя ремесла и производства, какъ не допускаетъ ихъ теперь въ своемъ саду любой владѣлецъ; что онъ уничтожитъ всѣ грязныя и безобразныя постройки, всѣ гнѣзда порока и нищества, какъ бы изгоняя, дьявола; — что чистые источники Изиса и Червеля будутъ спокойно течь среди луговъ и деревьевъ; и что въ предѣлахъ этого парка будутъ привольно расти всѣ полевые англійскіе цвѣты, которые могутъ цвѣсти на равнинахъ, и всѣ живыя твари, заходящія въ лѣса и къ источникамъ, будутъ знать, что тутъ для нихъ имѣется счастливое убѣжище.

Теперь вернемся къ нашему безотлагательному дѣлу.

180. Естественная исторія чего бы то ни было, или исторія любыхъ живыхъ тварей, раздѣляется собственно на три отрасли. Во-первыхъ, мы должны собрать и разсмотрѣть преданія относительно даннаго предмета, чтобы знать, какое вліяніе имѣло до сихъ поръ его существованіе на умы людей, и обладать всѣми существующими данными, которыя могутъ помочь нашимъ изслѣдованіямъ или руководить нашими мыслями о немъ.

Во-вторыхъ, мы должны разсмотрѣть и описать предметъ или существо, въ его настоящемъ состояніи, руководясь наивозможно болѣе точными наблюденіями. Наконецъ, мы должны изслѣдовать, по какимъ химическимъ и физическимъ законамъ вещество, изъ котораго сдѣланъ предметъ, было составлено.

Такимъ образомъ намъ нужно узнать, во-первыхъ, поэзію его,

т. е. то, чѣмъ онъ былъ для человѣка, или что человѣкъ сдѣлалъ изъ него.

Во-вторыхъ, — дѣйствительные факты его существованія.

Во-третьихъ, — физическія причины этихъ фактовъ, если мы можемъ открыть ихъ.

181. Теперь въ обыкновеніи и, можетъ быть, вообще умѣстно удерживать терминъ „естественная исторія“ только для двухъ послѣднихъ отраслей знанія. Для меня безразлично, какъ бы мы ни назвали первую отрасль; но въ отчетахъ о животныхъ, которые я готовлю для своей оксфордской школы, главнымъ пунктомъ у меня будетъ ихъ миология, вторымъ — ихъ дѣйствительное состояніе и внѣшній видъ (вторымъ, потому что до сихъ поръ это почти всегда только полуизвѣстно); анатомію же и химію ихъ тѣлъ я, какъ уже было сказано, разсматриваю очень рѣдко и только отчасти, но зато я буду употреблять величайшія усилія, чтобы ознакомиться съ образомъ жизни живыхъ существъ, узнать ихъ изобрѣтательность, наклонности, радости и духовныя силы, — другими словами, чтобы опредѣлить, каково ихъ искусство и ихъ привязанности и какъ эти искусства и привязанности подготовлены ихъ внѣшней формой.

182. Я говорю обдуманно и напираю, на словѣ подготовлены въ противоположность чрезмѣрно - распространенному въ современномъ обществѣ понятію о формѣ, случайно развившейся путемъ повторныхъ импульсовъ. Безъ сомнѣнія, вѣрно, что внѣшній видъ и свойства камней, цвѣтовъ, птицъ, животныхъ и людей находятся въ неразрывной связи съ условіями, среди которыхъ имъ приходится существовать; но методъ этой связи безконечно разнообразенъ; далеко не случайный, онъ кажется страннымъ, иногда ужасно произвольнымъ; но ни камень, ни цвѣтокъ, ни животное ни человѣкъ не могутъ постичь смысла этого произвола или понять, почему Творецъ создалъ такъ.

183. Возьмемъ простѣйшій изъ примѣровъ, который для васъ, какъ художниковъ, можетъ быть также однимъ изъ самыхъ важныхъ. Опредѣлено, что позвоночныя животныя могутъ имѣть не болѣе четырехъ ногъ, и что если имъ нужно летать, то переднія ноги должны становиться крыльями; большее же число членовъ, входящихъ изъ позвоночнаго столба, закономъ не допускается. Можетъ ли какой-либо законъ быть задуманъ болѣе произвольно и,

повидимому, болѣе безпричинно? Какія устойчивыя трехногія животныя могли бы быть? Какъ симметрично лучезарны были бы пятиногія! А шестикрылые? Какъ предусмотрительны были бы семиголовыя! Еслибы теорія Дарвина была вѣрна, то мы бы нашимъ безумнымъ мышленіемъ задолго до нея расщепили бы свою голову на двѣ или выпустили бы изъ своихъ честолюбивыхъ сердець сотню жадныхъ заgreбистыхъ рукъ. Но вокругъ насъ и внутри насъ есть непобѣдимый законъ, отдающій наши тѣла во власть воли и обстоятельству только до извѣстной границы, за предѣлами которой онъ ненарушимъ, неисповѣдимъ и, насколько намъ извѣстно, вѣченъ.

184. Для всякаго низшаго животнаго установлены подобныя же законы; подъ ихъ властью оно способно измѣняться, невидимо претерпѣвать колебанія въ опредѣленныхъ границахъ, за предѣлы которыхъ, по имѣющемуся на лицо опыту, оно переступить не можетъ. Приспособленіе къ жизненнымъ условіямъ орудій, которыми оно обладаетъ въ лицѣ своихъ членовъ, всегда непосредственное, а иногда и красивое; но въ большинствѣ случаевъ частичное и неразлучное съ тяжелымъ добавочнымъ усиліемъ. Нѣкоторыя животныя принуждены копать носами, другія — строить хвостами, третьи — прясть животами; ихъ ловкость обыкновенно незначительна, а ихъ неловкость безгранична; — левъ постоянно затрудняется, какимъ образомъ держать кость, а орелъ съ трудомъ можетъ разорвать мясо не перевернувшись.

185. Вамъ нѣтъ надобности производить въ настоящее время изслѣдованія относительно происхожденія этой неловкости, этого несовершеннаго или страннаго видоизмѣненія формы и силы: человѣческому роду, по всей вѣроятности, предназначено въ жизни удивляться и сознать свое невѣжество; но если ему суждено узнавать когда-нибудь одну изъ тайнъ своего собственнаго или животнаго существованія, то это знаніе дается ему несомнѣнно только дисциплинированной добродѣтью, а не любознательностью науки. Я только что употребилъ выраженіе „еслибы теорія Дарвина была вѣрна“, предполагая ея заблужденіе, считая ея ошибочность безусловно неизвинительной при современномъ состояніи нашего знанія; я могу положительно вамъ сказать, что никогда еще не слышалъ ни одного логическаго аргумента въ ея пользу, хотя читалъ и слышалъ многое, въ ея пользу такого, что не заслуживаетъ вниманія. Напримѣръ, когда вы нѣсколько разъ поупражняетесь въ

рисованіи перьевъ алкіона, то вы сильнѣе, чѣмъ прежде, заинтересуетесь устройствомъ и расположеніемъ волоконъ пера и, въ надеждѣ на помощь, можетъ быть, обратитесь къ изслѣдованію Дарвина относительно перьевъ павлина. Я и самъ обращался къ нему, надѣясь узнать что-нибудь изъ существующихъ жизненныхъ законовъ, регулирующихъ мѣстное расположеніе окраски. Но объ этомъ, повидимому, у него нѣтъ свѣдѣній, и я узналъ только, что павлинь произошелъ отъ темныхъ черныхъ фазановъ, такъ какъ молодая самка черныхъ фазановъ любитъ красивыя перья. Тѣмъ временемъ я сказалъ себѣ: „Въ такомъ случаѣ или существовалъ особенный видъ черныхъ фазановъ, съ оригинальнымъ врожденнымъ вкусомъ къ красивымъ перьямъ, а слѣдовательно, и съ замѣчательными глазами,—что было бы гораздо болѣе важной отличительной чертой этого вида, чѣмъ замѣчательныя глаза на ихъ хвостахъ,— или же всѣ фазаны сдѣлались бы уже теперь павлинами. И я уже не обращаю больше вниманія на теорію Дарвина.

Когда вы срисуете со вниманіемъ нѣкоторые изъ образцовъ перьевъ и чешуй, вы, надѣюсь, убѣдитесь, что спектръ органическихъ видовъ по крайней мѣрѣ настолько же ясенъ, какъ и спектръ металловъ или газовъ; но изучайте во всякомъ случаѣ ихъ настоящее состояніе и не обращайтесь на то, чѣмъ они были.

186. Вамъ такъ же нѣтъ дѣла до методовъ классификаціи, какъ и до происхожденія видовъ. Пусть фізіологи изобрѣтаютъ названія и разсуждаютъ о нихъ; ваша обязанность—знать существо, а не названіе его, временно принятое въ научныхъ кругахъ. Какую практическую пользу можете вы извлечь изъ принятаго въ настоящее время порядка и принятаго безъ спора? Насколько возможно, употребляйте при этомъ англійскія слова или будьте увѣрены, что понимаете латинскія.

187. Напримѣръ, принятый въ настоящее время порядокъ въ распредѣленіи видовъ птицъ основанъ, какъ вамъ извѣстно, только на способѣ употребленія ими ногъ.

Нѣкоторыя ловятъ или хватаютъ свою добычу и называются „хищными“—*raptores*.

Нѣкоторыя ютятся на вѣтвяхъ и *называются* сидячими—*insesores*.

Нѣкоторыя лазаютъ и цѣпляются по вѣтвямъ и носятъ названіе лазуновъ—*scansores*.

Нѣкоторыя копаютъ когтями землю и называются царапающими—rasores.

Нѣкоторыя стоятъ въ водѣ въ неглубокихъ мѣстахъ или переходятъ ее въ бродъ, имѣя длинныя ноги, и называются „голенастыми ходоками“ — grallatores.

Нѣкоторыя плаваютъ, употребляя ноги, какъ весла, и называются „лапчатоногими“ — natatores.

188. Эта классификація не научна, потому что есть много хищныхъ и роющихъ землю, которыя сидятъ на деревьяхъ такъ же хорошо, какъ и insessores; а многія изъ лапчатоногихъ, бывая на берегу, сидятъ даже лучше самихъ insessores, а „insessor“ значить собственно не сидящій, а осаждающій; и неловко и называть птицу „Rasor“. До сихъ поръ употребленіе ногъ было характерно въ общемъ и удобно для первоначальной грубой классификаціи; но во всѣхъ отношеніяхъ лучше употреблять полное англійское названіе, чѣмъ натянутое латинское, или дурной переводъ его. Линней для всѣхъ своихъ классовъ, исключая голенастыхъ, пользуется названіемъ отдѣльныхъ птицъ, наиболѣе типичныхъ для своего класса; хищныхъ онъ называетъ „соколами“ (Accipitres), лапчатоногихъ „гусьями“ (Anseres), роющихъ землю, „курами“, (Gallinae), а сидящихъ „воробьями“ (Passeres). У него нѣтъ класса лазящихъ, но есть другой, пропущенный Кювье,—классъ „сорокъ“, который я прошу васъ удержать въ силу нѣкоторымъ мисологическимъ сказаніемъ, на которыя слѣдуетъ обратить вниманіе. При этомъ вамъ придется запомнить только семь разрядовъ, и каждый изъ нихъ мы назовемъ по имени той птицы, которая является наилучшей его представительницей. Соколы имѣютъ несомнѣнное право быть представителемъ хищниковъ, соперница его, цапля—представительницей голенастыхъ ходоковъ; вы найдете это вполне умѣстнымъ и удобнымъ, потому что у нѣкоторыхъ птицъ этой породы клювы загнуты внизъ, у другихъ вверхъ, клювъ же цапли прямъ, и благодаря этому она представляетъ средній типъ. Затѣмъ, чайка несомнѣнно является лучшей представительницей плавающихъ, чѣмъ гусь, а фазанъ лучшимъ представителемъ роющихъ, чѣмъ куры. Мы возьмемъ попугая для лазящихъ, сороку для прыгающихъ и воробья для сидящихъ. Затѣмъ, для лучшаго запоминанія, возьмемъ ихъ въ слѣдующемъ порядкѣ: соколы, попугаи, сороки, воробьи, фазаны, чайки, цапли. Тутъ вы будете имѣть соколовъ на одномъ концѣ, Орлиное гнѣздо.

цаплей на другомъ, воробьевъ по срединѣ, съ сороками по одну сторону ихъ и съ фазанами по другую. Затѣмъ попугаи станутъ обязательно рядомъ съ соколами, а чайки рядомъ съ цаплями.

189. Птица, мистическую исторію которой я собираюсь рассказать вамъ, принадлежитъ по своимъ характернымъ признакамъ главнымъ образомъ къ тому разряду сорокъ, *писае*, или разрисованныхъ птицъ, которыхъ греки противопоставляли всегда въ своихъ разсужденіяхъ и сказаніяхъ пѣвчимъ птицамъ, считая представительницей первыхъ сороку, а представителемъ вторыхъ соловья. Мифъ объ Автоликѣ и Филамонѣ, и прекрасный разсказъ Пиндара о невѣрности Корониса составляютъ центръ почти всѣхъ безчисленныхъ традицій, — полныхъ значенія и находящихся въ извѣстномъ отношеніи къ различнымъ *ποικιλία*, къ глазу и уху этихъ противоположныхъ породъ птицъ. Идея грековъ объ алкіонѣ соединяла оба эти источника восторга. Я прочту вамъ тѣ отрывки о немъ, которые нахожу наиболѣе интересными по ихъ краткости; вотъ самый простой сначала:

190. „И трахинскій царь, сынъ Утренней Звѣзды, женился на Галькіонѣ. И погибли они оба отъ своей гордости, такъ какъ король называлъ свою жену Герой, а она его Зевесомъ. Зевесъ же превратилъ ихъ въ птицъ, его въ алкіона, а ее въ морскую чайку“. — Apollodorus, i, 7, 4.

„Когда же трахинскій царь, сынъ Фосфора или Люцифера, погибъ при кораблекрушеніи, и жена его Галькіона, дочь Эола, изъ любви къ нему бросилась въ море, то оба они по волѣ боговъ превращены были въ птицъ, называемыхъ алкіонами. Лѣтомъ эти птицы вьютъ гнѣзда, кладутъ яйца и выводятъ птенцовъ на морѣ, и море бываетъ спокойно въ это время, которое моряки называютъ алкіоніей“. — Hyginus, Fab. LXV.

191. „И имѣлъ трахинскій царь, сынъ Люцифера, жену Галькіону. Онъ захотѣлъ посовѣтоваться съ оракуломъ Аполлона о состояніи своего царства и, несмотря на запрещеніе жены, отправился къ нему, но погибъ при кораблекрушеніи. Когда же тѣло его принесли къ женѣ, она сама бросилась въ море. Впослѣдствіи по волѣ Остиса и Люцифера оба они были превращены въ морскихъ птицъ, называющихся алкіонами. И вамъ слѣдуетъ знать, что Галькіона есть названіе жены, и что слово это женскаго рода, но названіе птицы алкіонъ относится и къ самгѣ и къ самцу и во множественномъ алкі-

оны. И птицы эти среди зимы вьютъ гнѣзда на морѣ, и тишина въ эти дни такъ невозмутима, что лишь съ трудомъ замѣчается какое бы то ни было движеніе на морѣ. Поэтому и дни эти названы Алкіоніей“. — Servius, in Virg. Georg. i, 399.

192. Спариваніе птицъ, какъ я уже сказалъ, происходитъ большею частью весной и раннимъ лѣтомъ, но исключеніе изъ этого составляютъ алкіоны. Алкіонъ выводитъ дѣтей приблизительно ко времени поворота зимы, и если эти дни тихи, то называются алкіоновыми (*ἀλκυόνες*); семь ихъ до поворота и семь послѣ, какъ выразилъ это Симонидъ въ слѣдующихъ стихахъ (*ἑποίησεν*):

„Когда въ зимній мѣсяцъ Зевсъ даруетъ мудрость тишины четырнадцати днямъ, тогда жители берега зовутъ это часомъ сокрытія вѣтра, священной кормилицей пятистаго алкіона“.

„Въ первые семь дней алкіонъ, говорятъ, кладетъ яйца, а въ позднѣйшіе семь выводитъ птенцовъ и кормитъ ихъ. Дѣйствительно, здѣсь въ греческихъ моряхъ алкіоновы дни не всегда совпадаютъ съ солнцестояніемъ, но въ сицилійскомъ морѣ почти всегда. *Aethuia* и *Iagos* выводятъ птенцовъ (по двѣ или по три штуки) среди скалъ на берегу моря; *Iagos* лѣтомъ, а *aethuia* ранней весной, тотчасъ же по поворотѣ солнца, и высиживаютъ ихъ, какъ и остальные птицы. И ни одна изъ этихъ птицъ не лежитъ зимой неподвижно въ ямахъ, но алкіонъ изъ всѣхъ птицъ виденъ всего рѣже, такъ какъ онъ едва появляется за исключеніемъ времени заката и поворота Плеядъ, и то показывается всего одинъ разъ и исчезаетъ; случайно онъ иногда облетаетъ вокругъ корабля, стоящаго на якорѣ, и мгновенно улетаетъ“. Aristotel, *Hist. Av. v. 8, 9.*

193. „Теперь мы охотно готовы превозносить пчелу и считать ее мудрымъ созданіемъ, готовы одобрять законы, по которымъ она собираетъ желтый медъ, такъ какъ мы обожаемъ пріятность щекотанія неба, производимое его сладостью: но мы не обращаемъ никакого вниманія на мудрость и искусство другихъ созданій при выводѣ ими птенцовъ, напр., алкіона, которая, собираясь нести яйца, устраиваетъ гнѣздо, набирая иглы морской нокотницы; переплетая ихъ внутри и снаружи и соединяя вмѣстѣ по концамъ, она заканчиваетъ свое гнѣздо; все оно кругомъ и въ длину какъ бы сплетено по плану, соответственно неводу рыбака; и затѣмъ она помѣщаетъ его тамъ, гдѣ волны ударяются объ него, пока грубая его поверхность не окажется вся сплошь задѣланной; и оно становится такъ твердо,

что ударъ желѣза или камня нелегко можетъ разбить его; но, что еще удивительнѣе, такъ это то, что отверстие гнѣзда вполнѣ сдѣлано по росту и размѣру алкіона, такъ что никакая птица больше и никакая меньше алкіона не можетъ сѣсть на него, и потому говорятъ, что „ни само море и ни малѣйшая капля его не попадетъ въ гнѣздо“. Plutarch: De Amore Proles.

Я оставилъ подъ конецъ діалогъ Лукіана „Галкіона“, чтобъ показать вамъ, какъ тонъ христіанской мысли и сказаніе о хожденіи Христа по водѣ начали проскальзывать въ языческую литературу.

Сократъ—Хэрефонъ.

194. *Хэрефонъ*. Что это за плачь, Сократъ, долетающій до насъ со взморья? Какой онъ пріятный! Чей голосъ можетъ это быть? Существа, живущія на морѣ, всѣ нѣмы.

Сократъ. И однакоже это морское существо, Хэрефонъ, это птица, называемая Галкіонъ, относительно которой существуетъ древнее сказаніе, что она была дочерью Эола и, оплакивая въ юности потеряннаго мужа, получила по волѣ боговъ крылья, а теперь летаетъ надъ моремъ, ища того, кого не могла найти всюду на землѣ.

Хэрефонъ. И неужели это дѣйствительно крики Галкіона. Я никогда ихъ не слыхалъ; они, дѣйствительно, очень жалобны. Велика ли эта птица, Сократъ?

Сократъ. Не велика; но она пріобрѣла большой почетъ у боговъ за свою нѣжность; и пока она вьетъ свое гнѣздо, весь міръ наслаждается тѣми счастливыми днями, которые называются въ честь ея, такъ какъ отличаются отъ остальныхъ своей тишиной, хотя и бывають въ періодъ бурь; и вотъ теперь одинъ изъ такихъ дней, лучше котораго едва ли мы видѣли. Смотри, какъ ясно небо и какъ спокойно это море, гладкое словно зеркало!

Хэрефонъ. Ты правъ, и вчера былъ точно такой же день. Но скажи мнѣ, Сократъ, именемъ боговъ, какъ можно вѣрить древнимъ сказаніямъ о томъ, чтобы птицы обращались когда-нибудь въ женщинъ, или женщины въ птицъ; вѣдь едва ли есть что-нибудь болѣе невѣроятное?

195. *Сократъ*. О, дорогой Хэрефонъ, мы по всѣмъ вѣроятіямъ очень жалкіе и слѣпые судьи того, что можетъ быть возможнымъ

и что нѣтъ; такъ какъ мы обо всемъ судимъ, сравнивая съ чело-
вѣческой силой силу невѣдомую намъ, невидимую и недоступную
нашему воображенію; поэтому многія легкія и легкодостижимыя
вещи кажутся намъ трудными и недоступными; и мы думаемъ такъ
о нихъ частью по неопытности, частью по дѣтскому безумію на-
шего разсудка. Вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, каждый человѣкъ, даже
пожилой, можетъ считаться за ребенка; такъ какъ наша жизнь,
по сравненію съ вѣчностью, ничтожна. И мы, добрый другъ, ни-
чего не зная о власти боговъ или о силахъ природы, можемъ
ли сказать, насколько возможна или невозможна та или другая
вещь? Ты видѣлъ, Хэрефонъ, какая буря была третьяго дня; не-
вольно содрогаешься даже при одномъ воспоминаніи о ней; молнія,
громъ и внезапные порывы вѣтра были такъ ужасны, что можно
было подумать, будто гибнетъ вся земля; а между тѣмъ быстро
настала та дивная тишина, которая царитъ даже и теперь. И какъ
ты думаешь, какое дѣло выше и труднѣе: превратить ли мучитель-
ный ураганъ въ такую тишь и воцарить во вселенной миръ или
придать формѣ женщины форму птицы? Вѣдь въ дѣйствительной
жизни мы видимъ, какъ очень маленькія дѣти, умѣющія мѣсить
глину, дѣлаютъ тоже нѣчто подобное; часто изъ одного и того же
куска они выдѣлываютъ одну форму за другой, самаго разнообраз-
наго вида, и безспорно, для духовныхъ силъ природы, которыя не-
измѣримо выше и могущественнѣе насъ, всѣ подобныя вещи не пред-
ставляютъ никакой трудности. Или, насколько думаешь ты, небеса
выше и могущественнѣе тебя—можешь ли ты это сказать?

Хэрефонъ. Кто изъ людей, Сократъ, можетъ рѣшить или дать
отвѣтъ на такіе вопросы?

196. *Сократъ.* Мало того; развѣ мы не видимъ, при сравненіи
людей, удивительную разницу въ ихъ дарованіяхъ и немощахъ;
возьми, напр., человѣка въ полномъ мужествѣ его силъ—развѣ его
могущество не представляетъ настоящаго чуда сравнительно съ си-
лами пяти или десятидневнаго ребенка; и если мы видимъ, что
одинъ человѣкъ такъ превосходитъ другого, то что можемъ мы
сказать относительно того, какую должна представляться сила всего
неба сравнительно съ нашей въ глазахъ того, кто можетъ охва-
тить ихъ мыслью своею и сравнивать? Точно такъ же для тебя, для
меня и для многихъ подобныхъ намъ невозможны разныя вещи,
которыя легки для другихъ: напр., пѣть не зная музыки или читать

и писать, не зная грамоты, болѣе невозможно, чѣмъ превращать женщинъ въ птицъ или птицъ въ женщинъ. Вѣдь природа какъ бы игрою случая и грубой притчей изъ измѣняемаго матеріала создаетъ форму безногаго и безкрылаго существа, затѣмъ ставитъ его на ноги или придаетъ ему крылья, и, заставляя его блистать яркимъ разнообразіемъ различныхъ цвѣтовъ, порождаетъ, наконецъ, хотя бы мудрую пчелу, дающую божественный медъ; или изъ безгласнаго и бездушнаго яйца выводитъ множество разныхъ видовъ летающихъ, ходящихъ и плавающихъ существъ, примѣняя къ тому же (какъ гласитъ древнее сказаніе) священное искусство великаго Эфира *). И мы, существа смертныя и ничтожныя, не способныя ясно видѣть ни великаго ни малаго, въ большинствѣ случаевъ даже безсильныя помочь себѣ въ нашихъ бѣдствіяхъ — что можемъ мы сказать о силахъ бессмертныхъ боговъ, хоть бы относительно галкіона или соловья? Но смыслъ этого сказанія, какъ оно передано отцами и нами передается дѣтямъ, таковъ: о, ты птица, поющая о горѣ, я передамъ о твоихъ пѣсняхъ и буду самъ часто воспѣвать твою религіозную и человѣческую любовь и ту славу, которую ты за нее снискала отъ боговъ. Не будешь ли и ты, Хэрефонъ, поступать такъ же?

Хэрефонъ. О, Сократъ, такъ, дѣйствительно, слѣдуетъ поступать, ибо въ этомъ двойное утѣшеніе для мужчинъ и женщинъ въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ.

Сократъ. Преклонимся же передъ Галькіоной и вернемся пещерами въ городъ; уже пора.

Хэрефонъ. Да, сдѣлаемъ такъ.

197. Примѣчаніе схолиаста къ этому діалогу единственное мѣсто, изъ котораго я могу почерпнуть приблизительно ясное описаніе греческаго алкіона. Она, такъ значится въ примѣчаніи, величиной съ маленькаго воробья (вопросъ о томъ, какой величины былъ греческій воробей, мы должны пока оставить открытымъ); цвѣта она сѣраго съ синимъ и съ пурпуровымъ отблескомъ сверху и надѣлена тонкимъ, длиннымъ клювомъ; клювъ у нея „choloros“ что я рискую переводить „зеленый“, когда рѣчь идетъ о перьяхъ, но по отношенію къ клюву это слово, можетъ быть, означаетъ что-нибудь другое. Затѣмъ повторяются свѣдѣнія, встрѣчаемыя и у

*) Замѣтьте это выраженіе относительно могущества творящей Лейны.

другихъ, относительно того, какъ она вьетъ гнѣздо; при чемъ величина гнѣзда приравнивается къ величинѣ лѣкарственной тыквы. Наконецъ авторъ примѣчанія прибавляетъ, что существуетъ два вида алкіона, одинъ больше другого, и птицы, принадлежація къ первому виду, молчаливы, болѣе же мелкія любятъ пѣніе (фѣдихъ); и самки ихъ, говоритъ онъ, такъ вѣрны своимъ самцамъ, что когда послѣдніе состарятся, самки подлетаютъ подъ нихъ и переносятъ на себѣ, куда бы имъ ни захотѣлось перелетѣть; когда же самецъ умираетъ, самка перестаетъ и пить и ѣсть и тоже умираетъ. И существуетъ такая разновидность этой птицы, услышать голосъ которой есть вѣрный признакъ того, что скоро самъ умрешь“.

198. Надѣюсь, вы извините меня, что, прочтя вамъ эти милыя басни, я не стану развлекать или удерживать ваше вниманіе на затруднительныхъ изслѣдованіяхъ о томъ, до какой степени онѣ достаточно основаны на извѣстныхъ фактахъ изъ жизни зимородка.

Я былъ бы гораздо болѣе доволенъ, еслибъ вы остались подъ впечатлѣніемъ того, какое вліяніе пріятная окраска и порывистое появленіе этой птички имѣли на душу людей. Я могу доставить вамъ нѣкоторое удовлетвореніе, увѣривъ васъ, что алкіонъ, встрѣчающійся въ Англіи, самый обыкновенный алкіонъ Греціи и Палестины; и я могу тутъ же доказать вамъ дѣйствительную пользу отъ знакомства съ преданіями о немъ, прочтя вамъ двѣ строфы изъ поэта, наиболѣе знакомаго для слуха англичанъ; но эти стихи, я увѣренъ, покажутся вамъ въ совершенно новомъ свѣтѣ послѣ всего сказаннаго. Замѣьте въ особенности, какъ знаніе того, что Галькіона была дочерью Эола, а Кеиксъ сыномъ Утренней Звѣзды, неотступно преслѣдуетъ Мильтона въ слѣдующихъ стихахъ:

„Но тиха была та ночь, въ которую царь свѣта началъ свое царство мира на землѣ; вѣтеръ своимъ дуновеніемъ, въ полномъ удивленіи, нѣжно лобзалъ воду, нашептывая о новыхъ радостяхъ спокойному океану, который теперь совсѣмъ забылъ уже ревѣть, и тихія птицы высиживали яйца на очарованныхъ его волнахъ.

„Звѣзды въ глубокомъ удивленіи остановили свое теченіе и, не отводя своихъ взоровъ, озаряли только одно мѣсто своимъ благотворнымъ вліяніемъ; онѣ не стремились продолжать своего полета, не смотря на то, что Люциферъ грозилъ грядущимъ утреннимъ свѣтомъ;

и своими мерцающими зѣницами онѣ продолжали свѣтить, пока Самъ ихъ Творецъ не заговорилъ и не повелѣлъ имъ продолжать путь“.

199. Я только утомилъ бы васъ, еслибъ попытался дать вамъ какое-нибудь толкованіе сильно переплетенной ткани греческихъ сказаній, находящихся въ связи съ исторіей Галькіоны. замѣтите, что я всюду говорю „Трахинскій царь“, вмѣсто Кеикса. Это отчасти потому, что я не знаю, какъ произносить слово Кеиксъ, по-гречески или по-латыни, но главнымъ образомъ для того, чтобъ вы обратили вниманіе, что это сказаніе о чайкѣ и Галькіонѣ,—такъ же извѣстное теперь всему міру, какъ и крикъ чайки—, первоначально возникло въ „Грубой странѣ“ или скалистой странѣ у подножья горы Эты, ставшей священной для грековъ вслѣдствіе смерти Геракла; и замѣтите странную связь этой смерти съ исторіей Галькіоны. Гераклъ отправляется въ эту „грубую страну“, ища покоя; всѣ бури и тревоженія его жизни миновали, какъ онъ думаетъ. Но встрѣчаетъ здѣсь объятія смерти.

Насколько я могу составить себѣ понятіе объ этой грубой или мрачной странѣ по описаніямъ полковника Лика или любого изъ путешественниковъ, она должна сильно быть похожа на известковые утесы, вблизи Альтдорфа, спускающіеся къ долинѣ, начиная съ Винджелскаго хребта, и дающіе у подножья начало безукоризненно чистымъ потокомъ, кажушимся зеленовато-синими среди травы.

Павзаній, какъ вы легко можете замѣтить, называетъ источники, вытекающіе изъ Оермопилъ, самыми синими водами, которыя опъ когда-либо видѣлъ; и если вы представите себѣ Люцернское озеро текущимъ внутрь страны отъ Артеми, то получите ясную, полезную и во всѣхъ серіозныхъ отношеніяхъ точную картину той мѣстности, въ которой лучшій герой грековъ долженъ былъ по ихъ мнѣнію умереть. Вы можете также не безъ пользы вспомнить, что Моргартенъ—эти Оермопилы Швейцаріи—находится у небольшого озера Эжери, менѣе чѣмъ въ десяти миляхъ отъ этой Альтдорфской бухты, и что Геркулесъ Швейцаріи родился среди этихъ Оракійскихъ утесовъ.

Если, далѣе, вы вспомните, что алкіона дѣйствительно видѣла летающимъ надъ синими волнами этихъ источниковъ, словно одну изъ волнъ этихъ водъ, выхваченную и освѣщенную солнцемъ, и что чайки посѣщаютъ утесы, то увидите, какъ физическія условія видоизмѣняютъ смыслъ словъ каждаго мифическаго сказанія.

Я не могу выразить вамъ, до какой степени мнѣ кажется страннымъ—и съ каждымъ днемъ все страннѣе,—то обстоятельство, что я не могу найти о такихъ памятныхъ мѣстностяхъ, какъ эти, ни одного рисунка, ни одного опредѣленного отчета, на которые я могъ бы вамъ указать, но долженъ, насколько могу, выяснять и воспроизводить ихъ образъ для васъ по тѣмъ отрывочнымъ подобіямъ ихъ, какія представляетъ намъ Швейцарія. Ни одинъ благородный англичанинъ не можетъ пройти курса общественной школы безъ того, чтобъ не слышать о Оракии; и однакоже я думаю, что мы можемъ лучшее составить себѣ понятіе о формахъ горъ на лунѣ, чѣмъ о горѣ Эты. И что сдѣлало искусство, чтобъ помочь намъ? Сколько имѣется Скиддау или Бенвенсо на одну Эту—да и одна едва ли есть? И когда англійскій джентльменъ становится покровителемъ искусства, онъ пользуется своими слугами-художниками, чтобъ заставлятъ ихъ рисовать себя и свой домъ; когда Тернеръ въ молодости старался запечатлѣть въ нашемъ умѣ міоологию и нарисовать намъ картину греческихъ сценъ, влагая всю свою мощь въ усиліе постичь ихъ, благородныя эти картины остались въ его галлерей; и чтобъ добыть себѣ кусокъ хлѣба, ему приходилось рисовать помѣстье такого-то эсквайра съ поданной каретой, съ бесѣдкой и съ самимъ эсквайромъ, отправляющимся на охоту.

Еслибъ, дѣйствительно, этотъ эсквайръ сдѣлалъ свое помѣстье достойнымъ кисти художника и, оставаясь въ немъ, сдѣлалъ бы и жилища или, какъ ихъ называютъ, фермы своихъ крестьянъ тоже достойными этой кисти, то онъ наглядно истолковалъ бы намъ сказаніе о Галькионѣ.

Но вы должны сразу и безъ всякаго истолкователя сами чувствовать, какъ много значенія вложено въ эти дивныя слова Симонидовъ—написанныя за шесть сотъ лѣтъ до Рождества Христова: „когда въ дикіе зимніе мѣсяцы Зевесъ даруетъ мудрость тишины“. Да, сколько поучительнаго для насъ въ этомъ изображеніи прошлыхъ дней и въ томъ, что есть истиннаго въ нихъ и для нашихъ дней и для дней грядущихъ—а именно, что совершенная домашняя любовь не только вѣетъ свое гнѣздо на волнахъ, но что даже волны для этого утихаютъ.

200. Это, повторяю, вѣрно для всѣхъ народовъ, жаждущихъ мира и любящихъ его среди тревоженій! Но какое сказаніе создадимъ мы, какое существо, изъ живущихъ на землѣ или на водѣ, под-

дыщемъ мы, для символа нашего положенія въ современной Англии? Какой горемычной птицѣ уподобимся мы, дѣлающіе главнымъ предметомъ нашей жизни раздоръ и безпокойство, изгоняя нашихъ женъ и дочерей изъ гнѣздъ, чтобъ онѣ зарабатывали себѣ хлѣбъ?

Строго говоря, мы даже не имѣемъ и гнѣздъ, изъ которыхъ могли бы изгнать ихъ. Я былъ страшно пораженъ на-дняхъ, услыжавъ отъ одного крупнаго землевладѣльца (хорошаго человѣка, дѣлающаго всевозможное для своихъ съемщиковъ и строящаго для нихъ новые коттеджи), что лучшее, что онъ можетъ для нихъ сдѣлать, при современныхъ условіяхъ заработной платы и проч., это дать имъ хорошо осушенную землю и пустыя голыя стѣны.

„Я принужденъ, сказалъ онъ мнѣ, отказаться отъ всякой мысли о чемъ-нибудь художественномъ и даже при этомъ я теряю значительныя суммы на каждый, построенный мною, коттеджъ“.

201. И это лендлордская попытка есть признакъ безпредѣльно запутаннаго нашего положенія, полнаго зла и нищеты. Во-первыхъ, никакому лорду не слѣдовало бы заботиться о постройкѣ коттеджей для своихъ крестьянъ. Каждый крестьянинъ долженъ быть въ состояніи самъ строить свой коттеджъ,—и строить по своему вкусу, обладая для этого вкусомъ. Во-вторыхъ отмѣйте злосчастное понятіе, укorenившееся въ умѣ современнаго англичанина, что здоровый и необходимый восторгъ зрѣлищемъ пріятнымъ для глазъ, есть художественная аффектація. Образцомъ этой аффектаціи служить вся центральная и величественная часть парламента. Извѣстное число англійскихъ джентльменовъ собираются потолковать; никакая красота не доставляетъ имъ наслажденія; но у нихъ имѣется смутное понятіе о томъ, что мѣсто, опредѣленное для ихъ бесѣдъ, должно быть величественно и украшено орнаментами; и они надъ своими соединенными головами устраиваютъ нелѣпнѣйшую и пустѣйшую филиграновую лѣпную работу, — изъ прочныхъ плитокъ размѣромъ въ листъ бумаги малаго формата—нелѣпнѣйшую изъ всѣхъ, которыми человѣческія существа когда-либо позорили потомство. И вотъ все это сдѣлано отчасти и главнымъ образомъ въ силу простаго недомыслія, но также и изъ рабскаго подражанія строителямъ городскихъ ратушъ былыхъ временъ; но англійскій джентльменъ не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о томъ, что когда эти городскія ратуши строились, то города наслаждались ими; они находили дѣйствительную гордость въ своихъ городскихъ палатахъ, въ этихъ мѣ-

стахъ совѣщаній, и скульптурныя изображенія въ глазахъ народа полны были глубокаго значенія.

202. И точно такъ же, если коттеджи будутъ когда-нибудь со временемъ мудро строиться, то крестьянинъ будетъ наслаждаться своимъ коттеджемъ и самъ подобно птицѣ, будетъ его художникомъ. Неужели же у рѣполова и у золотого подорожника достаточно ума, чтобъ устраивать себѣ удобныя гнѣзда, у снигиря, чтобъ выдѣлывать и лѣпить готическіе кружевные своды изъ сухого ломоноса, а ваши англійскіе поселяне будутъ награждаться ихъ лендлордами четырьмя голыми стѣнами и дренажными трубами? Таковъ развѣ результатъ расходованія вами трехъ милліоновъ въ годъ на науки и искусства въ Кенсингтонѣ? Вы, правда, устроили прекрасныя машины, избавляющія вашихъ крестьянъ отъ безпокойства самимъ пахать, жать и молотить; и когда у нихъ получается такое сбереженіе времени и труда, то можно было бы предположить, что окажется достаточно свободнаго времени и для образованія, и однако вамъ приходится устраивать имъ помѣщенія, словно кукламъ въ деревянныхъ ящикахъ, и вы тратите на это деньги? А между тѣмъ двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ, безъ пара, безъ электричества, почти безъ всякихъ книгъ, а такъ же безъ содѣйствія Касселова руководства къ воспитанію и безъ утреннихъ газетъ, швейцарскій пастухъ умѣлъ строить себѣ красивое, рѣзное шале, съ цвѣтными надписями и съ красными, синими и бѣлыми *τοιχιλίαι*; горожанинъ Страсбурга могъ тоже самъ построить домъ вродѣ того, какой я вамъ показывалъ, и шпигль извѣстный всѣмъ людямъ; могъ хранить одну или двѣ драгоценныя книги въ своей общественной библіотекѣ и прославлять Бога за все; тогда какъ мы—на что мы пригодны? Только развѣ на то, чтобъ изуродовать шпигль, снести половину домовъ, сжечь библіотеку и—заявить, что нѣтъ Бога, кромѣ химіи?

203. На что мы пригодны? Даже наши орудія разрушенія развѣ полезны намъ? Даруютъ ли они намъ дѣйствительное могущество? Нѣкогда, правда, не какъ алкіоны, а какъ морскіе орлы, мы имѣли свои дома на морѣ; не страшась ни бурь, ни враговъ, мы парили какъ буревѣстники; и подобно арабамъ на дѣйствительно безслѣдной пустыни мы жили на виду у всѣхъ нашихъ братьевъ. Наша гордость пала; никакая трость, колеблемая вѣтромъ у гнѣзда маленькаго поющаго алкіона, не трепещетъ сильнѣе, чѣмъ мы теперь, хотя мы и настроили на морѣ много желѣзныхъ гнѣздъ съ непроницае-

мыми бронями. Мы лишились гордости, но приобрѣли ли мы миръ? Заботимся ли мы о немъ и стремимся ли мы хоть сколько-нибудь водворить его?

204. Думали ли вы когда-нибудь серьезно о значеніи того блаженства, которое даруется миротворцамъ? Люди постоянно рассчитываютъ на то, что будутъ наслаждаться миромъ на небѣ; но вы знаете, что тотъ миръ долженъ быть уже подготовленъ. За какое бы миротворство не было обѣщано блаженство, оно должно быть совершенно здѣсь, на землѣ; и не путемъ оружія, а устройствомъ тихихъ пристанищъ среди житейскаго моря, воздвизаемаго бурей. Довольно трудная вещь, думаете вы. Можетъ быть, но я не замѣчаю, чтобъ кто-нибудь пытался дѣлать это. Мы жалуемся, что намъ многого недостаетъ, — мы желаемъ права голоса, свободы, развлеченій, денегъ. Но кто изъ насъ чувствуетъ или знаетъ, что онъ нуждается въ мирѣ?

205. А если вамъ онъ нуженъ, то есть два пути для достиженія его. Первый путь всецѣло въ нашей власти — это стать гнѣздомъ отрадныхъ мыслей. Это дѣйствительно тѣ же гнѣзда на морѣ, но безопаснѣ всякихъ другихъ; только нужно много искусства, чтобъ свить ихъ. Никто изъ насъ еще не знаетъ, такъ какъ никого изъ насъ въ ранней юности не учили тому, какіе волшебные дворцы мы можемъ воздвигать изъ прекрасныхъ мыслей и какая это дивная защита отъ всякаго рода превратностей судьбы. Блестящія фантазіи, умиротворяющія воспоминанія, благородныя исторіи, достовѣрныя сказанія, сокровищницы драгоценныхъ и успокоительныхъ мыслей, никакая забота не въ силахъ нарушить ихъ, никакое страданіе омрачить, никакая нищета лишить насъ такой нерукотворной обители для нашей души.

206. И въ заключеніе, увѣряю васъ, что въ настоящей жизни, первая „мудрость спокойствія“ заключается въ томъ, чтобы стремиться и рѣшительно работать для удобства и красоты такого жилища, которое мы никогда не покинули бы, еслибъ имѣли; не помѣщенія въ образцовой гостиницѣ, не номера такой-то въ Paradise Row. Нѣтъ мы должны имѣть собственный деревенскій домикъ, окруженный полями, съ небольшимъ садомъ, красивымъ видомъ, съ рѣчкой, протекающей вблизи, съ здоровымъ воздухомъ, чистой кухней, съ гостиными и спальнями. Менѣе чѣмъ на этомъ никто не долженъ помириться; большаго немногіе стали бы желать; но если вамъ

кажется невозможнымъ или страшно фантастичнымъ, чтобъ такіе дома стали когда-нибудь достояніемъ большинства англійскаго народа, то снова прошу васъ повѣрить мнѣ, что обстоятельства, препятствующія намъ достигнуть этого, и представляютъ именно то зло, бороться съ которымъ и устранить которое и составляетъ главную теперь задачу истинной науки, истиннаго искусства и истинной литературы. Наука выполняетъ свою задачу не объясненіемъ намъ причинъ появленія пятенъ на солнцѣ, а выясненіемъ намъ законовъ нашей собственной жизни и послѣдствій ихъ нарушенія. Искусство выполняетъ свою задачу не тѣмъ, что украшаетъ чудовищныя галлерей пустыми, страшными или неприличными картинами, а совершенствуя удобства и облагораживая удовольствія повседневной жизни и семейнаго очага; и литература исполняетъ свою обязанность не тѣмъ, что заставляетъ насъ тратить время на политическіе споры или на чтеніе праздныхъ фантазій, а возвышая нашу фантазію до величія всего благороднаго, честнаго и дарующаго счастье въ этой жизни; доставляя намъ, жалкимъ и неизвѣстнымъ, сообщество самыхъ мудрыхъ собратій всѣхъ вѣковъ и народовъ и содѣйствуя обмѣну ясными мыслями и честными намѣреніями между отдаленными другъ отъ друга націями, чтобъ, наконецъ, утишилось бурное море необузданныхъ страстей и превратилась въ тихіе дни бури міра, такъ чтобы птицы воздушныя спокойно вили свои гнѣзда, а сынъ человѣческій нашелъ, гдѣ преклонить свою голову.

ЛЕКЦІЯ X.

Геральдическія принадлежности.

Марта 9-го, 1872 г.

207. Въ послѣдней моей лекціи я старался иллюстрировать вамъ отношеніе искусства къ физиологіи и ту пользу, какую послѣдняя можетъ извлечь изъ него. Сегодня же я намѣренъ ознакомить васъ съ элементарными формами физиологіи, какъ представительницы науки объ исторіи. Исторія, точно говоря, есть физиологія, или естественная исторія человѣка; она поистинѣ должна быть исторіей его природы, а не только перечнемъ событій, случившихся съ нимъ. Не слишкомъ ли смѣшиваемъ мы несущественную часть этой науки съ ея существенной?

Излагая естественную исторію льва, вы нисколько не интересуетесь тѣмъ, гдѣ онъ былъ пойманъ и сколько овецъ съѣлъ онъ. Вы хотите знать какими внутренними и внѣшними качествами онъ долженъ обладать. Но во всѣхъ нашихъ книгахъ объ исторіи человѣчества мы только стараемся рассказать, что случилось съ людьми и какъ много своихъ собратьевъ они тѣмъ или другимъ способомъ поѣдаютъ, когда являются тѣмъ, что Гомеръ называетъ *θηροβόροι*, т. е. людоедами, такъ что мы едва понимаемъ теперь каковы ихъ истинныя нравственныя свойства. Мало того, я не увѣренъ даже, что геральдика, главной задачей которой является искусство выразить существенныя свойства нашего характера и, сохраняя лѣтописи нашихъ предковъ, насколько это возможно (или пріятно съ точки зрѣнія современнаго дарвинизма) прослѣдить происхожденіе ихъ; что даже геральдика всегда ясно понимала свою задачу; хотя отлично знаю, что сама она не была понята въ ея повѣствованіяхъ.

208. Нѣкоторые изъ васъ, надѣюсь, заглядывали въ книгу ¹⁾ Артура Хельпса о „Войнѣ и Культурѣ“, о которой я не могу всего высказать, что хотѣлось бы, такъ какъ авторъ сдѣлалъ мнѣ честь посвятить ее мнѣ; но вы въ ней найдете рассказъ, непосредственно относящійся къ предмету нашей настоящей бесѣды, а именно слѣдующій рассказъ о геральдикѣ:

„Одинъ изъ моихъ друзей, докторъ, былъ вовлеченъ въ толпу въ Кенингтонѣ, въ тотъ памятный вечеръ, когда ожидалась громадная свалка Чартистовъ и самъ Людви́гъ Наполеонъ былъ вооруженъ палочкой полицейскаго для поддержанія порядка. Мой другъ замѣтилъ въ толпѣ молодого человѣка пріятной наружности, который казался однимъ изъ ея руководителей. Постепенно толпа сближала и наконецъ сблизила ихъ такъ, что они очутились вмѣстѣ, и добрый докторъ могъ обмѣняться нѣсколькими словами съ этимъ горячимъ вожакомъ. Къ великому удивленію моего пріятели оказалось, что яростный молодой чартистъ зарабатывалъ средства къ существованію, и при томъ очень большія, рисованіемъ гербовъ на экипажахъ. Теперь, представьте себѣ, что предпріятіе, которое этотъ юноша принималъ такъ близко къ сердцу, увѣнчалось бы успѣхомъ, чартизмъ одержалъ бы верхъ, въ такомъ случаѣ спрашивается, что сталось бы съ его рисованіемъ гербовъ на экипажахъ? Я думаю, что добрый

¹⁾ Conversations on war and general culture.

докторъ высказалъ эту мысль молодому человѣку и что онъ выслушалъ ее съ негодованіемъ. Я долженъ такимъ образомъ признать, что полезное, даже съ точки зрѣнія личнаго эгоизма, гораздо меньше затрагиваетъ политическія мнѣнія и желанія, чѣмъ это можно было бы предположить съ перваго взгляда. Въ самомъ дѣлѣ, я рѣшился бы даже утверждать, что никакія великія перемѣны никогда не совершались въ этомъ мірѣ изъ эгоистическихъ мотивовъ. Самоотверженное чувство, которое многіе благоразумные народы силятся презирать, и является господствующимъ стимуломъ въ дѣлѣ народныхъ побужденій и народныхъ дѣяній“.

209. Послѣднее замѣчаніе было бы вполне вѣрно, еслибъ Хельпсъ сказалъ: „никакія великія жизненные перемѣны“. Перемѣны разложенія всегда порождаются эгоизмомъ, напримѣръ, многія перемѣны въ вашемъ современномъ образѣ жизни и значительныя измѣненія вашего нравственнаго характера порождены вашими барышами отъ торговли желѣзомъ. И я иначе объяснилъ бы героизмъ молодого чартиста и сказалъ бы, что 10-го апрѣля имъ руководило болѣе глубокое эгоистическое чувство: упраздненіемъ лордовъ онъ надѣялся пріобрѣсти для себя, нѣчто гораздо большее чѣмъ денежныя выгоды отъ рисованія гербовъ; и что къ этому рисованію онъ не чувствовалъ особеннаго влеченія и, можетъ быть, совсѣмъ даже не чувствовалъ любви.

„Разрисуй мнѣ мое оружіе“,—сказалъ Джіотто, когда юноша бросилъ ему его бѣлый щитъ, замѣтивъ,— „онъ говоритъ словно одинъ изъ бардовъ“. Наши англійскіе живописцы гербовъ чужды этого сознанія, которое еще живо было въ немъ, какъ въ одномъ изъ бардовъ.

Не виноваты ли тутъ отчасти и сами барды, не научившіе своихъ Джіотто за послѣднее время задачамъ геральдики и всякаго рода высшей исторической живописи?

Намъ предстоитъ сегодня рассмотретьъ, въ чемъ состоитъ ея задача.

210. Я сказалъ, что задача исторической живописи при изображеніи животныхъ заключается въ томъ, чтобы отличить и запечатлѣть то, что есть наилучшаго и наиболѣе прекраснаго въ ихъ образѣ жизни и въ ихъ формахъ, и такъ же точно при изображеніи человѣка ея задача состоитъ въ томъ, чтобы запечатлѣть все наи-

лучшее въ его дѣлахъ и образѣ жизни и все наиболѣе красивое въ его наружности.

Но этотъ путь жизни человѣка былъ длиненъ. И трудно знать его—еще трудноѣ судить о немъ; а отнестись къ тому и другому съ полнымъ безпристрастіемъ почти невозможно; хотя всегда можно исполнить это съ любовью, которая не радуется несправедливости.

211. Въ числѣ многихъ заблужденій, въ которыя мы впали за послѣднее время относительно этой самой любви, одно изъ худшихъ состоитъ въ нашей безпечной привычкѣ всегда считать ее жалостливой и относящейся только къ существамъ жалкимъ и несчастнымъ, тогда какъ главная ея радость въ благоговѣніи передъ лицами благородными и почтенными. Самая жалкая функція любви въ жалости, самая высшая въ хвалѣ. Многіе люди, какъ бы низко они ни пали, не любятъ, чтобъ ихъ жалѣли; но все люди, какъ бы высоко они ни стояли, любятъ хвалу.

212. Я имѣлъ случай въ моей послѣдней лекціи выразить сожалѣніе по поводу того, что воспитаніе въ нашей странѣ стало такъ явно основано на соперничествѣ. Необходимо однако тщательно отличать соперничество изъ-за средствъ къ существованію отъ соперничества изъ-за похвалы за знаніе. Я съ своей стороны, насколько это касается предмета, изучаемаго нами, одинаково сожалѣю и о томъ и о другомъ; но къ соперничеству изъ-за денегъ я безусловно отношусь съ сожалѣніемъ; къ соперничеству же изъ-за похвалы только, когда оно разсчитано на похвалу слишкомъ ограниченного круга и слишкомъ ограниченного времени. Я хотѣлъ бы, чтобъ вы соперничали не изъ-за похвалы того, что вы знаете, а того, чѣмъ вы становитесь, и соперничали въ той великой школѣ, гдѣ смерть испытываетъ, а Богъ судить. Заглянувъ въ свое сердце, вы найдете, что два великихъ восторга любить и восхвалять и двѣ великія жажды быть любимымъ и восхваляемымъ служатъ основой всего мужественнаго въ дѣлахъ людей и всего счастья въ ихъ покоѣ. Мы еще, слава Богу, не стыдимся признавать силу любви; но мы со смущеніемъ и стыдомъ признаемъ силу похвалы; и хотя мы не можемъ инстинктивно не торжествовать при побѣдахъ въ гонкахъ на лодкѣ, тѣмъ не менѣе я думаю, что лучшіе изъ насъ нѣсколько постѣснились бы заявить, что любовь похвалы должна быть однимъ изъ главныхъ стимуловъ ихъ будущаго.

213. Но, вдувшись, я надѣюсь, вы найдете, что это не только

одинъ изъ главныхъ, но безусловно самый главный стимулъ чело-вѣческой дѣятельности; мало того, что даже любовь, на высшей ея ступени, является воздаяніемъ высшей хвалы тѣлу и душѣ; и нашъ англійскій языкъ очень выразителенъ въ этомъ отношеніи, такъ какъ саксонское слово love чрезъ старинный французскій глаголь loer (откуда louange похвала), находится въ связи съ латинскимъ laus, а не amor.

И вы можете въ итогѣ формулировать, что обязанность вашей жизни заключается въ достойномъ воздаяніи хвалы и въ томъ, чтобы самимъ быть достойнымъ ея.

214. Поэтому при чтеніи любого историческаго сочиненія ваша задача должна состоять въ томъ, чтобъ отыскивать все достойное похвалы и пренебрегать всеѣмъ остальнымъ; и, дѣлая это, помните всегда, что самая важная часть въ исторіи человѣка относится къ его идеалу. То, что онъ дѣлаетъ въ настоящее время, большею частью зависитъ отъ случайностей и въ лучшемъ случаѣ является только частичнымъ выполненіемъ намѣреній; то же, что мы называемъ исторіей, часто, какъ я уже сказалъ, есть не болѣе, какъ перечень внѣшнихъ событій, случившихся съ людьми, собравшимися въ большія толпы. Дѣйствительная исторія челоуѣчества есть повѣствованіе о медленномъ прогрессѣ рѣшительныхъ дѣяній, слѣдующемъ за мучительной и справедливой работой мысли; причемъ все величайшіе люди больше живутъ въ своихъ стремленіяхъ и усиліяхъ, чѣмъ это допускаетъ дѣйствительность. И еслибъ вы достойно читали ихъ, то читали бы за ихъ идеалы и чувства, а не только за то, что они сдѣлали.

215. Поэтому истинный историческій трудъ заключается въ томъ, чтобы тщательно отдѣлять дѣла отъ идеала; и, когда они не согласуются, всегда помнить, что идеалы, если ибны, дѣйствительно дороже всего. Совѣмъ не важно знать насколько буквально вѣрны первыя двѣ книги Ливія. Исторія Римлянъ есть исторія націи, которая могла создать идею о битвѣ при озерѣ Regillus'a. Я довольно часто въ суровую погоду плавалъ на лодкѣ по Озеру Четырехъ Кантоновъ, чтобъ знать, что легенда о Теллѣ, въ мелочныхъ своихъ подробностяхъ, нелѣпа; но исторія Швейцаріи есть исторія народа, выразившаго свой идеалъ сопротивленію несправедливости въ этой легендѣ такъ, что она жизненно вдохновляетъ характеръ ея обитателей вплоть до нашихъ дней.

Орлиное гнѣздо.

216. Нигдѣ въ исторіи идеаль однако такъ далеко не отступаетъ отъ дѣйствительности и нигдѣ онъ такъ не необходимъ и не благороденъ, какъ въ вашей собственной, унаслѣдованной вами исторіи о христіанскомъ рыцарствѣ.

Для всѣхъ англійскихъ джентльменовъ это та часть сказаній о человѣческомъ родѣ, которую имъ болѣе всего необходимо знать. Они могутъ гордиться тѣмъ, что это есть вмѣстѣ съ тѣмъ и самая важная часть. Все лучшее, что до сихъ поръ было совершено—все, установленное какъ благородная подготовка, началось въ періодъ рыцарства и коренится въ понятіи о немъ.

Вы должны всегда тщательно отличать идею отъ низкаго влія-безплодныхъ страстей, искажающихъ и затемняющихъ ее. Идея, безконечно болѣе слаба, но она однако вѣчна и обладаетъ творческой силой; шумныя же страсти, въ свое время иногда пагубныя, иногда плодотворныя, проносятся всегда мимо, ничего не знача. Вы находите въ исторіи все тѣхъ же королей и первосвященниковъ, всегда придумывающихъ способы добывать деньги; находите все тѣхъ же королей и первосвященниковъ, всегда придумывающихъ предлоги, чтобъ стать болѣе могущественными. Если вамъ нужно написать практическую исторію среднихъ вѣковъ и прослѣдить дѣйствительныя причины случившихся событій, изслѣдуйте прежде всего исторію денегъ и затѣмъ раздоровъ изъ-за сановъ и территорій. Но случившіяся событія имѣютъ очень мало значенія, и, напротивъ, громадное значеніе имѣютъ мысли, идеи, развивавшіяся за это время.

217. Я прошедшимъ вечеромъ возвращался изъ Хинксея, нѣсколько разстроенный дурной погодой, а больше мыслью о прошлой моей лекціи; мнѣ показалось, что вы, вѣроятно, подумали, сколько бесполезныхъ вещей я вамъ наговорилъ, вмѣсто того, чтобъ учить васъ рисовать; и тутъ я остановился у витрины гг. Уаттовъ, плѣненный, — какъ это и желательно было этимъ господамъ по отношенію ко всѣмъ прохожимъ, — зрѣлищемъ выставленныхъ дивныхъ вещей. И, несмотря на это, я былъ очень несчастенъ, такъ какъ мнѣ казалось, что вы сочли то небольшое, что я могъ показать вамъ, неимѣющимъ никакого значенія, тогда какъ вотъ здѣсь таинственной какой-то силой, которую, вы можете быть разсчитывали, я вамъ сразу раскрою, произведены блестящія акварели пурпурныя и золотыя, фотографіи морскихъ волнъ, хромо-литографіи красивыхъ молодыхъ леди и изысканно законченныя

гравюры всякаго рода интересныхъ сценъ и дивныхъ особъ; словомъ кого только и чего только нѣтъ! И все это разрисовано съ ловкостью, на изобрѣтеніе которой потрачена лучшая жизненная энергія мастеровъ и для примѣненія которой требуется много ума. Тогда какъ въ вашихъ студіяхъ имѣются только невзрачныя фотографіи съ картинъ Дюрера и Гольбейна да мои грубыя очертанія листьевъ, при чемъ вы едва ли когда-нибудь слышите отъ меня единое слово похвалы этому восхитительному и изысканному современному искусству.

218. И вотъ я купилъ въ томъ магазинѣ эту Мадонну, самую красивую изъ всѣхъ картинъ, которыя я тамъ видѣлъ, и она дастъ мнѣ возможность уяснить себѣ, почему такъ мало стоитъ изучать современное искусство даже въ лучшихъ его произведеніяхъ. Мнѣ думается, что вамъ всѣмъ понравится эта картина, да такъ и должно быть, но замѣтите, въ чемъ состоитъ ея красота. Во-первыхъ, въ очень изысканныхъ очертаніяхъ линий; противъ этого я ничего не имѣю сказать, чувствуя величайшее уваженіе къ той ловкости, которая для этого потребовалась. Затѣмъ въ граціи строгой позы, которую мы всѣ готовы восхвалять; но это не есть даръ самого живописца; онъ заимствовалъ его у Мемлинга, Ванъ-Дейка и у другихъ представителей сѣверной религіозной школы. Платье усыпано драгоценными камнями—и это вамъ нравится; но это заимствовано у Анджелико и Джона Беллини; и, если вы сравните съ тѣмъ, какъ Джонъ Беллини рисовалъ драгоценные камни, то увидите, что они нарисованы фальшиво и шаблонно. Затѣмъ лицу придаетъ много достоинства корона, что скопировано съ формы, обычной въ тринадцатомъ столѣтіи, и притомъ сдѣлано дурно. Самое лицо срисовано съ молодой нѣмки матери и только, въ силу недостаточной ловкости художника ему придано общепринятое выраженіе и формальныя черты лица. Было бы гораздо умнѣе и труднѣе нарисовать, какъ Рафаэль и Рейнольдсъ, сохранивъ сходство съ оригиналомъ, но придавъ ему только болѣе возвышенное выраженіе.

219. Тѣмъ не менѣе, при всѣхъ своихъ заимствованіяхъ, картина очень мила. Но я желалъ бы, чтобъ вы замѣтили, что въ ней все заимствовано. Одѣяніе заимствовано, поза заимствована, а главнымъ образомъ самая идея картины заимствована отъ той великой эпохи христіанскаго рыцарства, которая, какъ по искусству, такъ и по идеѣ, стояла выше греческаго рыцарства, такъ какъ присоединяла

къ ихъ энтузіазму патріотизма энтузіазмъ идеальной любви, освященной господствующимъ представленіемъ о Мадоннѣ, являвшейся одновременно и совершенной дѣвой и совершенной матерью.

И ваше изученіе средневѣковаго искусства должно начаться съ вашего пониманія того, какъ тогдашніе люди считали любовь источникомъ чести и жизни; какъ въ самыхъ ничтожныхъ вещахъ, такъ и въ самыхъ главныхъ, почитаніе отца и матери, благородное уваженіе дѣтей и искреннее благоговѣніе къ челоуѣчеству и къ вѣжливости и гордости, придававшее достоинство и вѣнчавшее чистоту, были источниками всѣхъ ихъ добродѣтелей и всѣхъ ихъ радостей.

220. „Какъ въ самыхъ ничтожныхъ вещахъ, такъ и въ самыхъ главныхъ“—сказалъ я. И сегодня мнѣ предстоитъ говорить объ одной изъ самыхъ, повидимому, ничтожныхъ вещей, но которая, въ дѣйствительности, одна изъ главныхъ. Насколько, думаете вы, достоинство Мадонны зависитъ отъ ея вѣнца, отъ драгоценныхъ камней, отъ ея скипетра и отъ того, какъ она носитъ одѣяніе?

Какъ у крестьянъ, такъ и у князей, вы найдете въ концѣ концовъ, что характеръ ихъ вполне сказывается въ одеждѣ; и что блескъ и красота въ одеждѣ такъ же необходимы челоуѣку, какъ красота окраски птицамъ и цвѣтамъ, но красота здѣсь должна имѣть больше значенія. Красота, однако, въ истинномъ значеніи латинскаго слова, т. е. въ блескѣ цвѣта, а не въ пестротѣ; и сказанное мною вамъ о краскахъ въ картинахъ, относится также и къ цвѣту одеждъ; пошлость состоитъ въ наглости и дисгармоніи, а не въ яркости.

221. Въ здоровомъ состояніи націи блескъ одежды и ея красивый покрой необходимы какъ для князя, такъ и для крестьянина. Нѣтъ болѣе вѣрнаго указателя на упадокъ націи, какъ грязная одежда въ низшихъ классахъ, а въ высшихъ боязнь или стыдъ носить знаки отличія.

Эта боязнь или этотъ стыдъ страннымъ образомъ выражается теперь здѣсь въ Оксфордѣ. Благородные перестаютъ носить золотую кисть на шапкахъ, тѣмъ признавая и публично провозглашая справедливость общественнаго мнѣнія, что они перестали быть благородными, т. е. личностями, заслуживающими вниманія*). Члены

*) „Другой сдѣланный шагъ состоитъ, повидимому, въ исчезновеніи геральдики. Въ то время какъ привилегіи дворянства переходятъ къ среднимъ клас-

университета, вообще, стыдятся носить академическія тоги, тѣмъ самымъ признавая и публично подтверждая справедливость общественнаго мнѣнія, что всѣ могутъ быть такими же хорошими учеными, какъ и они. Съ другой стороны, я постоянно вижу на улицахъ молодыхъ людей въ яркихъ одеждахъ синяго и бѣлаго цвѣта, которые гордо возвѣщаютъ свою увѣренность, что главная задача ихъ пребыванія въ Оксфордѣ состоитъ въ томъ, чтобъ научиться грести; научиться грести, полагаю, не для дѣйствительной пользы, а для забавы.

222. Любая одежда является такимъ образомъ геральдической, т. е. провозглашеніемъ; одежда солдата только болѣе опредѣленно возглашаетъ о томъ, ради чего онъ долженъ быть готовъ жить и умереть; но все геральдично отъ лохмотьевъ нищаго до діадемы короля, геральдично, можетъ быть, неволью, можетъ быть, даже нагло; но когда характеры людей опредѣленны и разумны, ихъ одежда становится почетной и строго геральдичной. „*Togame tugurio proferre uxorem Raciliam jubet*“; и синее одѣяніе Edie Ochiltree такъ же почетно геральдично, какъ и горностаѣ рыцаря.

223. Начало геральдики и всевозможныхъ прекрасныхъ одѣяній кроется въ ношеніи шкуръ убитыхъ животныхъ. Какъ бы вы ни относились къ буквальному значенію самаго ранняго свидѣтельства, „и сдѣлалъ Господь Богъ Адаму и женѣ его одежды кожаныя и одѣлъ ихъ“, тѣмъ не менѣе символическое значеніе его все болѣе становится безспорнымъ. Если вы посмотрите на шкуры животныхъ, какъ на источникъ, составляющій четыре главныхъ рода матеріала для одежды — кожу, мѣхъ, шерсть и пухъ, — то вы въ этомъ стихѣ увидите итогъ всего существеннаго въ томъ способѣ, какимъ въ своемъ предвѣдѣнніи творецъ человѣка и животнаго опредѣлилъ прикрыть наготу созданія, которому предстояло управлять всѣми остальными.

224. Первое практическое и грубое употребленіе такой одежды состояло въ томъ, что шкура съ головы животнаго послужила къ

самъ, знаки отличія уже не пользуются почетомъ, и титулы становятся устарѣвшими и стѣснительными. Я удивляюсь, что люди чуткіе не чувствуютъ къ нимъ отвращенія. Они вмѣстѣ съ париками, пудрой и пурпуровыми одеждами принадлежатъ къ болѣе раннему періоду и съ выгодой могутъ вмѣстѣ съ раскрашиваніемъ и татуировкой быть предоставлены должностнымъ лицамъ Австраліи и Полинезіи“.—(R. W. Emerson. English Traits).

прикрытію головы человѣка, убившаго это животное; шкура туловища его—одеждой; шкура переднихъ ногъ, связанная спереди и шкура заднихъ ногъ и хвоста стали кистями, а клочки срѣзанныхъ концевъ нѣкотораго рода бахромой, мѣстами покрывавшей тѣло.

Вы имѣете такимъ образомъ первый зародышъ шлема, съ гривой животного вмѣсто плюмажа, и первый зародышъ кирасы, разнообразно окаймленной и испещренной полосами и пятнами; для полного воинскаго вооруженія вамъ стоитъ только добавить копье или лукъ и щитъ. Копье это простой деревянный шестъ съ желѣзнымъ наконечникомъ, а щитъ—это кожаный дискъ съ желѣзомъ въ видѣ лицевой обшивки.

И вооруженная дѣятельная сила символизирована на всѣ будущіе вѣка греками въ образѣ двухъ типовъ: Геракла и Аонины; одинъ съ низкой львиной гривой и лукомъ, другая съ высокой лошадиной гривой и копьемъ; онъ съ львиной шкурой, она съ козьею, и оба съ круглымъ щитомъ.

225. *Nebris* Діониса и леопардова шкура египетскихъ жрецовъ имѣютъ отношеніе къ астрономіи, а не къ войнѣ; и интересъ къ ихъ пятнамъ и коймамъ, какъ разнообразнымъ символамъ, вмѣстѣ съ дѣйствительнымъ удовольствіемъ, доставляемымъ ихъ причудливостью, значительно измѣнили всю систему египетскаго декоративнаго искусства красками. Точно такъ же и на древнѣйшихъ греческихъ вазахъ пятна и полосы животныхъ рисуются въ видѣ пятенъ и шашекъ на фонѣ (иногда изображающихъ цвѣты), и восхищеніе, доставляемое разноцвѣтнымъ шитьемъ и фантастическими вышивками, постепенно совершенствуется и раскрашиваетъ рисунокъ восточной одежды. Но только образцы, заимствованные отъ окраски животныхъ, становятся классическими въ геральдикѣ подъ общимъ названіемъ „*furres*“ мѣховыхъ; и одинъ изъ нихъ „*vaige*“ или „*verrey*“ грубо изображаетъ матеріалъ, составленный изъ шкуръ мелкихъ животныхъ, спитыхъ вмѣстѣ попеременно отъ головы къ хвосту; другой же цвѣтъ горносталя пользовался особеннымъ почетомъ за ту цѣнность, которую имѣлъ этотъ мѣхъ для южныхъ націй.

226. Названіе главнаго цвѣта въ геральдикѣ имѣетъ подобное же происхожденіе: „козья шкура, окрашенная въ красный цвѣтъ“, служившія завѣсами еврейской скинии, служили всегда однимъ изъ главныхъ предметовъ торговли востока съ западомъ; на средневѣковомъ латинскомъ языкѣ онѣ назывались „*gulae*“ и на француз-

скомъ во множественномъ числѣ „gules“, такъ что быть одѣтымъ въ „gules“ постепенно стало означать быть одѣтымъ въ особенный красный цвѣтъ, свойственный этимъ шкурамъ, т. е. въ густой нѣжный багряный, на ослѣпительный, но теплый и блестящій. Онъ въ противоположность болѣе темному пурпуру употребляется въ большомъ количествѣ въ орнаментныхъ надписяхъ въ средніе вѣка (откуда церковный терминъ красныя буквы, рубрики) и, наконецъ, наиболѣе благородно и совершенно выражается на фрескахъ Джир-ландажіо и Луини. Я пытался въ моемъ этюдѣ, находящемся въ вашихъ студіяхъ, возможно точнѣе передать тотъ оттѣнокъ его, который приданъ Луини на плащѣ св. Екатерины. Тиціанъ то же придерживается его въ своихъ фрескахъ, какъ и Тенторето; но Рафаель, Корреджіо и Микель Анджело замѣняютъ его оранжевымъ цвѣтомъ, въ противоположность пурпуровому; и вся схема красокъ на фрескахъ Ватикана состоитъ изъ оранжеваго и пурпуроваго въ перемѣшку съ зеленымъ и бѣлымъ на сѣромъ фонѣ. Противопоставленіе оранжеваго пурпуровому подъ менѣе талантливой кистью стало афектировано и слабо, и система средневѣковой окраски была черезъ это окончательно нарушена; оранжевый цвѣтъ остался по сіе время излюбленнымъ и наиболѣе выдающимся, преимущественно при плохомъ рисованіи на стеклѣ.

227. Формы одежды, возникшія изъ шкуръ животныхъ имѣютъ однако, гораздо больше значенія, чѣмъ цвѣта. Изъ нихъ главной является шлемъ, который есть въ сущности грива льва или лошади. Шкура лошади не была ни достаточно мягка, ни такой величины, чтобъ ее удобно было носить; но классическій греческій шлемъ есть только подобіе очертаній головы лошади, съ гривой, развѣвающейся сзади; на многихъ этрусскихъ шлемахъ имѣются также уши, тогда какъ на средневѣковомъ вооруженіи легкія бляшки въ формѣ птичьихъ крыльевъ часто помѣщаются съ обѣихъ боковъ шлема, который въ этихъ случаяхъ становится не просто гривой животнаго, но изображеніемъ всего животнаго, убійствомъ котораго воинъ желаетъ прославиться.

228. Такимъ образомъ геральдическое значеніе шлема состоитъ во-первыхъ, въ томъ, что рыцарь имъ какъ бы удостовѣряетъ, что преодолѣлъ животное, представляемое шлемомъ; и что онъ сильнѣе, чѣмъ было бы это убитое имъ животное по отношенію къ его врагамъ-людямъ. Вслѣдствіе этого онъ постепенно считаетъ себя ода-

реннымъ силой и характеромъ убитаго животнаго, присвоивъ отъ своей добычи не только ея шкуру, но и ея силу. Поэтому шлемъ является геральдическимъ указаніемъ личности и долженъ въ сущности быть отличенъ отъ герба на щитѣ, такъ какъ послѣдній указываетъ на племя, а шлемъ на личный характеръ и на значеніе послѣдняго.

229. Я, въ моеѣ Царицѣ Воздуха, прослѣдилъ ту практическую истину, которая легла въ основаніе идеи о томъ, что сила убитаго животнаго унаслѣдуется побѣдителемъ. Но странно и грустно подумать, сколько несчастій произошло въ человѣческой исторіи отъ оправданія жестокости человѣка тѣмъ, что онъ воображалъ, будто бы къ нему переходитъ сила убитаго имъ животнаго; сколько разъ волки, медвѣди, львы и орлы были національными символами вмѣсто болѣе кроткихъ и благородныхъ животныхъ. Даже геральдическимъ символомъ Христа является въ Италіи чаще левъ, чѣмъ агнецъ; и изъ среды безчисленныхъ художниковъ, изображавшихъ Его пустынного предтечу, только Филиппо Липпи понималъ полное значеніе одежды изъ верблюжьяго волоса, и потому Іоаннъ носить у него верблюжью шкуру, какъ Гераклъ львиную.

230. Хотя шлемъ является такимъ образомъ выразителемъ личнаго характера, но на практикѣ онъ становится наслѣдственнымъ; и надписи или знаки на шлемѣ и на щитѣ обыкновенно одни и тѣ же. Но щитъ имѣетъ свое специальное назначеніе, на которое я сегодня и желалъ бы обратить ваше особенное вниманіе.

Наше слово щитъ и германское „schild“ означаютъ вещь прикрывающую, т. е. которой вы защищаетесь; но вы должны тщательно отличать его отъ слова „shell“,—скорлупа, шелуха, раковина.—означающее, собственно говоря, чешуйки или пластинки, служащія какъ у рыбы для защиты тѣла.

Въ сущности говоря имѣется только два рода щитовъ: одинъ круглый, другой четырехугольный, переходящій въ овальный и продолговатый; круглый для употребленія при свободномъ движеніи, четырехугольный же долженъ быть прилаженъ къ землѣ или къ стѣнѣ; но при употребленіи сидя на конѣ, нижняя часть щита должна быть отсѣчена, чтобъ удобнымъ образомъ ниспадать на лѣвую сторону лошади.

И поэтому на практикѣ вы имѣете двѣ главныхъ формы щита; греческій круглый для борьбы пѣшей или на колесницѣ и готиче-

скій заостренный для борьбы на конѣ. Продолговатый для неподвижной защиты почти всегда имѣется на мифическихъ изображеніяхъ силы мужества, а формы греческаго и готическаго щита всегда рисуются въ связи съ предполагаемыми фигурами круга и четырехъ угольника.

По-гречески круглый щитъ называется „aspis“. Я не сомнѣваюсь, что колесо горшечника есть только простое видоизмѣненіе „arsis'a“; для готическаго щита подходящее слово „escu“, отъ латинскаго „scutum“, означающее щитъ покрытый кожей. Отъ „escu“ вы имѣете „escuyer“ наѣздникъ, а отъ scutum „scutiger“; оба переходящія въ англійское „squire“ щитоносецъ, кавалеръ, помѣщикъ.

231. Aspis грековъ, вѣроятно, былъ гораздо тяжелѣе готическаго щита, такъ какъ греки никогда не ѣздили въ полномъ вооруженіи; они имѣли всегда въ виду предоставлять своимъ конямъ и себѣ возможно полную свободу движенія членовъ, насколько это совмѣщалось съ самозащитой; поэтому, если грекъ былъ въ полномъ вооруженіи и желалъ ѣхать, то устанавливалъ доску на колесахъ и тановился на нее, впрягая иногда рядомъ по четыре самыхъ чистокровныхъ коня. Изъ всѣхъ до сихъ поръ практикуемыхъ упражненій ловкости рукъ эта ѣзда во всю скорость бѣга коней, стоя на колесницѣ, является, насколько я знаю, труднѣйшимъ изъ всѣхъ достигнутыхъ общей военной дисциплиной.

Правда, что одинаково трудно дѣлать что бы то ни было вполне хорошо, и я думаю, что при бѣгѣ на колесницахъ, на турнирахъ или при современной игрѣ въ крокетъ искусство рукъ наиболѣе высоко-испытанныхъ людей было бы одинаково тонко; на практикѣ однако въ готическомъ рыцарствѣ рыцарь больше довѣрялъ своей тяжести и меньше своей ловкости, чѣмъ грекъ; и точно такъ же лошадиный шагъ при полномъ вооруженіи не могъ никогда такъ повліять на мѣткость руки, какъ при быстрой ѣздѣ даже невооруженнаго.

232. Другое подобнаго же рода сильное различіе существуетъ въ рыцарскихъ доспѣхахъ. Грекъ никогда не надѣется защититься отъ копья кирасой или, помимо внимательства волшебства, стать неуязвимымъ въ своемъ вооруженіи, а потому и не желаетъ, чтобы оно было стѣснительнымъ и затрудняло его движенія; но щитъ свой онъ дѣлаетъ, по возможности, достаточно крѣпкимъ, чтобы противостоятъ копью, и укрывается за нимъ, какъ за стѣной. Готиче-

скій рыцарь, напротивъ, старается сдѣлать свои доспѣхи неуязвимыми и носить щитъ только для защиты отъ ударовъ съ лѣвой стороны, при чемъ объемъ щита допускается небольшой, чтобы не мѣшать рукѣ, держащей вожжи. Всѣ изящные рисунки въ готической геральдикѣ основаны, поэтому, на формѣ короткаго, но остроконечнаго щита, достаточно выпуклаго, чтобы легко отстранять остріе копья; форма эта была сильно распространена съ начала двѣнадцатаго до половины пятнадцатаго столѣтія, но наиболѣе красивые типы ея удержались до конца тринадцатаго.

233. Разница въ методѣ девизовъ готическихъ и классическихъ щитовъ проистекаетъ отчасти отъ этой же существенной разницы въ формѣ. Остроконечный щитъ, имѣя двѣ опредѣленныя стороны, подобно остроконечному своду, и опредѣленное положеніе, естественно требуетъ, чтобы гербъ помѣщался на одной изъ двухъ сторонъ, или выше, или ниже центра, тогда какъ греческій щитъ имѣетъ выпуклость и свой главный гербъ всегда въ центрѣ, съ второстепенными украшениями вокругъ. Далѣе, готическая изощренность врожденнаго влеченія къ краскамъ пользуется тотчасъ же этимъ дѣленіемъ на части, какъ благопріятнымъ случаемъ, для наложенія или обмѣна красокъ; наконецъ, уваженіе къ роду, выражающееся внесеніемъ въ родословный списокъ самыхъ отдаленныхъ отраслей благородныхъ семей, вынудило готическихъ герольдовъ позднѣйшаго времени прибѣгать къ этому методу дѣленія на двѣ или на четыре части.

234. Существенно отличаясь такимъ образомъ отъ классическаго щита, готическій щитъ пестръ ниже гербовъ, или скорѣе двухцвѣтень, такъ какъ въ его главныхъ образцахъ не бываетъ больше двухъ оттѣнковъ; и особенный способъ распредѣленія этихъ двухъ красокъ имѣетъ болѣе глубокое и болѣе древнее геральдическое значеніе. Я приготовилъ семь главныхъ образцовъ для вашей первоначальной серіи, и, если вы срисуете ихъ одинъ только разъ, то они прочно запечатлѣются въ вашей памяти.

235. Замѣьте ихъ составныя части:

1. Верхняя часть щита; полоса краски чрезъ верхнюю часть щита означаетъ авторитетъ верховной власти, какъ источника всякаго порядка, силы и спокойствія.

2. Крестъ, какъ обыкновенная фигура, отличается отъ креста-герба, состоя просто изъ двухъ полосъ, раздѣляющихъ щитъ на

четыре квадрата; и, мнѣ кажется, что въ этой формѣ онъ долженъ выступать не какъ символъ собственно христіанской вѣры, а только какъ символъ терпѣнія и мужества. Крестъ, какъ символъ вѣры, имѣется въ самомъ полѣ щита.

3. Перекладина; горизонтальная полоса, проходящая посрединѣ щита, изображаетъ перевязъ рыцаря, или нѣчто такое, что связываетъ, укрѣпляетъ, или присоединяетъ. Слово это есть искаженное „*fascia*“. Сэръ Францискъ Дрекъ получилъ отъ королевы Елизаветы для герба перекладину, извивающуюся среди двухъ полярныхъ звѣздъ, символизируя волнующуюся поверхность моря и отчасти означая также, что сэръ Францискъ набрасываетъ перевязъ вокругъ земли; а семейство Друмонда имѣетъ три уменьшенныхъ перекладыны, или полосы, потому что ихъ предокъ сохранилъ королеву Маргариту невредимой среди многихъ бурь.

4. Поясъ; косая полоса, спускающаяся справа налѣво на рукоятку щита, изображаетъ перевязъ меча. Я думаю, что слово это „*bend*“ происходитъ отъ латинскихъ *balteus* и *balteum*, которыя перешли въ *bendellus* и *bendellum*, потомъ въ *bandeau* и *bande*. Словомъ *benda* называется лента вокругъ шеи св. Етельдриды (*Etheldreda*), въ рассказѣ объ ея кончинѣ, цитированномъ Лю Канжемъ. Мнѣ кажется, что *fesse* служить часто поперечиной для воротъ замка, а *bend* для необходимой діагональной полосы; это только предположеніе, но я думаю, что оно вѣрно, какъ идея, конечно, допускаемая въ геральдикѣ, такъ какъ *bend* служить иногда для штурмовой лѣстницы. Такимъ образомъ, всѣ первыя четыре обыкновенныя фигуры на гербѣ имѣютъ архитектурное значеніе.

5. Коль, прямая полоса, раздѣляющая щитъ пополамъ, есть просто кусокъ дерева въ частоколѣ. Онъ означаетъ или защиту, или загородку.

6. Свая, клинообразное цвѣтное пространство, съ направленнымъ внизъ остриемъ, изображаетъ то, что мы всегда называемъ свайю — деревянную часть, вбитую въ сырую землю для утвержденія фундамента постройки.

7. Уголь, квадратное цвѣтное пространство въ одномъ изъ верхнихъ угловъ щита, означаетъ краеугольный камень постройки. Происхожденіе и различное употребленіе этого слова крайне интересно. Греческое *κωνίδιον*, употребляемое Аристотелемъ въ смыслъ угла глаза, перешло въ *canto*, а затѣмъ въ *cantonus*. Французское *coin*

(уголь) обыкновенно производят отъ латинскаго *cuneus*; но я не сомнѣваюсь, что оно есть искаженное *canton*: средневѣковое латинское *cantonus* означаетъ уголь, впадину или четырехугольный краеугольный камень. Геральдическій *canton* есть краеугольный камень постройки, а французскій *cantonnier* значить исправитель дороги, потому что при починкѣ дороги главный вопросъ въ томъ, чтобы уголь или край ея былъ плотенъ.

8. Стропилы, двѣ полосы, соединенныя вверху и составляющія уголь (собственно прямой уголь), представляютъ хребетъ домовою крыши. Эти четыре послѣднія обыкновенныя фигуры на гербѣ представляютъ четыре главные части жилища: колъ, его ограду въ предѣлахъ даннаго пространства земли; свая, его фундаментъ; уголь, его стѣну, а стропилы крышу.

9. Кайма,—узкая полоса, окаймляющая контуръ щита между его краемъ и центромъ, очень опредѣленно выражаетъ загородку или укрѣпленіе валомъ. Соотношенія этого слова, не менѣе, чѣмъ слова *canton*, оригинальны и легко запоминаемы. Дю-Канжъ цитируетъ приказъ муниципалитета Пиаченци, гласящій, чтобы всегда въ таможи, гдѣ взимается такса за соль, находился „большой окаймленный дискъ“ — „*dischus magnus orlatus*“, т. е. большая доска съ ободкомъ, на которой ежедневно помѣщалась бы свѣжая соль. Замѣьте еще, что слово дискъ употреблялось въ средніе вѣка или въ смыслѣ доски, или въ смыслѣ стола (священный дискъ есть дискосъ св. даровъ), и чаще для означенія стола; отсюда древнегерманскій *disch*, англійское *dish*, французскіе *disner*, *dîner* и англійское *dinner*. Изъ диска вырѣзанное кольцо становится ободкомъ, представляющимъ самую простую форму каймы. Само слово „*orle*“, я думаю, происходитъ отъ древне латинскаго *ora*, отъ котораго уменьшительное *orula*; l, можетъ быть, вставлено было просто, чтобъ слухъ удобнѣе отличалъ окаймленную вещь „*orlatus*“ отъ позолоченной „*ornatus*“. Слово это употребляется относительно обшивки платья, ободка короны и любой каймы; при чемъ обыкновенно относится къ такимъ предметамъ, которые служатъ для огражденія или защиты, такъ какъ защищаетъ то, что внутри каймы; сведенная на узкую полосу, койма становится тесьмой „*Tressure*“. Если у васъ есть sovereignъ отъ 1860 по 1870 годъ и вы взглянете на доспѣхи короля въ верхнемъ углу съ правой стороны, то увидите шотландскаго льва внутри тесьмы, украшенной гербовою лиліей,

что шотландцы сохраняютъ въ память ихъ договора съ Карломъ Великимъ.

10. *Gyron*,—треугольное цвѣтное пространство съ остриемъ въ центрѣ щита, заимствуетъ свое названіе отъ древне-латинскаго *gyro*, складка, „*pars vestis quâ laxior fit, et in superiori parte contracta, et largiorem formam in imo se explicat*“. Геральдическое „*gyron*“, однако, имѣетъ также побочное отношеніе къ слову „*gremium*“, лоно или нѣдро, и означаетъ собственно главную складку одежды на животѣ или между колѣнъ; складкѣ этой можетъ быть присвоено символическое выраженіе, какъ знаку нѣжности и покровительства. Вліяніе линій, полученныхъ отъ мягко падающей драпировки на усиленіе оттѣнка благородства дѣйствующихъ лицъ, всегда считалось готическими художниками однимъ изъ главныхъ элементовъ рисунка; и двѣ постоянно повторяющіяся фигуры Христа, держащаго души въ „*gremium*“ своей одежды, и Малонны, набрасывающей свой на просящихъ, имѣютъ несомнѣнно такое же значеніе.

11. *Flasque*, окрашенное пространство, кончающееся изогнутой линіей съ каждой стороны щита, происходитъ отъ латинскаго слова *flecto* и служить доказательствомъ почета оказаннаго за успѣшное посольство. Оно должно принадлежать къ числу обыкновенныхъ фигуръ, но рѣдко встрѣчается въ тѣхъ группахъ подлинныхъ гербовъ, которыя я изучалъ.

12. *Saltire* отъ *salir* изображаетъ надежнѣйшую форму машинъ для подъемныхъ стѣнъ; оно имѣетъ отчасти такое же значеніе, какъ и лѣстница *Scaligers*’овъ, но будучи обыкновенной фигурой, а не гербомъ, имѣетъ широкое общее значеніе успѣшнаго подъема, а не простой мѣстной атаки. Какъ гербъ, это Андреевскій крестъ.

236. Эти двѣнадцать формъ обыкновенныхъ фигуръ, или основныя цвѣтотыя дѣленія щита, изображаютъ символически основаніе, охрану и возведеніе дома рыцаря при помощи его христіанскаго мужества, и этимъ символизмомъ отличаются отъ всѣхъ другихъ военныхъ гербовъ. Онѣ вездѣ основаны главнымъ образомъ на раздѣленіи щита на четыре поля фигурой креста, и исторія европейскаго рыцарства есть безусловно исторія связи фамиліной чести съ христіанской вѣрой, и доведенія этихъ двухъ чувствъ до величайшаго энтузіазма при развитомъ воображеніи.

Способы этого развитія при помощи изящныхъ искусствъ; заблуд-

жденія или паденія вызванныя такимъ превыспреннымъ энтузіазмомъ; его потуханіе подъ вліяніемъ скупости, гордости и сладострастія въ періодъ такъ называемаго возрожденія; возможность истиннаго возрожденія или реставраціи мужества и чистой надежды для христіанина въ его домашнемъ быту и промышленности должны составить главный предметъ изученія, къ которому отнынѣ мнѣ предстоитъ вести васъ. Въ послѣдующихъ лекціяхъ я постараюсь показать вамъ въ элементарныхъ формахъ христіанской архитектуры очевидность подобнаго умственнаго развитія и упадка съ десятаго по семнадцатое столѣтіе; но помните, что степень возможности показать вамъ истину подобнаго рода будетъ зависѣть вполне отъ степени вашей собственной симпатіи къ тому, что благопрістойно и великодушно. Я употребляю оба эти слова обдуманно и опредѣленно, потому что каждое высшее качество искусства состоитъ или въ выраженіи того, что благопрістойно или дисциплинировано въ характерѣ, или, что ярко и великодушно въ силахъ человѣческой жизни.

Не стану говорить о томъ, что я не опасаясь встрѣтить въ васъ достаточно къ этому симпатіи; хотя обстоятельства, въ которыя вы поставлены, во многихъ отношеніяхъ тому противорѣчатъ.

237. Возвратившись въ университетъ послѣ тридцатилѣтняго отсутствія, я нашелъ свободу преподаванія значительно расширенной, рвеніе преподавателей несомнѣнно не уменьшилось; насколько я могу судить, и настроеніе университетской молодежи сдѣлалось лучше, и ея готовность подчиняться всякому здравому мнѣнію стала замѣтнѣе, чѣмъ въ мое время. Печальные скандалы происходили здѣсь среди насъ, скандалы, по моему мнѣнію, въ большинствѣ случаевъ случайные, вызванные чрезвычайной потребностью въ возбужденіяхъ довольно пошлаго свойства, въ силу нашей тревожной соревновательной работы. Въ нравахъ, въ общей отвѣтственности за разумность направленія и въ сознаніи предоставленныхъ преимуществъ, можно ожидать теперь гораздо больше, чѣмъ прежде, отъ студентовъ оксфордскаго университета;— въ одномъ только я нахожу положительный недостатокъ у нихъ—въ ясности цѣли.

238. Въ своихъ новыхъ школахъ науки они изучаютъ силу механики и элементовъ физическихъ, но не духовныхъ, и я опасаясь, что въ нашихъ новыхъ школахъ либеральной религіи они скорѣе научаются сомнѣваться въ своей собственной вѣрѣ, чѣмъ относиться терпимо и съ уваженіемъ къ вѣрѣ другихъ; а въ нашихъ

юридическихъ школахъ—вычеркивать правила прошлаго, не составивъ себѣ яснаго понятія о томъ, что должно руководить учрежденіями будущаго.

239. Поэтому я глубоко радуюсь, что, предлагая на ваше разсмотрѣніе лучшія формы англійскаго искусства, я неизбѣжно возбуждаю въ васъ самый вашъ интересъ къ исторіи вашей страны того времени, когда она, такъ сказать, становилась Англіей. Вы видите, какъ во многихъ коллегіяхъ, постройки которыхъ теперь расширяются или подновляются, принятый стиль принадлежитъ приблизительно тринадцатому столѣтію; и чувствуется, справедливо чувствуется, постоянно развивающимся инстинктомъ, что только національный духъ владѣетъ неизмѣнной способностью идеальнаго пониманія. Въ чемъ бы другомъ мы ни подвинулись впередъ, одно безспорно, что въ великихъ искусствахъ мы постоянно шли назадъ начиная съ тринадцатаго столѣтія, и потому я, сдѣлавшись профессоромъ, отчасти вернулся опять къ, оставленной было уже мною мысли написать исторію этого столѣтія, по крайней мѣрѣ, англійскую, написать или, во всякомъ случаѣ, собрать для нея матеріалъ, при помощи своихъ учениковъ, если они захотятъ помочь мнѣ. Самъ по себѣ я ничего не могу сдѣлать; я бы не просилъ васъ помочь мнѣ, если бы не былъ убѣжденъ, что при такомъ кризисѣ нашего національнаго существованія, сосредоточіе мысли молодежи и стариковъ на обычаяхъ и понятіяхъ рыцарства есть самое лучшее нравственное воспитаніе. Да, я искренно желаю, чтобы дѣти научились повиновенію, а юноши, вступающіе въ жизнь—способности къ безкорыстному удивленію.

240. Переданный мною въ четвертой лекціи случай, котораго я былъ свидѣтелемъ на Вблингфордскомъ мосту, можетъ служить достаточнымъ примѣромъ благовоспитанности, до которой мы теперь довели нашихъ крестьянскихъ ребятъ. Неужели вы думаете, что наука или искусство, которымъ мы можемъ научить ихъ въ настоящее время, сдѣлаютъ ихъ счастливѣе при такихъ условіяхъ? Мало того, въ какой вѣжливости, въ пристрастіи къ чему воспитываемъ мы себя въ настоящее время и главнымъ образомъ въ какой формѣ долга или почтительности къ тѣмъ, кому мы обязаны пониманіемъ даже того, что значить долгъ, что значить почтительность? Я предостерегалъ васъ въ одной изъ прошедшихъ лекцій отъ низкаго любопытства и исканія происхожденія жизни въ прахѣ на

землѣ, вмѣсто неба; еще болѣе долженъ я предостеречь васъ отъ невниманія къ той истинной основѣ жизни, которая есть въ вашихъ душахъ, и къ тому добру, которое вы слышали собственными ушами и о которомъ вамъ передавали отцы ваши. Вы покупаете картину Богоматери для украшенія вашей комнаты, но вы пренебрегаете религіей и не храните память о тѣхъ, кто научилъ васъ любить все хорошее и чистое, какъ въ живыхъ существахъ, такъ и въ вещахъ; и слишкомъ многіе изъ васъ, вступая въ жизнь, готовы думать, чувствовать и поступать такъ, какъ велятъ вамъ люди, неспособные ни поклоняться, ни созидать,—люди, вся сила которыхъ въ разрушеніи, вся радость въ негодованіи и все чванство въ позорѣ. Вы хорошо узнали за это время, что я не изъ числа тѣхъ учителей, которые стараются скрыть отъ васъ какую бы то ни было истину въ природѣ или суевѣрно разукрасить передъ вами какую бы то ни было форму вѣры; но я глубоко вѣрю (и употребляю всѣ старанія, чтобы помочь вамъ приобрести непоколебимость сердца), что вы, дѣти того христіанскаго рыцарства, которымъ въ Англіи руководилъ Львиное Сердце, во Франціи Роландъ, а въ Испаніи Сидъ, не можете унизиться, какъ тѣ, чьи мысли направлены на измышленіе какого-нибудь новаго безумства, чтобъ очернить жизнь Христа и разрушить благородныя дѣла и законы, основанные во имя Его.

Не станете ли вы охотнѣе странствовать по этой родной вамъ Англіи, описывая башни, отмѣчая укрѣпленія и разсматривая дворцы, чтобъ передать о нихъ грядущимъ поколѣніямъ? Не станете ли вы со всей мощью, со всей преданностью, со всей вашей святой любовью и никогда неизсякаемымъ поклоненіемъ чтить благородныхъ рыцарей, чистыхъ дѣвъ и нѣжныхъ матерей, давшихъ и благословившихъ вашу жизнь?—такъ, чтобъ вамъ и вашимъ дѣтямъ можно было долго наслаждаться днями могущества и свѣтомъ памяти на этой дорогой для васъ землѣ, дарованной вамъ самимъ Господомъ Богомъ.

2-267.634
1:2

EESTI RAHVUSRAAMATUKOGU

1 0100 00401253 6